

34 MAG.
NET

МЁРТВЫЙ СЕЗОН

Новая драма
из Беларуси

МЁРТВЫЙ СЕЗОН

Содержание

Павел Пряжко «ТРИ ДНЯ В АДУ»	3
Константин Стешик «РОДНЫЕ И БЛИЗКИЕ»	33
Дмитрий Богославский «ЛЮБОВЬ ЛЮДЕЙ»	68
Павел Рассолько «КРАСНАЯ ПТИЦА»	147
Яро «ИТ»	201
Юлия Шевчук «ЖИВОТНОЕ»	216
Таня Арцімовіч «ЦВІКІ»	249
Римма Ушкевич «ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ МАЛЕНЬКОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ СТРАНЫ»	264
Павел Пряжко «ЖИЗНЬ УДАЛАСЬ»	275

Павел Пряжко

ТРИ ДНЯ В АДУ

(действие происходит в феврале 2012 года в городе Минске)

Пятница.

Салон сотовой связи «Лайф» на улице Ленина (напротив ГУМа).

Дима снимает заднюю панель с сотового телефона, чтобы достать симку. Оператор оформляет документы на новый сотовый телефон. Дима короткими ногтями пытается подковырнуть крышку, ногти срываются, он пробует опять, начинает трястись, волнуется, оператор роняет взгляд на Диму, возвращается к оформлению бумаг. Рядом останавливается молодой человек в дутой синей куртке, прижимает барсетку, обращает внимание на Диму. Дима трясётся, крышку удалось снять, вынимает батарею. Молодой человек и оператор переглядываются, оператор наклоняет голову к бумагам. Это женщина, брюнетка лет тридцати, с золотой цепочкой поверх черного гольфа и золотым браслетом на запястье. Она сверяется с данными в компьютере, возвращается к бланку. Молодой человек ещё раз переводит взгляд на Диму. В глазах недоумение и сочувствие. Рядом, слева, стоит стеллаж со стеклянными дверками. Подсвеченные чехлы из кожзама на верхней полке, на нижней – наушники и карты памяти. Чехлы дешёвые, дешёво блестят. Такие чехлы любят девушки из провинции, которые работают в Минске, снимают квартиру в Малиновке за 200 баксов однокомнатную, и если спросишь

у них, где находится Национальный художественный музей, они недовольно насупятся, мол, что ты хуйню всякую спрашиваешь, я знаю, что ли. Зато они отлично знают «Макдональдс» на Октябрьской и в каком гипермаркете – «Гиппо» или «Простор» – дешевле готовые суши, по пятнадцать штук в маленьком контейнере. Молодой человек повернулся, посмотрел на стеллаж. Он не провинциал, это видно. Дима трясётся, вынимая симку из старого телефона, руки трясутся, чёрные ботинки были модными два года назад, волосы цвета старой соломы коротко стрижены, красная шея торчит из чёрной куртки. Его старший брат переехал из Наровли как чернобылец, получил трёхкомнатную квартиру в Минске на Слободской, потому что прописал вовремя к себе в дом в Наровле родную сестру с мужем и ребёнком, он работает охранником в «Пятом элементе». У него скуластое худое лицо, он всё время стоит у входа, там где магнитный определитель, переминается с ноги на ногу, в одном и том же сером свитере с беджиком на груди, а глаза маленькие и красные, как у вампира или человека, который много пьёт. Второе. У него второе. Если в пятницу вечером стать призраком в холодном коридоре, соединяющем его квартиру и квартиру соседей, будет неудобно, потому что в коридоре стоит четыре мешка картошки по 30 килограмм, но если на это забить, можно увидеть, как он просится к себе домой, чтобы сестра его пустила в квартиру. Он говорит: «Я к себе домой пришёл или хуй собачы». Он говорит «собачы», не «собачий», потому что у него акцент. «Я к себе домой пришёл или хуй собачы». На что сестра отвечает: «Не пущу. Я сказала, алкоголиков не водить». Друг торопливо произносит: «Пошли-пошли-пошли». Он в ответ на претензию сестры произносит, уже перед захлопывающейся дверью: «Паскуда, блядь». «Блядь» произносится тоже с акцентом. Но он не так уловим, как в слове «собачы».

Квантовые нелокальные корреляции его не интересуют.

24-го февраля утром в автобусе номер 120, едущем в сторону Малиновки.

Лучше стать к двигателю, там теплее. 120-й скоростной, но он останавливается возле гипермаркета «Вестер». Напротив, через дорогу, автостанция «Паўднёва-Заходняя». Это для пригородных маршрутов: Вилейка, Мозырь, Старые Дороги и др. В здании автовокзала есть несколько ларьков, в них продаются газеты, и можно купить попить. Можно купить ночнушку — это ночная женская рубашка, можно купить лосины, нижнее мужское бельё, презервативы, можно купить гирлянду на Новый год, разноцветный дождик, шапку для бани, рукавицы, семена. Работает или девушка в тугих обтягивающих джинсах со стразами, или полная женщина, которая по старой привычке перед сном накручивает волосы на бигуди. Она заменяет, в основном, работает женщина тоже полная, но с волосами, обесцвеченными перекисью, коротко стриженными. Ноготь на указательном пальце сломан. Она в куртке и варежках с обрезанными пальцами, потому что ларёк не отапливается. У них у троих чёрным подведены глаза. Девушка в джинсах курит и пьёт пиво, та, которая заменяет, не курит и не пьёт. Другая курит, но не пьёт. Курит тонкие сигареты «Палл Малл». Раньше курила «Корону», как только они появились. Стала кашлять, перешла на более лёгкие, потом опять курила более крепкие. От «Палл Малла» у неё кашля нет, поэтому курит их сейчас.

За кассой – девчонки, пацаны – охранники. Никто не знает, что такое квантовые нелокальные корреляции... «Это процедура какая-то, да?... С машиной связано, гидравлика...» Улыбается, в передний зуб вставлена страза, из-под платка выбивается чёрная прядь. Если много пирсинга, на кассу в большой магазин типа «Вестера» не возьмут точно. Наверное,

вообще никуда не возьмут, только в магазин «Подземка» торговать ароматическими палочками, хенд-мейдом и никому не нужными дисками с классикой арт-хауса. «Ой, не знаю. Как вы говорите?» «Квантовые нелокальные корреляции». «Ой, не знаю. А что это? Для передачи какой-то?....Это для передачи?...»

Улыбается, молчит, смотрит, не понимает, это прикол или что. Продолжая улыбаться: «Как вы сказали?...Не, не знаю». Срабатывает рация: «Да? Саша, ты уже кушал? Сходи на 28-ю, посмотри, что там с терминалом у неё...».

Никто не знает. Так может в пизду их вообще. Как и экологическое равновесие, биологическое разнообразие, устойчивое развитие, инвайронментализм. В пизду это всё, если никто про это не знает.

Дима добрый. Безграмотный, но добрый. Любит улыбаться, мечтает построить в Каменной горке квартиру. Когда он смеётся, видно, что с левой стороны в верхней челюсти нет резца у него. Это старший брат запустил ящиком, потому что Дима не хотел вывозить навоз из коровника. У Димы есть татуировка, вот здесь вот, за мизинцем, написано: «За вас». Когда поднимаешь рюмку, то тот, кто рядом, может прочесть эту надпись и поймёт, что Дима пьёт за него. За вас. Это такая шутовская татуировка. Дима улыбается, сверкая дыркой вместо зуба, и ждёт соединения с абонентом. Он звонит по новому телефону, держит его возле уха. Шапка съехала вверх чуть. Ещё буквально недавно, прошлой зимой, в помещении или в автобусе он задирает её так на макушку, и она топорщилась, торчала, по чему сразу можно было узнать, что он колхозник, гопник. Наверное, только у нас из всех стран бывшего Советского Союза сохранилось это обзывательство: колхозник. Колхозников можно было сразу определить зимой по тому, как они носят шапку. Задирают её так.

Но это действительно убого. Как менты носят шапки зимой, когда им жарко, меховые шапки свои они так на затылок немного откидывают. Но это сразу понятно, что ну уж совсем колхозник. Колхозник-преколхозник. Перед 23-м Димин брат утром ехал от подруги, которая живёт в Сухарево, в маршрутке 1134 и сцепился с ментом одним, курсантом. Тот не хотел передать деньги водителю, потому что дальше перед ним никто не сидел. Димин брат с заднего сидения протянул деньги впереди сидящему менту и попросил: «Передайте». А мент что-то как-то...замычал что-то, указал: смотри вперёд. Даже не сказал ничего, просто промычал что-то, скорее всего, не знал, что сказать. Но Димин брат понял, что впереди никого нет: кому, мол, я буду передавать, я ж тебе типа не подорвусь, не побегу к водителю оплачивать, встань, блять, сам, жопу оторви и заплати. «Офигеть», – сказал Димин брат и пошёл по салону едущей маршрутки платить за проезд. Поручня не было, он хватался рукой за сидения, неудобно. Заплатил, пошёл обратно, но не смотрел на мента, шёл, уставившись вперёд, перебирая руками сидения, а мент смотрел в окно. Он тоже не хотел встречаться взглядом с Диминым братом. Зимняя форменная шапка была задрана на затылок, лоб открыт. На колене в руке он сжимал перчатки, а в другой руке сотовый телефон. В этот момент маршрутка повернула, и его немного качнуло в сторону. Водитель притормозил, дорогу стали переходить два мальчишка-школьника, они побежали, рюкзаки задергались на спине. Димин брат сел на сидение, вынул сотовый, стал набирать что-то. Он хмурился, тыкал на кнопки. «Офигеть», – это всё, что он позволил себе. Но в воображении...он ему выговаривал по полной. «Сука, мудака, блять, что ты тут, блять, салага. Власть почувствовал? Власть почувствовал свою? На пенсию хочешь в 45 лет, а? А почему я не хочу? Почему я пахать должен, блять? Я, сука, чернобылец, блять! Ты, блять, говно, блять, по сравнению со мной. Хату по кредиту в один процент и пенсию миллион?

За что тебе пенсия такая, сука ты, блять, конченная! Моя мама дояркой 45 лет отпахала! У неё пенсия 400 тысяч! За что тебе миллион, блять?! Что ты походишь туда-сюда?! Урод, блять. Смотри, блять. Поднимай голову, когда идёшь. Кирпичи, блять, падают ещё». Потом его высадил один мужик на работе. Димин брат ему говорит: «Нельзя с ребёнком в такой коляске в магазин». Этот стоит, смотрит. «Нельзя с ребёнком в такой коляске в магазин». «Почему нельзя?»... «Ёб твою мать, блять! Почему нельзя?! Я знаю, почему нельзя?! Правила такие в магазине!» Не забываем, что Димин брат говорит «махазин». У него «гэ» фрикативное. «Махазин». Мужик в недоумении развернулся и покатил свою коляску с ребёнком прочь от этого магазина. Димин брат, побитый красными пятнами, стоял, уставившись в одну точку, сжимая в руке рацию. Если бы вы подошли к нему сейчас и спросили: «Скажите, пожалуйста, а вы знаете что такое квантовые нелокальные корреляции?..»

Каменная горка – в принципе, неплохой район. Там развитая инфраструктура. Там гипермаркет «Магнит», строительный гипермаркет. Там есть магазины с живым пивом. Кино-театра, по-моему, нет. Подруга брата Диминого, она хотела посмотреть, сравнить цены между «Гиппо» на Горецкого и «Магнитом» на Каменной горке. Она бухгалтером работает в МАПИДе. Она ехала, из маршрутки смотрела, кинотеатра не видела. Они как-то с братом Диминым считали, сидели щёлкали каналы, она купила плазму в беспроцентный кредит в «Электросиле», а потом как сравнила цены с интернетом, так слегка прихуела. Переплатила на миллион. Разница между ценой в магазине и в интернете — миллион. Так они считали каналы кино: «Еврокино», «21 век», «Кино-1000», «Русский Иллюзион», «Кино-1000» русское, «Наше любимое кино». Дима ходил с братом, сестрой, мужем сестры и ребёнком их в «Ракету», переделали её. Пошли на «три дэ» на «Хранитель

времени». Еле досидели до конца. Такой бред, блять. А это минус тридцать тысяч из отложенных тогда на сотовый телефон. Это почти три бакса.

Он его заметил ещё в автобусе. Он знал его семью, на Слободской живут. Он работает на Тракторном в цеху, она убирает 25-ю поликлинику, брат ещё живет с ними, работает охранником в «Пятом элементе». А дочка её в школу ходит, вместе с дочкой учится в одном классе соседки его, Андрея жонки, который в охране в казино работает, за мониторами следит. Это её дочка, он её уже с дочкой взял, женился на ней. Он сам из Старых Дорог, она прописала к себе, а он стал на очередь и сейчас по долевному вроде будет строиться. Но он этого точно не знал. Потому что он знал, что так если по очереди, которая для льготников, пять миллионов семьсот. А доленое — иди хоть сейчас. По тысяче долларов за квадратный метр. Спрашивается, откуда такой телефон. Он в «Связном» три миллиона пятьсот. Камера пять пикселей, вай-фай, голосовой набор. Почти комп уже. Айфон практически, считай. Хотя, может, бэушный купил. На звук открываемой двери Дима машинально поднял голову. Ветер задул в салон снег. Дима заметил контролёров, опустил голову к новому телефону. Талон он пробил ещё на Дружной, когда входил. Сразу пробил. Народ не стоял там, как обычно, словно, блять, как, я не знаю, стоят такими рядами, как будто, блять, в бой идут. Очередь на маршрутку, очередь на автобус. Там есть ближе к забору остановка автобуса 6-го. Там маршрутка на Молодечно, там очередь витками, десять метров людей в два витка. На 81-ю, на 32-ю, на 120-ю, сейчас построили Брилевичи — стоят на 35-ю. Было пустили маршрутку на Брилевичи, но она чего-то недолго ездила, сезон, наверное, мало кто садился. Уже сейчас маршрутка — пять тысяч, если летом проезд подорожает, сколько она будет? Если зарплаты не поднимут, будет уже накладно. Хотя с первого

марта базовая подымается до ста тысяч, значит, поднимут цены и на продукты, и на проезд. Он тоже повернул голову, почувствовал холодный воздух, перехватил рукой поручень, взялся чуть повыше. Когда контролеры входили в автобус, он поднял руку и взялся за горизонтальный поручень вверху. Вместе с контролерами вошла девочка в розовом пуховике и сразу пошла вперёд по салону. Полупустой сейчас автобус, 10.30 утра, все уже на работе, час пик прошёл. Следующий — после 15.00. Опять начнётся давка, люди будут висеть. На Щорса в 81-й уже не сядешь. Атакуют сразу Дружная, а потом Московская. Следующая Щорса, всё уже. А девушки если попадают в хвост, в последнюю дверь входят в час пик — всё, это можно повеситься. Потому что реальная вонь. Мужчины воняют. Это подтвердит любая девушка, которая ездила в хвосте 81-го автобуса в час пик домой в Малиновку или Юго-Запад. Воняют псиной, перегаром, дешёвым табаком, гнилью какой-то. Ещё у каждого большая зимняя куртка, тёплая шапка, и из-под неё свалявшиеся волосы, которые они моют раз в неделю, воняют. А ещё если начнёт приставать такой, то вообще пиздец. Это в час пик. Когда включают тусклый электрический свет в автобусе. Сейчас автобус полупустой. Некому ездить. Все в школе, в институте или на работе. Ездят одни дебилы. Женщины из поликлиники с детьми, у кого нет машины у мужа. Бабки, деды, бомжи, дауны, какие-то волосатые молодые люди в плохих ботинках зимних с наушниками. Стопудово слушают «Арию» или какой-нибудь дебильный старый металл. Ездят те, кто слушает русский рок старый. Чижа, Цоя, ездит много тех, кто слушает «ДДТ». Но они как-то распределяются по всем городским маршрутам, и автобусы гоняют до обеда практически порожняком. Они вошли на «Вестере». Трое. Две толстые бабы и мужик. Сразу подошли к Диме, стоящему в хвосте возле движка. Дима, не отрываясь от нового телефона, вынул из кармана

талон, показал им. Они развернулись, пошли вперед. Держась так же за верхний поручень, даже не глядя, он буркнул: «Удостоверение». Сейчас 120-й повернёт, мимо строящегося метро налево на Семашко поедет. Он был почему-то уверен, что Дима едет зайцем. Они пошли дальше по салону. Не знаю, кого они хотят оштрафовать в это время. Девочку эту семилетнюю? Или бабу в вонючем обоссаном пальто? У контролеров синие жилеты поверх зимней одежды. У мужика седые усы и бурое лицо гипертоника. Пьющего гипертоника. Они шибают деньги с людей, допустим, штраф семь тысяч рублей, он говорит: «Давай тысячу, полторы давай», — вот так вот насшибают, а потом после смены собираются кучкой и квасят. У одного мужика, он токарем работал в фирме одной, жена, когда сократили, пошла контролёром в автобус работать. Так вот, её не бывало дома, было такое по трое суток. Сидела в общаге. Насобирают денег за время смены, покупают водку, еду, идут в общагу, бухают там и трахаются. А он сидел с дочкой, приходил с работы, кормил её, проверял уроки, спать укладывал, потом утром вставал и на работу шёл. Вот 9-я поликлиника, он заметил в ладошку на стекле, сквозь мороз, там хорошая узи-диагностика. В прошлом году он делал узи почек, 170 тысяч. 170 тысяч. Это недорого. С учётом, что джинсы стоили 300-400 тысяч. Что такое джинсы, спрашивается, и что такое узи. Сейчас джинсы 600-700, это на распродаже. В магазине — миллион. Миллион сто. Контролеры заняли три места, сели, о чем-то говорят. Сели возле средней двери, мужик на одиночное, бабы вместе. Девочка в розовом пуховике стоит у средней двери, держится за поручень. Повернулась к ним, отвернулась. Следующая важная остановка — гипермаркет «Простор». Он повернёт, и половина большая автобуса выйдет. Лыжник поедет дальше. На конечной выйдет, Малиновка-8. Малиновка-1, Малиновка-2, Малиновка-3, Малиновка-4 — и так до 8-ой. Восемь Малиновок. На его взгляд, это идиот.

Не тот, кто Малиновки проектирует. Куда тогда вся деревня поедет? Лыжник. Занялся спортом в 50 лет. Когда, блять, спорт этот уже на хуй не нужен. Лыжник херов. Шапочка с помпоном, спортивный костюм, курточка лёгкая. Дебил. Вот мимо суда поехал, направо. Справа общаги для мединститута, где одни китайцы, дальше налево, всё это без остановок. 120-й считается скоростной. А есть ещё экспресс. На Ждановичи ходит. Из Серебрянки такой есть до Жданович. Талон был летом тысячу восемьсот. Он на Ждановичах покупал диски. «Апостола» купил все серии. Купил «Ликвидацию» и ещё что-то. А! «Егерь» с Лифановым. Заебатый актёр. Он держится рукой за горизонтальный поручень, перекладину вверху. Сейчас в гражданском, в дублёнке, ездил на авторынок прицениться, потом на работу. Надо или голову перебирать, или покупать новую. Потому что гидрокомпенсаторы надо менять, клапана менять, маслосъёмные колпачки менять, шлифовать, скорее всего, надо будет. А если хуёво, не в размер, выведут при шлифовке, прокладка плохо ужмётся, поедут газы, правильно не выставишь. Лучше уж сразу новую купить. Сколько она встанет — вопрос. А японцев брать сейчас вообще нельзя, потому что они все радиоактивные. Он повернулся, повернулся в другую сторону, потом пошёл и сел. На стенке автобуса, рядом с сидением, на уровне колена, какой-то отморозок написал число 149. Что оно значит, без понятия. Он вынул сотовый, открыл календарь посмотреть, на какой день выпадает 8 марта. Потом открыл игру «Один против всех», белорусский аналог игры «О, счастливчик». Первый вопрос был такой: «Что такое квантовые нелокальные корреляции: 1. раковины на металле. 2. возбуждение воды от винта движущегося корабля. 3. понятие в физике. 4. порча клубней картофеля вследствие глобального загрязнения окружающей среды». Он, не задумываясь, выбрал 4-й вариант ответа. Хочу напомнить, потому что это важно: действие происходит в феврале 2012 года. Это 21-й век.

Девушка в чёрной куртке, отороченной искусственным мехом, идёт к своему подъезду. Она поднимется на четвертый, откроет дверь в квартиру и сразу почувствует запах еды. Из-за того, что все соседи выбивали в стенках ниши под холодильники, чтобы кухня в семь квадратных метров стала чуть больше, нарушилась вентиляция. Её нет в этом крыле. Трубы вентиляционные вырваны, и вместо них в стенах сделаны ниши для холодильников. Девушка испытывает сильнейший приступ тошноты, она уже давно ест только растительную пищу. Она открывает окно в кухне, чтобы пустить холодный воздух. Её мама за 20 лет жизни в Минске так и не избавилась от акцента, говорит «принясу», говорит «я пагавару». Она делает громче, когда Киркоров из телевизора поёт, что не может ворваться в её жизнь. Она не верит, что в Германии пособие по безработице 350 евро. Как не верят все жители деревни Ионы Мстиславского района Могилевской области, которых из 30-ти домов осталось четыре человека. В выходные она любит смотреть из окна кухни, как дети во дворе качаются на железных качелях. Летом она открывает окно и чуть подаётся вперёд. Она сама очень хорошо поёт.

Суббота.

Прямо на снегу расстелены целлофановые мешки. На мешках продукты, которыми торгуют пенсионеры. Это хрен, маринованные огурцы, куски тыквы сырой, сушёные белые грибы, в полиэтиленовых мешках — квашеная капуста на вес. Женщина в синей короткой зимней куртке наклонилась и кладёт мандарины в розовую пластмассовую чашку весов. Выкладывает до килограмма, стрелка показывает пока 800 грамм. Руки покраснели от холода, куртка задралась, спина

голая. Она выпрямляется и становится видно, какое красное, избитое у неё лицо. Губы накрашены, глаза очень чёрным накрашены, она вынимает из кармана куртки пачку сигарет, в пачке ещё лежит зажигалка, пачка не полная, она закуривает, кладёт пачку обратно в карман куртки. Рядом с ней стоит долговязый худой пьяница в чёрной куртке с резинкой внизу, молния расстёгнута до середины, на голове чёрная шапка, он держит руки в карманах, в зубах тлеющая сигарета, подносит руку к губам, затягивается, вынимает сигарету, выпускает дым, опускает руку с сигаретой. Возле его ног стоят два деревянных неглубоких лотка с мандаринами. Верхний чуть прикрыт таким белым капроновым мешком. Начинает подносить сигарету ко рту, в этот момент выбежавший из перехода метро школьник, мальчик, бежит за одноклассниками, случайно ногой задевает бумажку, лежащую на снегу перед весами. На бумажке цена килограмма мандарин: «12 тысяч килограмм. Испанские, очень сладкие». Буква «е» в слове «сладкие» поехала по бумажке вниз, бумажка крутнулась под ногой ребёнка, половину её засыпало снегом, мужчина с зажатой между пальцами сигаретой наклонился, взял бумажку, в этот момент дед в длинном старом пальто и в валенках, стоящий у самого выхода из метро, у него на газете под ногами банки с хреном, сказал: «Менты». И сам первым наклонился, стал запихивать банки в карманы пальто, мужчина подхватил лотки с мандаринами, его подруга схватила весы. Бабки, дед, все волной рванули в бок, в сторону от перехода. Дима никак не мог собрать бананы. Его стало трясти, новый телефон выпал, он схватил телефон, бросил бананы, положил телефон в карман, стал запихивать бананы в сумку, руки тряслись, схватил сумку, бананы, несколько веток, выпали из сумки на снег, остались на снегу, он рванул в бок, мент успел шагнуть к нему, хотел схватить, но воротник куртки скользнул только по руке. Машина въехала на тротуар, ковш подхватил снег, потащил

к ларьку «Союзпечати» на остановке, люди стали расходиться, Дима зацепился ногой за большой кусок мерзлого снега, стал заваливаться на машину, но удержался, сохранив равновесие, отбежал в сторону.

На Слободской, предпоследняя остановка перед конечной Малиновка-4, остановка автобусов 81, 32, 84, из Слепянки идёт, раньше была маршрутка туда 1184, но сейчас убрали и ходит только 1211 до Шабанов, а в Слепянку уже маршрутки нет. 74-й автобус, 75-й, 84 дэ, 23-й, это который идёт через «Розочку», Карла Либкнехта на Романовскую слободу. Есть ещё маршрутный, возит в гипермаркет. 96-й автобус везёт детей в хореографическую школу на Минина. На остановке магазин, аптека, банк и почта. Возле почты, на лестнице, Димина знакомая расстилает целлофан на бетонные перила крыльца, прижимает целлофан по краям камнями, обломками плитки, чтобы ветром не сдуло, пока она будет выкладывать дивиди-диски. Стоит, прячет руки в рукава куртки. У неё длинная зимняя куртка, на рукаве жирное пятно. Люди могут обернуться и увидеть её диски, когда снимают деньги в банкомате, может, кто-то захочет что-то купить.

Килограмм бананов 8 тысяч — это доллар. На бумажке, которая лежит на снегу, написано, что они из Эквадора. Шкура банана зелёная, и они большие. Придерживая подол длинной шубы, женщина перебирает мандарины. Ей кажется, что они все мягкие. «Они у вас все какие-то мягкие», — морщится, ей не нравятся эти мандарины. На тонких, уже с признаками артрита пальцах блестят золотые кольца. Возле её ног на снегу лежит раздавленная хурма. Димин брат купил три килограмма хурмы на Комаровке по 9 тысяч за килограмм. Он перебирал тоже стоял. Так если не выбирать, то такая хурма стоит 22-25 тысяч килограмм. «А почему бананы? А, вижу», — женщина раскрывает кошелек из блестящей красной кожи, протягивает

Диме пять тысяч и три купюры по тысяче. Дима вытягивает из кармана джинсов деньги, ему приходится чуть приподнять плечи: «Ваша сдача». Буква «ч» твёрдая, он произносит не «сдачя», а «сдача». На конце «а». «Сдача». Он говорит, как старший брат, «сдача», «ести», «вылазит», «санцыметр». Деньги перехвачены коричневой детской резинкой для волос. Из перехода метро валит толпа, женщина в шубе, недовольно морщась, касается плеча мужчины в короткой зимней куртке, он стал на её пути. Она спешит к тёмно-синей машине, уткнувшейся бампером в бордюр тротуара. Двигатель не заглушен, стоп-сигналы мигают. Дима суёт деньги обратно в карман. Уголок тысячной купюры надрывается, джинсы плотно прилегают к ноге, и положить в карман деньги непросто. Люди распределились по остановке в ожидании транспорта. У Димы нет специального места для денег. Он хранит их в кармане, складывая по принципу увеличения. Самая большая купюра внутри сложена пополам и перехвачена следующей, потом следующей, потом следующей. 100 тысяч, 50 тысяч, 20 тысяч, 10 тысяч, 5 тысяч, 1 тысяча, 500 рублей, 100 рублей, 50 рублей, 20 и 10. За 10, 20, 50, 100 рублей ничего не купишь. Это мусор. Эти деньги можно найти в городе на земле. Однажды друг Димы срал на Дружной, напротив «Экомедсервиса» на Толстого, срал и подтирался сторублёвыми купюрами. Три по сто, одна пятидесятка и одна десятка. Дима поднимает любые деньги, если находит. Даже десятки, даже если они мокрые, он кладет их в карман куртки, они высыхают, и он рассчитывается ими с кассиршами в магазине. Старшая сестра Димины говорит, что если за крохами тянешься, значит, всю жизнь будешь подбирать только крошки. Она десять рублей не поднимет. Она не поднимет 100 рублей, вот если 500 или тысяча. Однажды её дочка потеряла сотовый телефон, «Самсунг». Дочке 15 лет, на заставке была большая красная роза. Телефон лежал в снегу напротив «Голден кофе» на площади Ленина.

Машина чистила тротуар и оставила горб снега посредине. В 22.30 по этому телефону позвонили её подруге Лизе. В 23.30 из отеля «Европа» позвонил уже другой человек. На следующий день у входа в ГУМ девушка в синем пальто протянула сестре Димы сотовый телефон её дочери. Диминая сестра кинула девушке десять долларов в раскрытую сумочку. Девушка недовольно нахмурилась: она не ради денег отдавала чужой телефон. Диминая сестра почувствовала себя неловко, стала благодарить, что-то сказала, какие-то слова благодарности. Они разошлись, девушка пошла на остановку «сотки», а Диминая сестра пошла на метро, доехала до Каменной горки, села на 52-й троллейбус, вышла на 25-й поликлинике, зашла в 10-й кабинет, переделалась в белый халат, взяла ведро, тряпку и пошла мыть кабинеты врачей. У неё зарплата чистыми 850 тысяч. Пакет молока — 5-6 тысяч в зависимости от жирности. Хлеб от двух с половиной до 14 тысяч. Половина «Раубичского» — 7 тысяч. Рис 7-9 тысяч за 900 грамм, гречка 9-12 тысяч за 900 грамм. Пачка овсянки «Геркулес», дешёвой самой, которая стоила 900 рублей — четыре с половиной тысячи. Мясо 100-200 тысяч за килограмм. Сосиски — 35-40 тысяч. Можно и за 20, да. Но за 20 уже не все их едят. Сок от 7 до 14 тысяч за литр. Селёдка «Матиас» — 12 тысяч, «эконом» — 23 тысячи, творог — от 5 до 12 тысяч, сыры — от 30 тысяч, рыба — от 30 тысяч. И в Сухарево, и в Чижовке, и в Шабанах, и на Юго-Западе, и во всех восьми Малиновках люди убеждены, что всё делается в жизни ради денег. Все соседи Диминой сестры, все одноклассники её дочки Вероники, вся школа во главе с директором думают именно так. Через неделю к ней приехала двоюродная сестра Тоня из Орши и подарила платок. Тоня сказала, прими этот маленький подарок. Пусть он не такой важный, но, сестричка, родная, люби его, как меня. Люби его, как меня. Тоня произносит «ехо», «прыми», «скромны». «Люби ехо, как мяня». Произносит «мяня».

Он заходил перед работой домой переодеваться. Живёт на Слободской, 19. Дом стоит во дворе параллельно дороге, через дорогу — гаражи. Уже, наверное, второй месяц красный старый диван выброшенный стоит у дверей в мусоропровод. Светлый лак сполз с деревянных подлокотников. У стены тут же коробки с едой для котят. Вчера ходила баба из ЖЭСа спрашивала, будем ли скидываться на капремонт подъезда. Полгода по 16 тысяч в жировку уже включено. Соседка напротив из 175-й ругалась с ней, типа мы плотим, и так плотим, за что мы плотим? Она говорит: «Вы плотите за обслуживание, это за капремонт. Собираем списки, всех записываем, кто не расписывается, всё идёт в компьютер, в базу данных». «А за что мы и так плотим?» «Вы плотите за одно, а это за другое, это капремонт подъезда». «А что вы делаете, когда алкоголики вон не плотят, и вы раскидываете за свет, что они не плотят, на всех жильцов!» «Кто вам такое сказал, женщина?!» «Все знают, что вы так раскидываете за тех, кто не плотит». «Мы никогда такого не делали». «Я не знаю». «Будете платить или нет?» «Я не знаю, это наглёж. По 16 тысяч. В жировку уже включено». Кто не расписывается, все данные заносятся про тех в компьютер. Если ты едешь зайцем, оформляешь штраф, данные про тебя заносятся в компьютер, если ты меняешь доллары, данные про тебя заносятся в компьютер, если ты пошёл на «Белтелеком», хочешь посидеть в интернете, обязательно возьми паспорт, только после того, как запишут твой личный номер, оператор выдаст тебе машину, и все твои данные заносятся в компьютер, и все сайты, на которые ты влезал, всё это видно, и всё заносится в компьютер. На крыльце возле почты и «Беларусбанка» девушка в длинном пуховике продаёт дивиди-диски. Всё, что она продавала, он уже видел. «Чёрные волки» с Безруковым он смотрел по телевизору. А «Высоцкий» смотреть не будет. Хрипатый алкаш. Подняли неизвестно что. Другое дело «Любэ». Или Круг. Трофим ничего.

У него мрз с Трофимом всегда в машине лежит в бардачке. Перекинув портфель в другую руку, шаркнул пару раз ногами об тряпку на крыльце, потянул дверь на себя, столкнулся в дверях с пенсионеркой. Почти касаясь плечом её лица, вошел в банк. Три окна из девяти работают. В каждом окне очередь по пять-шесть человек. Пошёл ко второму окну, кинул взгляд на табло с курсами. Доллар — 8 150 рублей. Русский рубль — 250 рублей, а полгода назад был сто рублей. А летом год назад он ездил в Рязань на семинар, был 97, он менял. Сейчас уже 250 за рубль. Стал во второе окно, перерыв через семь минут. Если мужик через одного впереди с жировками возиться не будет, он успеет. Автоматом, как всегда делал в помещении, закинул форменную шапку на затылок, взял бумажку, ручку, стал писать номера. Две симки — мтс и велком. Вся семья на мтсе, а брат на велкоме с женой. По десятке на тот номер и на тот. Надо снять с карточки. Посмотреть съездить после работы, сколько в «Гиппо» фен стоит. Вроде от 58 до 218 тысяч. Ну, такой фен, конечно, за 58 не купишь, хотя какая разница, гонит воздух и всё. Средний возьму тысяч за 110-118. Мужик «россию» меняет, тысячу рублей, водитель, видно сразу, тысяча рублей — это 250 тысяч, два раза сходить в магазин, это если мяса не брать или рыбу. Всякую хуйню если не брать, типа авокадо, шампиньонов. У оператора, парня, псориаз. С ним на одном курсе в академии учился парень из Логойска, тоже псориаз был. Он знает, что у евреев часто псориаз. Он не любит евреев, называет их жидами. Жиды не хотят работать. Жид никогда не будет работать на тяжёлой работе, на стройке, в шахте. У него жена работала в санатории при БГУ одно время, там работала санитарка Оля Сманцер, её завхоз недолюбливала, и когда надо было продлевать контракт, с ней не продлили, она пошла к адвокату, и та сказала: «По законодательству вас не могут уволить, потому что вам 50 лет, пять лет до пенсии, и вас не могут уволить». Она пошла к главврачу,

сказала: «Вы не имеете права меня увольнять, мне пять лет до пенсии». А одноклассник его, типичный жид, возил водку из Украины, его дядька здесь был инженером на мясокомбинате, уехал в Америку и в Америке живёт за счёт того, что делает видеофильмы свадебные знакомым. Сосед по даче жид. Его жена работает риэлтером, третью квартиру в Минске купила сейчас, сын живёт в Америке, дочка младшая работает в физиотерапевтическом кабинете в 25-й поликлинике. У него брат двоюродный работал на рынке на «Динамо», в камере хранения жид работал. В магазине «Рублёвском» товаровед жидовка. Пришёл один, предприниматель хуев, заполнял заявление, отвечал на вопросы, потом: «Я сдавать отпечатки не буду». Отморозок уже где. Все будут сдавать, все сдали. Не сейчас, значит, потом силой. Закон такой. Все, начиная с призывного возраста, должны сдать отпечатки пальцев. Все. Все есть в картотеке, про всех всё известно. На каждого заведено дело. На каждого. Где живёт, где работает, что говорит, смотрит ли в интернете порнуху, кому звонит. Все звонки прослушиваются, всё записывается, все разговоры записываются, известно, куда ходит, сколько денег, есть ли левые. Не сдашь, накажем рублём, не сдашь — в тыкву. Известно, по каким улицам ходит, каким транспортом ездит. И идешь ещё если в форме, и всё время трясешься: не дай бог, кирпич на голову с крыши. А он говорит: «Я не буду отпечатки сдавать». А ещё голубые, блядь. Педофилы. Он видел ролики в интернете, как в России педофилов на фальшивые страницы «Вконтакте» вылавливают, назначают им встречи, а потом учат жизни. Вот у кого сын растёт, тот понимает. Надо перенимать, хороший опыт. Видел смешной клип, на ютубе мужик в автобусе поёт под гармонь: «Ты гори-гори-гори, жидяра, ёхо-хо! Ты гори-гори-гори, жидяра, ёхо-хо! Ты гори-гори-гори, жидяра, ёхо-хо! Ты гори-гори-гори, еврей! Анцвейдрей!» Протянул оператору бумажку с номерами: «Лотерейный

билет не желаете, «Ваше лото», «Миг удачи?» Нет, спасибо. Парень-оператор склонился, стал вводить номера телефонов в комп. Их обязывают предлагать лотерейные билеты. Во всех банках все операторы спрашивают: «Ваше лото», «Миг удачи» не желаете?»

Ты выходишь из дома, ты платишь. Девушка в отороченной искусственным мехом куртке знает это очень хорошо. Сначала в транспорте, автобус или троллейбус, проезд — 1300 рублей, если покупаешь талон у водителя — 1500 рублей. И голо-совое сообщение из динамика: «Просьба, чтобы купюра была не больше десяти тысяч». Если первый автобус, в который села, не довозит, садишься на метро. 1300 рублей жетон. На руки не больше четырёх жетонов. Почему, непонятно. Не хватает их, объясняют. Спускаешься в метро, у этой девушки тяжёлая сумка, лежит нетбук, книжка, контейнер с обедом, который взяла из дома. Тягать её на плече достаёт, хочется куда-нибудь поставить. Но после теракта в метро на всех станциях убрали скамейки. Старухи, старики, женщины с маленькими детьми, все вынуждены стоять. Все стоят на платформе, потому что сесть некуда. Почти год люди стоят. Недавно скамейки вернули. Объяснялось это мерами безопасности. Она платит за проезд, она платит за еду, она платит за вход в клуб, она платит за воду. Дома она платит за свет, за воду, за квартиру, она платит за телефон, сотовый и домашний, она платит за цифровое телевидение «Зала», плюс платит за специальный пакет каналов «ашди». Она платит дополнительно за чистую воду в бутылках по 20 литров — 26 тысяч за бутылку, потому что ту воду, которая течёт из крана, за которую она платит, невозможно пить. Она настолько хлорирована, что, если готовить чай, все равно чувствуется. Она не может мыть голову этой водой, у неё появляется перхоть. Она платит за шампунь,

мыло, одежду, за интернет, за билет в кино. Она платит налоги с доходов 12 процентов. Перед этим её родители, с которыми она живёт, заплатили за эту квартиру в спальном районе на окраине города 52 тысячи долларов, чтобы она считалась их собственностью и чтобы они могли в ней платить за свет, за воду, за тепло. Они въехали и сразу поменяли окна, деревянные сменили на пластиковые, за три окна они заплатили 870 долларов. А квартира на Каменной горке однокомнатная с видом на кольцевую дорогу стоит 72 тысячи долларов. Её подруга снимает квартиру однокомнатную за 240 долларов на Наполеона Орды, и это другой конец города с видом на строительный гипермаркет «Омо». В ней не было ничего: ни плиты, ни мебели, ни холодильника, она платит за голые стены, просто потому что дом новый. Она платит хозяйке за квартиру и платит коммуналку. Хозяйка идёт с этими деньгами, которые получила от неё за свою собственную квартиру, и платит с них налог, потому что она получила доход. У родителей этой девушки есть дача. Но земля им не принадлежит. В любой момент, если стране понадобится, эту землю могут отнять. В любой момент, если это понадобится, квартиру любого могут отнять, правда, будут предлагать в эквиваленте такую же. Но не учитывается, что человек привык, пустил здесь корни, если стране надо, ты должен отдать. Эта девушка садится в 81-й автобус и 40 минут выбирается из Малиновки. На пути Юго-Запад. «Кирмаш», «Макдональдс», кинотеатр «Берестье», секонд-хенд, в котором стали очень большие цены теперь. Один свитер — 85-100 тысяч. На Юго-Западе дома построены в форме олимпийских колец в честь Олимпиады 1980 года. Девушка выходит на улице Московской и пересаживается на 100-й автобус. Её подруга садится на конечной возле строительного гипермаркета «Омо» на 35-й автобус, доезжает до остановки напротив гипермаркета «Вестер», пересаживается на 31-й троллейбус, подъезжает одну остановку, идёт пешком мимо

кафетерия, почты, аптеки, магазина, строительного магазина «Палас» на остановку «Улица Уманская», садится на 40-й троллейбус, выходит на остановке «Райисполком». Она работает секретаршей в Исполкоме Московского района. Её устроили по большому благу. Несмотря на законодательство, по которому очередь на льготное жильё растягивается на 15, 17, 20 лет, а квадратный метр по льготной очереди стоит пять миллионов семьсот, она, работая в исполкоме, поскольку исполком занимается этими вопросами, получит двухкомнатную, трёхкомнатную квартиру через три года. Получит и сразу уволится. Три года из месяца в месяц она будет платить хозяйке 240 долларов, если та не поднимет цену. Три года она будет ждать своего жилья. Не 17, не 20 лет, не с 1987 года 20-го века. Три года только. За это время она выплатит хозяйке квартиры 8 640 долларов плюс коммуналку за три года. Она продолжит платить, уже въехав в новую квартиру. Заплатит за двери, обои, бытовую технику, лампы, окна, если захочет установить душевую кабину. Она будет платить, как и её подруга, всю жизнь, пока не сдохнет. Потом заплатят её родные. За гроб, за венки, за место на кладбище. Кто-нибудь из родных на похоронах скажет: «Она так любила жизнь».

Димин брат сдал отпечатки первым практически. Ну потому что это могло сказаться и на работе. Не продлили бы контракт, и всё. Он их сдал ещё два года назад. Он отошёл чуть в сторону, чтобы не мешать менту с портфелем в руке зайти в магазин. Когда пошло дело от участкового в районный суд, он сразу ему сказал: «Придурок, иди сдавай отпечатки», — и Дима тогда пошёл и на следующий день сдал их. Они собрали все справки, какие только могли. Мент что-то спрашивает у Ляны, закидывает шапку на затылок, уходит за Ляной. Провожая их взглядом, Димин брат поджимает губы, чуть сильнее сжимая

в руке рацию, отходит в сторону, мимо проходит одноклассник его племянницы с мамой. Мама красивая молодая женщина. Над одноклассником этим, племянница рассказывала, все стебуются в классе. Он слушает группу «Гориллаз». Все говорят: «Годиллаз». Племянница говорит, что он хочет выделяться, ходит в школу в кардигане. Что не слушает «Нойз Эмси» только поэтому. Что она знает, что у него на телефоне был Женя Мильковский записан, но он говорил, что качал просто одной девочке из интернета. Что он говорит, что «Ворлд оф варкрафт» — тупая игра и что «Гориллаз» по всему миру слушают миллионы людей, а вот в 3-й школе на Грушевской эта группа известна только ему одному. И что такое «чиллвейф», известно тоже только ему одному. Что так нельзя, как он, выделять себя из всех остальных. Например, все смотрят «Интернов», «Зайцев плюс», «Нашу Рашу», он не смотрит. Говорит, что это лажа, тупой юмор. «Реальные пацаны» тоже для него тупо. Он сказал, что ему сказал его дядя, что он был точно таким же в школе и что друзей себе нашёл только в институте, поэтому он не парится, что в школе у него ни с кем нет общих интересов. Что если он покажет учительнице, какие фильмы дома смотрит, потому что он знает, кто такой Ксавье Долан, потому что он знает, что это за фильм «Субмарина», то она сразу позвонит маме и скажет: «Какие фильмы смотрит ваш ребёнок! Я включила этого Ксавье Долана, это же сплошной ужас!». А этот режиссёр, он же гей. Для одноклассника племянницы Диминого брата это не проблема, он уже определился к шестому классу со своей ориентацией и может смело сказать: «Мама, успокойся, я не гей. Ксавье Долан стильный, но это не значит, что я хочу тоже геем быть. Кстати, такую причёску, как у него, я пока не хочу. Это пока для меня чересчур. В школе не могут смириться с моей лондонской олдскульной стрижкой, что скажут, если я приду с такой стрижкой, как у Ксавье Долана?» Никто в его классе не знает, что такое «олдскульный», «инди», не знают,

кто такой Ноэль Филдинг. В шестом классе школы номер три города Минска только этот одноклассник племянницы Диминого брата смотрит «Майти буш», «Отбросов» и знает, кто такой Зак Снайдер. Он называет себя «инди-кидом», единственным во всём классе, у него в плеере закачаны все альбомы «Арктик Монкейс», он знает, что галстук и кардиган — это стильно. Знает, что такое «конверсы». «Что? «Конверсы»? Это мультик, типа твоих этих радиоактивных. Нет, бабушка, «конверсы» — это кеды, фирма». «А, господи. Я думаю, что он мне всё голову дурит этими «конверсами». Племяннице Диминого брата очень повезло, что за партой позади неё сидит такой одноклассник. Но ей больше нравится Илья, который хочет стать скинхедом. Всё это старший брат Димы вынужден выслушивать каждый вечер, приходя с работы, потому что они живут в одной квартире. Он, сестра, её муж и племянница. И только Дима живёт отдельно на Ангарской, в четырёхэтажной хрущёвке, вместе с другом снимают однокомнатную квартиру за 160 долларов. Спрашивается, какой он алкоголик, квартиру снимает, купил новый сотовый, купил ребёнку сотовый, купил канцтоваров к школе ему на 160 тысяч, купил куртку на весну. Когда он забрал его, привёл в поликлинику 25-ю, у врача глаза на лоб вылезли, посмотрите, говорит, у него сыпь. Говорит: «Как, я такой сыпи сто лет не видела, такая сыпь бывает, когда ребёнок не купан месяцами. Тебя мама когда купала последний раз?» Не помню, говорит. «Ну покажи голову свою». Наклонили голову, там тихий ужас, места живого нет. Он отвёл малого к своей матери в общаги от футлярного бывшего. Ребёнок за месяц поправился, набрал три килограмма, он в восемь лет в первый раз йогурт попробовал. Так какой же мой брат алкоголик?! Справка с последнего места работы — вот она. Вот справка от нарколога. Вот от тёщи из Березино показания: купил сыну компьютер. Разве алкоголик сможет это всё сделать? Приводы были, да. Так а вы сами знаете,

какая милиция. Он может не пьяный, пива выпил, всё уже. Так он пива полгода уже не пьёт. Оскорблял участкового милиционера, матом на него крыл. Так а кто их любит? Ментов не любит никто, кроме их родителей и друзей. В сетях их гнобят, они себя удаляют из сетей. Омоновцы закрывают свои страницы, которые людей разгоняли. У одного спецназовца на странице было написано любимое развлечение: «Люблю бить девушек дубинкой по голове». Это шутка такая. Менты забирают у пьяных деньги, мобильники. Старух, стариков прогоняют, которые продают еду. Но если где-то дерутся, ни один мент не полезет разнимать. Если гуляет пьяная компания, ни один участковый не поедет разбираться. Димин брат украдкой быстро вынул из кармана мобильник, не давал покоя один вопрос: кто только такие дебилы вопросы придумывает? И выбрал всё-таки 4-й вариант ответа. Картошка, что ещё может быть? Порча клубней вследствие глобального загрязнения окружающей среды.

Бритва «Филлипс» с тремя ножами стоит 369 тысяч. Для жёстких волос. Он подумал и взял всё-таки фен за 118 тысяч. Всё-таки 8 марта, надо жонке дарить будет что-то.

Воскресенье.

На 23-е подруга подарила Диме бальзам «Нивея» за 48 тысяч. Он ездил к малому в деревню, купил рулет такой шоколадный бисквитный за 6 тысяч 700. Три сырка глазированных по 2300, это он отдал 2300 плюс 2300, это 4600 и ещё — это 6900. 6900 плюс фанга за 5 тысяч, и купил на вокзале булочек по 1200. Итого он съездил к нему на 6700 и 6900, это будет 13 тысяч 600 и две булочки, это 13 тысяч плюс 2400 — 15400 и плюс 600, — это 16. 16 тысяч. В Березино купил ещё пачку

«Лэйс» за восемь тысяч. Малой любит крабовые палочки, купил ему крабовые палочки. Домой купил, когда уже ехал обратно, в «Просторе» батон с изюмом за три тысячи, а неделю назад он стоил 2800. Сок стоил морковный пол-литра в стеклянной банке 3200, а уже через два дня буквально — 3750. Самый дешёвый тыквенный в стеклянной банке стоил сначала 2800, потом 3200, потом 5900. А теперь 6890. Плавленные сырки в баночках «Ласковое лето» — 2800. Чай «Липтон» — 17 тысяч. Значит, чтобы попить чаю с батоном и плавленым сырком, надо заплатить 22 тысячи 800 рублей. А надо будет ещё что-то взять с собой в ЛТП. И малой просил положить ему на телефон 10 тысяч. По дороге заехал к матери. Договорились, что бабушка положит пять и он — пять. Мать рассказала, что на районе у них там если выше идти от общаг вдоль железной дороги к депо железнодорожному — частный сектор в красной черте. Горел дом. 20 минут ехали пожарные, 20 минут искали люк, зимой пока нашли, потянули шланги, гидравлика сломалась. За час весь дом сторел, а пожарные ничего сделать не могут. Не работает гидравлика, шланги не качают воду. Стояли и смотрели, как горит дом у людей.

Домой не хотелось. Поехал к брату на Слободскую. Пошёл на конечную 6-ки и 49-го, через болото к Семашко, мимо строительного училища, сел напротив на 65-й троллейбус на остановке напротив 9-й поликлиники, там дядька его лежал в 60 лет, заболел астмой. Пока закурил, приехал 65-й, полный битком. Из города едут в спальные районы люди. Стоял всю дорогу рядом с мужиком в меховой шапке и высоким парнем с дредами. Парень вышел на Громова. Что-то передумал сразу к брату идти, вспомнил, что надо сделать ксерокопию паспорта, вышел на АТС, пошёл на «Белтелеком», заплатил за ксерокопию две с половиной тысячи, на сдачу с трёх

тысяч взял на 14 минут интернет, открывает свою страницу «Вконтакте» и видит поздравительную открытку с праздником всех мужчин 23 февраля. Салют и цветы. Залез на «Онлайнер» посмотреть, сколько стоят телевизоры, такой как у сестры плазма «Элджи» 106 сантиметров диагональ — 4 миллиона 800 тысяч, это 600 баксов, стал смотреть пылесосы, блендеры, микроволновки. Время оставалось ещё семь минут. Полез посмотреть по второму разу всё. На трёх минутах на мониторе выскочила табличка: «Осталось три минуты». Влез опять на страницу «Вконтакте», кликнул на гороскоп, потом увидел, что осталось 15, 14, 13 секунд, вышел из «Вконтакта», поднялся и, на ходу надевая шапку, пошёл к дверям. На улице уже было темно. Мимо по тротуару прошла женщина с огромной овчаркой.

Брат лежал в зале, смотрел телевизор, племянница гуляла в компьютер, сестра мыла посуду на кухне, после стола праздничного. Её муж открыл Диме дверь и, шаркая тапками, потянулся в зал, плюхнулся в кресло, стал дальше смотреть телевизор. Брат поднялся, пошёл на кухню. Дима сидел на стуле между холодильником и столом, сказал, что сыт, ничего не хочет, у матери поел. Брат опёрся плечом на дверной косяк, скрестил ноги, тапок отлип от пятки, свесился с ноги. За окном на стадионе кто-то стал херачить петарды, потом взрывали ракеты, прибежала племянница, на кухне выключили свет, притянулся муж сестры, все смотрели в окно и считали залпы. Один, два, три, четыре, пять. Про ЛТП обмолвились один раз только, сестра сказала, что надо туалетной бумаги будет взять с собой, она купила шесть рулонов за 11 тысяч. Дима посмотрел: она жёлтая, двухслойная, какая-то пидорастическая, если он такую бумагу перед мужиками достанет. Сестра психанула, сказала, нормальная бумага. В 21.30 Дима ушёл.

А брат ещё в пол-одиннадцатого поехал в Сухарево к подруге. Водитель ещё поднял интересную тему, спросил: «Маршрутное

такси, это что? Приравняется к автобусу или к такси?» К тому, что когда сидишь спереди, пристёгиваться надо или нет. Влезла мысль, и думал про это всю дорогу. Потом пока шёл на работу через стоянку перед «Гиппо», думал всё: надо пристёгиваться в маршрутке на первом сидении или нет. В воскресенье к Ляне пришёл кавалер, они пошли в пиццерию. Он хотел после обеда уйти, надо было помочь Диме собраться. Обедал в подсобке в гардеробе, возле своего шкафчика. Ещё осталась селёдка под шубой с четверга, что сестра готовила, и сосиски он себе отварил две. Сосиски остыли, из-за огромного количества сои при варке разбухли и холодные были совсем невкусные. Потом перегорела лампочка, свет стал совсем тусклый.

Игорю, однокурснику, рассказала про дешёвую курицу на вокзале Люда, его знакомая, она секретаршей в суде работала до пенсии. А Игорь уже позвонил ему. Везде курица по 25 тысяч, а на вокзале 21. Он поехал утром в воскресенье сразу после звонка, сел на 74-й автобус на конечной, там где мост через кольцевую, и доехал до вокзала, хотел выйти на Музкомедии, на повороте, зайти в «Столицу» посмотреть лезвия, там были лезвия в киоске 5 штук «Биг стар», за 7 тысяч. Но посмотрел, что ещё только 9.30, а «Столица» открывается в 10. Берцы со вчерашнего ещё хождения не совсем просохли, в носке чувствовалась такая тёплая влажность немного. Он надел двое носков, одни он носил чёрные всегда, в ГУМе покупал, а вторые одел сегодня шерстяные, вязаные, купил у бабки в переходе, как идти на авторынок малиновский. Кололись, и нога чесалась даже через носки. Прикинул, что если бы не бесплатный проезд ему, это он бы накатал за сегодня: 1300 до вокзала, с вокзала на 6-ке — 1300 до Минина, с Минина пошёл на «Автосилу» через гаражи, мимо стоянки, его знакомый участковый называл это место «адская лестница», через дорогу мимо школы к детской

поликлинике, туда наверх к «Паласу», за «Паласом» сразу остановка «Уманская», 40-й троллейбус, 1300 до Комаровки, с Комаровки на метро — 1300 или 1300 на троллейбусе обратно до Немиги, там пройти к «Макдональдсу», повернуть направо, подняться чуть вверх, мимо центра медицинского «Благовест», и справа кинотеатр. А через дорогу слева парикмахерская, там фотография в стекле большая артиста из «Сверхъестественного». А жена захотела сходить на «Шерлока Холмса. Игра теней». Первую они смотрели в «Октябре», а в «Беларуси» ещё ни разу не были, решили сходить на «Шерлока Холмса». Это раз, два, три, четыре. Четыре раза по 1300 и обратно, если ехать, это можно спуститься к метро, доехать до вокзала, там перейти на Дружную, сесть на 81, 32-й автобус или 65-й троллейбус. Это ещё два раза по 1300. Это 7800. 7800 он до обеда уже сэкономил. Кино в 16.20, поедут на маршрутке 53-й, по пять тысяч, это десять тысяч, обратно поедут тоже на маршрутке, если влезут. Если нет, поедут на 53-м троллейбусе, будут ехать 40 минут, в битком переполненном троллейбусе через весь город. Итого он экономит в день 27 800. Спасибо работе. При зарплате, допустим, как у его жены, которая работает в центре детского творчества «Золак», миллион восемьсот, 27, грубо округляем, 28 тысяч в день — это она бы отдавала только на проезд в месяц около 840 тысяч рублей.

В кинотеатре в очереди услышал, как уборщица другой говорила: «Люди уже ничему не удивляются». Вторая поквохтала, подакала, и разошлись со своими тряпками. Он ещё хотел заехать в аптеку на Московской, возле Дома быта, мать просила лекарства купить от давления. Подобрала себе лекарство, называется «Физиотенз». 79 тысяч по 0,4. Это в этой аптеке только на Московской, в одной. А в государственных даже на 30 тысяч дороже. Попросила купить, сказала, что в понедельник отдаст деньги. В Доме быта хоть посрать зашёл за день. Пока поднимался

на второй этаж, спросил, сколько стрижка мужская. От 40 тысяч. Мыла в туалете не было, зеркало треснуло слегка по краю.

Что у мента в портфеле.

Курица, 21 тысяча килограмм, свинина по 72 тысячи за килограмм, семена на рассаду: кабачки, огурцы, фасоль спаржевая, тыква, морковка, земляника, капуста декоративная, цветёт до Нового года практически, если снег не лежит. Это всё потянуло на 52 тысячи, в мешке отдельно торфяные горшочки для рассады под землянику, по шесть штук в контейнере, один горшочек — 400 рублей, четыре контейнера — 9 тысяч 600, плюс земля 10 тысяч за четыре с половиной килограмма. Авокадо — штука от 15 тысяч, жена хочет роллы попробовать сама сделать. Рис специальный — от 30 тысяч, водоросли — 20 тысяч, рыба — от 50 тысяч, огурцы зимой — от 12 тысяч за килограмм, мпЗ Трофима, паспорт. И так каждый день, только меняются продукты: вместо авокадо — яйца, допустим, вместо огурцов — батон и хлеб, молоко, кефир, может, баночка кукурузы на салат или селёдка. Когда выходил из «Каравая» напротив Площади Победы, вдруг замер, напрягся, неужели всё-таки кирпич. Из сталинки кто-то. Потом решился, поднял голову. Нет. С козырька крыши упал ком снега. Собрался и пошёл дальше. Через Парк Горького, вдоль речки, мимо стадиона для хоккея на траве, вышел на Пулихова к трамваям. Сел на 4-ку до вокзала, перешёл на Дружную, там сел на 120-й. Надо ещё порошок зайти в «Простор» купить успеть и зубную пасту, закончилась. Магомет к горе не ходит. Он её ещё носил сначала, прикидывал, 500 долларов — 600, 500-600, потом понял, что... и положил папку обратно в стол на работе.

В музее температура при ноле градусов на улице — плюс три, девушка, у которой мама любит петь, сидит в кабинете, не снимая куртки. С ней в кабинете в воскресенье сидят ещё четыре женщины. Надо план. Пять экскурсий в день. Билет

в музей — 20 тысяч. В музей ходят, как правило, если ходят вообще, то вдвоём. Это 40 тысяч. 40 тысяч — это палка колбасы. Даже не надо долго думать, кто что выберет. Отец принёс девушке на работу масляный радиатор. Она поворачивает голову, подпирает кулаком подбородок и смотрит в окно на ворон. Вороны сидят на берёзе во дворе.

ЛТП — это «лечебно-трудовой профилакторий» расшифровывается. Это пять брезентовых палаток в ста километрах от Минска, недалеко от деревни, в лесу. В палатке десять человек. Это все мужчины среднего возраста, пьяницы, тунеядцы, те, кого страна согреть не собирается. В палатках не отапливается, и нет света. При температуре на улице минус десять в палатке минус десять...

Константин Стешик

РОДНЫЕ И БЛИЗКИЕ

(10 текстов)

Английский

Тётя Света жила совсем одна в крохотной квартирке на пятом этаже: две комнаты, первая из которых напоминала, скорее, короткий коридор к узкому окну, чем комнату.

Тётя Света не любила её и старалась никого туда не пускать, ссылаясь на беспорядок. Но там – мы однажды подсмотрели – было пусто, тихо и темно: только ржавая раскладушка у правой стены и крепкий низкий стул у самого окна.

Тётя Света несколько лет назад похоронила мужа, и мы догадывались, что в этой комнате он как раз и жил перед самой смертью. Если бы нам не сказала мама, мы и не узнали бы никогда, что у тёти Светы был муж, – сама она вела себя так, словно с самого начала своей жизни в качестве взрослой женщины была одна и никаких мужчин не знала. Детей у неё, насколько мы знаем, никогда не было, потому притворяться старой девой она могла достаточно легко.

Тётя Света работала в нашей школе учителем английского, и мы

часто оказывались у неё дома – «тянулись за остальными», как она это называла. Учились мы сносно, но вот с английским случались проблемы – других учителей английского в нашей школе не было, потому все мы, так или иначе, со временем попадали в маленькие, но цепкие руки тёти Светы.

Чужим детям она прощала многое, если не всё, нам же засчитывалась любая недоработка. Все мелочи, вроде бы тут же позабытые в классе, обязательно и неумолимо всплывали у неё дома, когда те из нас, кто уже вкусил английского, приходили к ней «тянуться».

На уроках она никак не подчёркивала нашего с ней родства, будто бы имея нас в виду совершенно одинаково вместе со всеми остальными охломонами, но мы-то видели то, чего не замечали остальные, мы чутко ловили самую незначительную перемену в её настроении. Тёте Свете вдруг становилось холодно, она начинала спокойно, но с силой растирать якобы заочневшие пальцы, едва заметно горбилась, слегка пожимая плечами, словно бы в неосознаваемом, рефлекторном удивлении, и почти неощутимо, но всё же смотрела мимо нас, нам за спину, но не в глаза.

Домой к ней мы шли так медленно, как только могли, однако не прийти было нельзя. Каждый из нас был на голову выше неё, а она походила больше на невзрачную старшеклассницу, чем на взрослую женщину и учителя, но мы, тем не менее, серьёзно её боялись. Частью этого страха был натуральный трепет восхищения и обожания, но какой школьник себе в таком признается?

Это теперь мы понимаем, что подпольно даже для самих себя любили её и переживали из-за того, что она – наша тётка. Только любить мы хотели издали и без надобности приходить к ней домой.

Квартира тёти Светы нам не нравилась даже больше, чем

необходимость заниматься английским ещё и за пределами школы, – этой квартире остро не хватало второго жильца. Мы всякий раз его ждали – буквально слышали шаги на лестнице и звяканье ключей за дверью, но эти звуки всегда превращались в другие, и никто не приходил.

Шаги оказывались спонтанными скрипами старых продавленных полов, а звякала, например, чайная ложка в пустом стакане, зачем-то сама по себе, без каких-либо усилий с чьей-нибудь стороны. Тётя Света всего этого как будто бы не замечала.

Она стояла у окна, скрестив на груди руки так, словно сама себя хотела обнять, но передумала на полпути, и смотрела на улицу.

Мы пыхтели вокруг стола за специальными тетрадами, каждый в ожидании своего невесомого подзатыльника, но тётя Света руки распускала редко и была чисто символически, только слегка обозначая действие. Но вот для нас её призрачные подзатыльники были, на самом деле, единственным удовольствием в этой жутковатой квартире, и мы даже бывали расстроены, когда не получали их. Мы не то чтобы вождедели этих лёгких к нам прикосновений, но были, в общем, не против.

«Тянулись» мы долго, до самой темноты, и шли домой со звенящими больными головами, разговаривая между собой коротко и исключительно на английском, потому что все другие наречия начисто забывали, английский же становился для нас чем-то вроде нервного тика – мы ничего не могли с ним поделать, переполненные под завязку его словами.

Когда тётя Света вдруг потеряла свою обычную строгость и совсем перестала обращать внимание на наши провалы или успехи, мы поняли, что с ней случилась какая-то беда. Тётя Света теперь поила нас чаем и гладила сухими ладошками по щекам, про английский вспоминая с трудом и в упор не видя наши специальные тетради, а мы в это время жутко на самих себя свирепели, поскольку

не умели прямо спросить, в чём дело.

Мы продолжали приходить, но сейчас это были уже просто гости, а не занятия. Английский отвалился потихоньку куда-то в сторону, на его место пришли торопливые беседы ни о чём. Правда, мы почти всё время молчали, говорила всегда тётя Света – рассказывала сбивчиво какие-то должны быть весёлыми истории из собственного детства, но нам было не по себе, и мы, если смеялись, то чаще всего мимо. Не смеяться было нельзя – из уважения, конечно, но тётя Света, наверное, не замечала наших промахов и, в который раз перескочив на другое, продолжала с чуть отстранённой улыбкой.

Мы не знаем, успела ли она рассказать нам всё, что хотела. Мы отказались целовать её мёртвую, хотя в смерти своей она ничуть не изменилась, только стала немного бледнее. Мы лишь попытались пожать её тонкие детские пальчики, ставшие твёрдыми, как дерево, и не поддающимися прикосновениям.

Она и так была маленькой и хрупкой, а теперь её почти совсем не было – мы с трудом различали её, такую обидно прозрачную, в таком внезапно большом и тяжёлом гробу.

Когда гроб вынесли из квартиры, в самой первой, много лет нежилой комнате с грохотом опрокинулся на спину старый, толстого дерева стул.

13 октября 2011 г.

Папа

Папа ходил и спал в старенькой шинели. Мама ругала папу и просила хотя бы снимать сапоги перед постелью. Папа сбрасывал с грохотом сапоги и падал на простыни, не признавая

одеяла, кутаясь в побитую молью, мшистую шинельку. Мама сидела всю ночь на краешке рядом и тихо плакала в носовой платок.

Папа не пил водку, папа не курил, он даже телевизор не мог смотреть – вставал в пять утра и шёл на балкон строгать что-то страшно острым ножом. Этим ножом резались все, только папа не резался – папа облизывал лезвие языком, и ничего не случилось. Наверное, в папе не осталось ни капли крови, вся кончилась ещё много лет назад, тогда, на войне.

У папы было тёмное лицо с неопрятной редкой бородой, а вот глаз его мы не помним – они всегда смотрели куда-то вниз, поэтому вместо глаз были какие-то постоянные чёрные лужицы сморщенной кожи.

Папа почти не разговаривал. Мама тоже научилась почти не разговаривать, но на телефонные звонки отвечала, с трудом заставляя себя вспоминать самые простые слова. По субботам папе приносили пенсию, но папа никак на это не реагировал – так и продолжал сидеть на табуретке, играя ножом. Иногда папа с силой швырял нож в стену, выбивая из неё громадные куски штукатурки. Мама ругала папу, но из другой комнаты, на всякий случай. А потом снова плакала, как ночью.

Нет, он никогда не был другим до войны. Он всегда был такой, с самого начала. Посмотрите на свадебную фотографию – он в той же самой шинели, только чуть поновее, а глаза всё так же смотрят вниз, под ноги, на сапоги. Мама ещё улыбается, но как-то уже сомневаясь. На этой фотографии папа так же сидит на табуретке, а мама стоит слева, чуть позади, положив руку папе на плечо.

Она его любит, до сих пор любит, сейчас, может, даже силь-

нее, чем раньше, до войны. Его нельзя не любить, говорит она, он такой добрый. Наверное, самый добрый вообще. Мы не спорим с мамой, верим ей всегда, потому что так воспитаны.

Впрочем, если сильно постараться, то да, можно увидеть, можно почувствовать, разобраться – и как будто даже заметить, что папа вот-вот улыбнётся нам. Но у папы отваливается челюсть, и в тёмный провал его беззубой пасти отправляется кусок хлеба с морозными крошками соли. Мы вздрагиваем, поскольку в этот самый момент видим внутри себя, что это и не хлеб вовсе, а плоть наша, скверное мясо его сыновей. Папа, не задумавшись, проглотит каждого из нас, если будет нужно.

Только, если начистоту, лучшего отца нам и не придумать. Он ни разу нас не ударил – даже когда мы дотла сожгли наш прошлый дом. Тогда папа и вовсе не посмотрел в нашу сторону, как будто нас и не было никогда. Просто улёгся в своей шинели на обугленную кровать, не забыв сбросить в угли сапоги, и уснул. Очень тихо, без храпа. А мы стояли рядом, с ног до головы в саже, мама плакала, а соседи – чуть поодаль – просто боялись подойти.

Папа убивает быстро и наверняка любого, кто будет мешать, – и ему за это ничего, потому что он воевал, у него медали, много, мама хранит их в чистой тряпиче под одной из половиц на кухне, а папе всё равно – он не за медали воевал.

И вот он так спал посреди пепелища, а мы до самого утра стояли рядом и боялись, что он проснётся, но ещё больше мы боялись, что он не проснётся. Если он умрёт, думали мы, то всё равно не оставит нас. Будет так же бродить по квартире, сопровождаемый теперь уже зримым чёрным ветром, захлёстывая нас своим небытием, и совсем перестанет спать.

Но пуще всего мы боялись, что папа станет смотреть нам

в глаза и вспоминать наши лица. И как-нибудь утром сядет к нам на постель и скажет одному из нас: «А ну-ка, иди сюда, сынок».

5 октября 2011

Елены

Дядя Павел человек был сильнопьющий, из-за этого конкретно с придурью – и троих своих дочерей назвал одинаково – Еленой. Старшую принято было так и оставить Еленой, средняя стала Леной, а младшая, соответственно, – Леночкой.

Отец их, выпив, любил подраться и дрался, в основном, с женой и дочерьми – хватал обычно алюминиевую трубку от пылесоса и со всеми последними силами бил по чём попало. Сил у дяди Павла было пока ещё много, потому трубка вся погнулась и сплющилась, а жена его, тётя Мария, и три Елены стали часто ночевать у нас – дядя Павел всё чаще угрожал топором, которым рубил мясо. Топор хоть и тупой, но всё же не полая трубка из алюминия.

Тётя Мария спала в одной комнате с нашей матерью, а Елены – на нашей кровати, за что мы их крепко не любили, поскольку нам тогда доставался совсем дохлый матрас на полу. Елены были жутко стеснительными, спали в одежде, а если мы среди ночи вдруг случайно оказывались рядом – больно щипали нас за плечо.

Мы тогда не могли знать, конечно, что Елена, когда вырастет, станет лётчиком-испытателем, что Лена выйдет замуж за спивающегося писателя, а Леночка сопьётся насмерть сама, – для

нас они были все на одно лицо, как близнецы, мы легко их путали и вообще не помнили, кто из них кто, тем более что общее у них на всех имя никак не помогало их различать. Мы упорно звали всех троих Леной, не понимая и не чувствуя разницы между принятыми в их семье вариациями. Елены обижались и подолгу с нами не разговаривали.

Когда старшая закончила школу, а младшая осталась на второй год в восьмом классе, дядя Павел зарубил топором тётю Марию и сел в тюрьму. Елены пробовали жить одни, у них неплохо получалось, но наша мама никак не могла с этим согласиться и кое-как, но всё же уговорила Елену отдать нам Леночку.

Мы думаем сейчас, что старшая ломалась, скорее, для виду, не желая казаться несамостоятельной и слабой, а на деле была рада избавиться от младшей, потому как очень хотела уехать в столицу поступать, а взять с собой Леночку не могла – та к тому времени капитально испортилась и стала почти неуправляемой.

Так Лена осталась жить на их квартире одна, Елена уехала учиться, а Леночка попала к нам в руки. Мы били её почти каждый день. Во-первых, она была одна, а нас много. Во-вторых, она сильно подурнела и совсем перестала нам нравиться. И в третьих – она воровала у нас деньги. По этим трём причинам Леночка постоянно ходила с подбитыми глазами – то правый, то левый, а то и оба. Дважды мы ломали ей нос, один раз – руку, которая срослась неправильно и потом нелепо торчала в сторону птичьей лапой.

Мы не были хорошими братьями. Мама наша работала в больнице, потому дома бывала нечасто, практически всегда ближе к ночи, – и детей своих почти не видела. Кроме, разве что, Леночки, которую чаще всего подбирала на лестничной площадке этажом ниже – никакую и в рвоте.

Лена Леночку к себе не пускала, мы – тоже, но мама не пустить не могла, хотя, подозреваем мы, в глубине души ужасно хотела уметь не пускать, но не могла. Тащила полуживую Леночку по лестнице, шёпотом матерясь.

Мы в такое время, как правило, спали, так как все были жаворонками и ложились рано.

Елена приезжала редко, потом и вовсе перестала, сначала раз в месяц писала короткое письмо, но со временем письма становились всё короче и приходили всё реже, а последней пришла новенькая открытка с самолётом. На обратной стороне, там где положено быть словам, слова были, но мало и вот такие: «Не знаю, что написать. Елена». Одно время мы думали, что она умерла, но как-то раз прочитали о ней в газете – и тогда забыли её уже насовсем.

Лена в гости к нам не ходила, а ходили про неё всякие грязные слухи, что, мол, спит со всеми подряд, лучшая минетчица в городе и прочая галиматья в таком же ключе. Мы не стремились проверить, всё-таки Лена была нам сестра, пусть и двоюродная и не шибко любимая. Но к ней мы хотя бы испытывали минимальную симпатию, а вот Леночку просто ненавидели.

Из школы её попёрли – в придачу ко всем своим фокусам она ещё и забеременела. Мама обрадовалась, но Леночка родила мёртвого ребёнка и сошла с ума.

Первый раз в психушку сдали её мы. Леночка в тот вечер пришла домой сама, почти даже трезвая, но вся какая-то мокрая и жалкая – упала в лужу, объяснила нам она. Нам было, в принципе, наплевать, лишь бы не загадила ковры, поэтому мы помогли ей переодеться в сухое, дали стакан чаю и ушли в свою комнату – заниматься кто чем.

Младшие клеили модель самолёта, старшие готовились на завтра в техникум, все вместе слушали радио. В какой-то момент открылась дверь, и к нам вошла Леночка – совершенно голая и с ног до головы перемазанная собственной кровью, но никто не заметил – радио надрывалось, а мы струдились вкрут стола, поглощённые напрочь каждый своим делом.

Обнаружили мы её у себя, только когда она начала кричать и легко перекричала радио. Леночка стояла у нас за спинами, смотрела в наши, повернутые к ней лица спокойными, добрыми глазами и громко кричала.

Когда уехала перевозка, мы не пошли сразу домой – остались во дворе и впервые нарушили режим: сидели молча на скамейке и курили часов до двух ночи.

Лена через месяц вышла замуж, но на свадьбу нас не позвала, а потом и вовсе продала квартиру каким-то грузинам и уехала с мужем к сестре. Писем от неё не было ни одного. Через год умер в тюрьме дядя Павел.

Можно сказать, мы остались одни – Леночка месяцами жила в больнице, там превратилась в бессмысленную чёрную старушку с подбитой лапкой и окончательно разучилась разговаривать. Дома она, когда возвращалась, почти не бывала, бродила, шаркая разбитыми сандалями, по улицам и собирала пустую тару. На вырученные копейки покупала бутылку самого мутного бырла и с неё за минуты уходила в никуда, в полное небытие.

Когда Леночку нашли мёртвую в траве за овощным магазином, ей было всего двадцать пять. На похороны из остальных Елен никто не приехал.

11 октября 2011

Двоеточие

Нас и сейчас чересчур много, а он всегда был один на любом фоне, кто бы в качестве такого фона ни выступал – мы или же какие-нибудь его унылые одноклассники, а потом и сослуживцы. Даже звали его не так – Роман, когда все остальные были либо серёжи, либо саши, либы вообще димы.

Рома – старший, вроде как свой, но Рома при этом почему-то отдельно, как будто и не сын наших с ним родителей, а некий лучезарный подкидыш. Он на голову выше, на голову умнее, на несколько обидных метров дальше, чем мы, постоянно плетущиеся в самом хвосте конопатые коротышки с обыкновенными круглыми головами стандартных троечников.

Наша семья с самого начала делилась на три неравные части: папа с мамой, потом Рома, а уже совсем потом – мы, плотной кучкой, едва-едва разделённые между собой годом-двумя. При этом самой внушительной частью был, конечно, Рома – его бы в этой классификации следовало ставить на первое место, а нас и вовсе не вспоминать, настолько мы были невзрачны и одинаковы – грубо сработанный задник, не более.

О нас, детях наших родителей, знали, что мы – это «Рома и эти», которых зазорно помнить по именам, можно только постоянно путать, не умея даже толком подсчитать, сколько их там ещё, кроме Ромы. Рома был легален, мы – с большой натяжкой.

На всех фотографиях Рома смотрит куда-то в сторону, когда все прочие сообща разглядывают объектив. На последней своей фотографии Рома вообще никуда не смотрит, поскольку лицо его наглухо закрыто отрезом белой ткани.

В морге очень старались, но получилось плохо – и не потому, что в нашем городе нет специалистов по приведению умерших граждан в должный вид перед последним их явлением родным и близким, а просто характер ранения был такой, что даже самый-самый специалист опустил бы руки. Не из чего было собирать.

Рома принял выстрел в упор из двухстволки. Смерть мгновенная, не мучился, но лица, с которым можно было бы попрощаться, нет, и Ромы тоже нет – слишком рано, мы ещё не успели хотя бы начать понимать, кем он был вообще. Те, кто знал его случайно или по обязанности, ответят, наверное, что Рома был хорошим милиционером, если таковые в принципе возможны.

Хорошим, но не лучшим, конечно. Он стал бы и таким, но выстрел из двух стволов поставил на нём, его желаниях и возможностях жирное двоеточие, за которым, вопреки правилам любого языка, не оказалось ничего, кроме постоянных теперь тишины и пустоты тут же схлопнувшейся до предельного минимума Роминой комнаты.

Мы долго не могли зайти в неё, отважились только на сорок первый день – и поразились тому, насколько она, на самом деле, маленькая. Маленькая и нежилая, только нежилая уже совсем по-другому, не так, как при Роме.

Рома в своей комнате спал – не больше пяти часов, потому что спать не любил, искренне веря в то, что сон – занятие совершенно бессмысленное, обыкновенное убивание времени, и если бы Рома мог, то завязал бы со спаньём навсегда, но физиология брала своё, и Рома крайне неохотно ей подчинялся – всегда с весёлым ворчанием, начисто отрицая эту самую физиологию и ссылаясь на лень, в которой, якобы, всё и дело.

Утренний Рома носился по квартире с увесистой чашкой кофе в одной руке и с очередным учебником – в другой, а мы в эти

минуты ненавидели старшего брата максимально чёрной ненавистью – ещё и потому, что читал он только вслух и не бубнел при этом, а почти даже пел.

Мы затыкали одно ухо одеялом, накрученным на кулак, а второе изо всех сил прижимали к подушке, но помогало не очень – и приходилось уже самим вываливаться в отнюдь не гостеприимную реальность пяти утра любого дня, каким бы он ни был – пусть праздничным, пусть простым и плоским, без разницы.

Рома, конечно, был нам рад. На кухоньке топтались едва-едва адекватные так дерзко и резко наступившей яви родители, стояли в очереди в ванную мы, полуодетые и чуть живые, а Рома на всю квартиру занимался уроками.

Мы от таких каждодневных его занятий готовы были выть, но если Рома вдруг уезжал на несколько дней, мы в первые дни из этих нескольких просыпались так же рано, но в пустоту. Ромы было чересчур, но без него почему-то не было вообще ничего, даже нас.

Мы становились полупрозрачными и тупо шатались по внешне такой огромной и тихой квартире. Папа с мамой в такие утра сидели на кухне по разные стороны стола, молчали, и лица у них делались напряжённые и почти злые, а мы, не умея мириться с тишиной такого масштаба, нарочито ссорились между собой и, бывало, дрались, занимая и отвлекая себя таким образом на все ранние часы.

То, что Рома пошёл в милицию, вряд ли удивительно: он умел, но сильно не любил учиться и, родительским настойчивым по поводу института намёкам и пожеланиям вопреки, пошёл сначала в армию, а потом и в органы. Ему нравилось. Теперь по утрам он открыто пел, поскольку, хоть и сгнули учебники, привычка заполнять утреннее пространство звуком осталась.

Только не нужно думать, что Рома был прямо совсем одуванчиком – он бывал резок и жёсток вплоть до жестокости, но проблема в том, что таким его помнить нам едва ли хочется. Мы помним и понимаем его исключительно утренним, пусть даже и сквозь наши гудящие от недосыпа головы.

Мёртвого Рому память минует ради простейшего самосохранения, рассеивая укрытую белым горизонталь нашего брата в лохмотья плохо запомненного сна, – такой Роман – без лица, с одними только пожелтевшими руками поверх остановленной груди – из области разве что дурных видений, невсамделишный, плохо придуманный и чужой.

Сейчас уже не важно, что застрелил его спятивший от иррациональной зависти сослуживец, – мы-то знаем, что смерти никакой нет, есть только особый двойной щелчок выключателя, после которого из отдельно взятой жизни тёплым соком выходит её свет – и больше его никогда не бывает, как ни щёлкай. Утро беспощадно чернеет, а комната брата сжимается до размеров обувной коробки. Игрушечные стол, стул, шкаф – и кровать, много лет ночующая сама по себе – в переполненной смутными веточками невозможного теперь будущего пустоте.

Петь по утрам мы так и не отважились.

17 октября 2011 г.

Варежки

Таня училась с нами в одной школе и в каком-то смысле была нам сестрой – её папа много лет назад ушёл от нашей мамы к Таниной.

Он, кстати, раньше часто ездил с нашим отцом на рыбалку, а потом перестал. Возможно, на последней из этих рыбалок они окончательно рассорились – точно мы не знаем, но постепенно дядя Лёша – так его звали – из нашей жизни выпал.

Лицо его мы забыли и готовы были вообще прекратить помнить, кто он такой и зачем, но слишком часто натыкались на Таню, которая с каким-то злым упрямством всякий раз напоминала нам своего отца. Она не была на него похожа внешне – маленькая, с тяжёлой круглой головой, смотревшая всегда настороженно из-под крупного лба, как будто бы голову её постоянно тянет к земле.

А дядя Лёша был высокий, толстый и с длинным носом против Таниной конопатой кнопки. Дядя Лёша с чего-то взял, что все толстые люди весёлые и добрые, и терпеливо старался сам таким быть, но получалось не очень, он заметно нервничал и, нервничая, дико фальшивил, сыпал никому не понятными шутками и сбивался на блеянье вместо смеха. Мы легко замечали, когда он злился, из последних сил выдавливая из себя приветливые по форме слова, до хруста переполненные едва сдерживаемым бешенством.

При нас он не сорвался ни разу, а с папой, видимо, поругался, не сдюжив. Папа человек едкий, не умеющий врать для дела,

каким бы оно ни было, с папой вообще никто не мог ужиться, кроме нас и мамы. Мы привыкли и не обращали внимания – он всё равно ничего нам не сделал бы, раз за всё наше детство ни разу не поднял на нас руку.

Когда дядя Лёша исчез, мама взяла себе в привычку время от времени с явным удовольствием повторять, что, мол, как хорошо, что кончилась эта странная дружба. Повторяла вроде бы сама себе, но обязательно в папином присутствии, вскользь ударяя папу, на первый взгляд, безобидными словами, которые от многократного повторения набрали, однако, силёнок и били всё больше.

Таня не корчила из себя хохотушку, она по не совсем понятной нам причине считала себя нашим главным врагом и злилась в нашу сторону очень похоже на дядю Лёшу, с теми же интонациями, хоть и без слов. Ходила за нами после школы по пятам, в пяти метрах, и мешала страдать разнообразной занятной фигнёй просто самим своим присутствием.

На неё невозможно было не обращать внимания. Она давила нас взглядом, таким же тяжёлым, как её аномальная голова. Стояла и зырила.

Мы до боли в животе хотели её побить, но не решались – боялись дядю Лёшу. Мы чересчур хорошо помнили, как дядя Лёша швырял старшеклассника, расквасившего Тане нос, – пацан летал от лужи к луже грязным кульком, а дядя Лёша снова доставал его из грязи, встряхивал и тащил к очередной луже, в которую с силой вбрасывал уже почти не живой кулёк с глупыми костями.

Таня ходила за нами каждый день, по чуть-чуть сокращая дистанцию, и через какое-то время получилось так, что мы ходили уже все вместе – несмотря на мифическую «вражду», в причинах которой мы так и не разобрались и решили просто её аннулировать, упразднить за ненадобностью. И перестали помнить все недобрые взгляды в нашу сторону.

А потом и вовсе поголовно в Таню влюбились. И уже не понимали, как нам могла не нравиться её большая голова – и злые глазищи, и конопатый маленький нос, и такие аккуратные детские ладошки, всегда чистые, но сильные, и низкая чёлка на лоб, чтобы прятать его.

Таня на удивление быстро и ловко бегала и мало чего боялась. Говорить она умела, но не любила, и за это мы ценили её ещё больше.

Наша в неё влюблённость была совершенно невинного толка, поскольку как женщину мы Таню не воспринимали. И в смерти её мы не виноваты, честно, даём зуб.

Конечно, идея пойти зимой на тарзанку была только нашей, но мы же не заставляли Таню идти вместе с нами и с нами же на этой самой тарзанке болтаться над тонким ещё льдом озера. Таня решила сама, почти без нашего участия.

Понятное дело, она сорвалась: варежки прилипли к перекладине, а Танины ладошки из них выскользнули. Таня прыгнула к озеру в темноту, а к нам вернулась одна только перекладина с налипшими варежками, без Тани.

Она упала как-то очень тихо – по крайней мере, мы ничего не услышали. Только когда сбегали вниз, ко льду, увидели в нём

неровную тёмную дыру, над которой темнота подступающей ночи как будто бы стучалась в непроглядное чёрное молоко.

Мы битый час елозили животами по льду, пытаясь хоть как-нибудь подтянуться к дыре, но ничего не получалось. После мы догадались позвать взрослых и, предельно сосредоточенные и серьёзные, бежали к ближайшему работающему автомату, задубевшими пальцами выковыривая из карманов двушки.

Рыдать мы стали гораздо позже – когда в комнату к нам, притихшим от усталости и ошеломлённым, заглянул отец, вроде бы такой, как обычно, но вдруг какой-то маленький и детский, с торчащим с затылка смешным хохолком. Посмотрел на нас, прищурившись, и вышел вон. А мы всё поняли и взорвались плачем – отец будто бы всем своим видом разрешил нам снова быть детьми.

В школе долго шушукались про «несчастный случай», в нашу сторону стараясь не смотреть. Учителя словно в упор нас не видели, но гнобить не стали. В общем, нам повезло – дядя Лёша не пришёл нас убивать, чего мы, конечно, ждали и боялись. Он, как мы потом узнали, спешно уехал из нашего города в иной, нам уже не известный.

Злополучную тарзанку мы срезали своими руками и никак не могли понять, что делать с этими дряхлыми палкой и верёвкой. Остановились на огне. Костёр получился хилый, жить не хотел и, если бы не таблетка сухого спирта, вообще сдох бы на половине дела. С горем пополам тарзанка перестала существовать.

Но вот непонятно куда подевавшиеся варежки снились нам иногда – вылетающими на перекладине из темноты. Розовые такие, совершенно девчачьи.

13 октября 2011 г.

Пальцы

Вот этот странный, не похожий ни на кого из нас человек на фотографии – дядя Андрей. На самом деле он – брат мужа маминой двоюродной сестры, но мы не знаем или не помним слова, которым метят таких родственников, потому для нас он просто дядя Андрей.

Самый высокий, самый худой, с гладким голым куполом черепа – удивительно вытянутым вверх, будто неземной белёсый овощ. Дядя Андрей был лыс, но лыс без достоинства, лыс беспомощно – лысина ему не шла, он её жутко стеснялся и круглый год ходил в одной и той же зелёной шляпе из мягкого фетра.

Впрочем, шляпа ему тоже не шла – она слишком торчала над ушами, будто бы наполовину заполненная, например, ватой и потому до упора не налезаящая. Уши дяди Андрея были чересчур обыкновенными для всей остальной фигуры и своей заурядностью её даже портили – какие-нибудь хрящеватые лопухи добавили бы к общей нескладности его организма последний курьёзный штрих, и дядя Андрей стал

бы, не сомневаемся, почти красив, а так он всегда казался нам немного незавершённым, как бы недорисованным – будто бы потерял что-то в себе по пути к нам.

Дядя Андрей никогда не курил, не пил водку и на семейных застольях до определённого момента сидел тихо, возвышаясь над остальными на добрый метр и уложив костлявым ромбом вокруг почти пустой тарелки свои удивительные руки.

Казалось, что в каждой его руке по два локтя, настолько они были длинны. Тонкие белые пальцы его с небывало овальными голубоватыми зеркалами запредельно отполированных ногтей поражали наше воображение. Мы, рассеянные промеж взрослых за исполинским, ещё дореволюционным столом, тайком сравнивали свои короткие корявые – с его паучьими бамбуковыми, немного, наверное, этой паучести опасаясь, но не сильно, поскольку опаску легко побивало восхищение.

Дядя Андрей был музыкантом. Играл он необыкновенно лихо и лучше всех на редком для наших краёв инструменте – аккордеоне. Мы знали гармошку, знали баян – сами пошли потом на него в музыкалку, но аккордеон впервые увидели в руках дяди Андрея.

На застолья непьющий дядя Андрей попадал исключительно из-за своего таланта и диковинного инструмента. В нашей семье никто не умел. Посмотрите на пальцы наших взрослых, жадно вцепившиеся в стаканы, – такими сардельками непросто хотя бы ключи взять из кармана, куда там играть.

Все наши были коротышки-строители, жёсткие по усталости и страшные по пьяни, но отходчивые и вполне душевные когда надо. Муж маминой двоюродной сестры, дядя Степан, сильно

походил на дядю Андрея, но был как-то пониже и попроще и быстро умер от туберкулёза. Никто сначала не понимал, почему и зачем нужны эти люди в нашей семье, – до первого большого застолья, на которое длинные братья явились с потёртыми чёрными футлярами.

Андрей и Степан знали все песни вообще из тех, что были в ходу в то время. Андрей только играл, а Степан ещё и пел, сопровождая себя на балалайке – инструменте для нас привычном, но в руках дяди Степана расцветавшем звуками из какого-то другого, большого и несоразмерного с нами мира.

После первой же песни все наши поняли, за что тётя Ира, мамина двоюродная сестра, вышла замуж – за музыку! – хотя, конечно, вряд ли кто-нибудь из этих крепких недоросликов смог бы такое сформулировать – и тётя Ира в их числе.

Андрей и Степан оба работали в одном оркестре – народных инструментов, хотя мы, если честно, не совсем понимали, каким боком в эти народные вписывается аккордеон, но долго над этим не думали, предпочитая больше слушать, чем думать.

Без наших музыкантов теперь не обходился ни один праздник, а когда дядя Степан умер и наш личный маленький оркестр осиротел ровно наполовину, дядя Андрей постарался быть за обоих и начал петь, играя при этом в два раза кудрявее, но вышло как-то не очень. Пел дядя Андрей глубоким басом против мягкого тенора дяди Степана, а от баса пахло церковью или оперой, но никак не более доступными неглубокой душе наших недомерков народными инструментами.

У наших были очевидные проблемы со слухом при жгучей любви к музыке, но мешать дяде Андрею никто не пытался и замечаний его басу не делал даже в пьяной свирепой дури. Дядя Андрей догадался сам и петь перестал. Просто играл, мастерски добавляя партию голоса поверх остального звукового массива какими-то потайными для нас клавишами аккордеона.

Уходил дядя Андрей всегда немножко раньше остальных и, впрочем, по другим каким-то поводам обычно не появлялся, будучи человеком вне музыки замкнутым и диковатым. Мы редко слышали его голос, на наше «здравствуйте, дядя Андрей» он обычно только кивал длинным замедленным кивком, будто бы аккуратно клюя крупным белым носом воздух перед собой.

Руку взрослым подавал неохотно, поскольку наши привыкли давить и жать чужие пальцы, как в последний раз, и скромных бледных рукопожатий категорически не понимали, но к фантастической ладони дяди Андрея быстро приноровились и старались с ней не забываться. Дядя Андрей руку другому не жал, а осторожно обнимал, совсем чуть-чуть надавливая и стесняясь своих необычных пальцев.

Умер он тоже необычно – его ударил сзади по голове боковым зеркалом большой красный автобус, из-за гололёда не вписавшийся в предусмотренную остановку.

Дядя Андрей долго лежал в больнице, тревожно уставясь в потолок из-под сероатой шапки бинтов, а пальцы его лежали поверх одеяла – неподвижные и совершенно мёртвые. Он умер, так и не сумев никого из наших узнать и превратившись в окончательный бамбуковый белый скелет с глубоко запавшим взглядом.

На поминках было непривычно тихо – ни одной, даже удобной к моменту печальной песни. Аккордеон тётя Ира через несколько дней продала за большие деньги.

14 октября 2011 г.

Каблуки

Нам было совсем немного лет, когда отец впервые с работы пришёл не к нам домой, а к соседке, тёте Жене.

Мы как раз торчали у самого подъезда, вяло играя в ножички, когда он появился во дворе, пошёл к нам, но прошёл мимо нас, как будто это и не мы, а просто так – вообще дети. Он сосредоточенно вышагивал, опираясь на палку, – левая нога его, с лихо отставленной ступнёй – словно он собирается затанцевать, коротко, но ёмко чиркала пяткой по асфальту.

У всех левых отцовских башмаков был безнадёжно испорчен каблук, нормальный человек такую обувь носить бы не смог, поэтому мама всегда их выбрасывала, как только левый каблук истирался до самого нельзя и отрывался, – правые башмаки оставались лежать под кроватью родителей в серых сырых коробках до самой смерти мамы, после мы вынесли их на помойку.

Мама не говорила, зачем и кому они нужны, а мы не спрашивали – у нас в семье не принято было спрашивать, как, в принципе, и говорить. Отец никогда не разговаривал с мамой, мама будто

бы не замечала нас, а мы без всякого напряжения молчали между собой.

Отец прошёл мимо нас, даже не посмотрев в нашу сторону, на что мы, может, и не обратили бы внимания, если бы он не был так нарочит в своём упорстве не видеть нас. Он, покраснев от натуги, старательно смотрел в себя и вышагивал поэтому нелепо подпрыгивая, хлопая себя портфелем по бедру и даже как будто повизгивая от чрезмерных усилий и злости на себя.

Перед самым подъездом он остановился, поставил портфель, вынул из кармана плаща чудовищно грязный платок и принялся утирать им лицо – в этот момент ветер сдул с него шляпу. Отец вскинул руки с платком вверх, но успел только помахать ими над лысиной – так, будто сдавался навсегда чужой воле, выбрасывая над головой когда-то белое знамя. Шляпа шлёпнулась в лужу.

Мы уже не играли, ножик торчал в земле, а мы стояли, руками в карманы курток, и самые старшие из нас понимали, что всё, а младшие только чувствовали это «всё», но понять ещё не могли – и потому тихо плакали.

Отец затолкал платок в карман, подхватил портфель и пошёл дальше, в провонявшую чужими ссаками темноту подъезда. Через несколько минут мы увидели бледное лицо тёти Жени в правом от подъезда окне второго этажа, из-за спины у неё кто-то выглядывал, вытирая каким-то белым комком тёмную лысину.

Мы пошли домой, ножик остался торчать, а мама теперь каждый вечер садилась у стены и слушала, прижав ухо к обоям, отцову новую жизнь.

Когда отец умер, его в красивом гробу вынесли из подъезда и поставили на две табуретки. Лицо у отца сделалось худым и чёрным, в правой руке он, как нам показалось, всё так же судорожно сжимал тот же самый платок, только теперь чистый и с красной вышивкой. Новую, вместо старой палки, трость тётя Женя сама подложила отцу в его последнюю постель, а потом вдруг ноги перестали её держать, и тётя Женя плюхнулась задом на асфальт, неловко уцепившись голубыми пальцами за мёртвый рукав уже не нашего отца.

Мы испугались чего-нибудь жуткого, что могло бы случиться дальше, – например, тёти Жениного из самого нутра воя, – поэтому просто убежали так далеко, как умели, к самому озеру, к бомжачьим холодным кострам.

Вечером мама снова села у стены – слушать. Мы боялись её, когда она вот так слушала, боялись её реакции, но мама всегда оставалась спокойной. Осталась такой она и в этот день – сидела, не двигаясь, прижав ухо к обоям. За стеной на разрыв орал телевизор и кто-то довольно смеялся папиным голосом. Мы, не включив свет, сидели на кухне и смотрели в окно – там наискось и быстро-быстро бежал мимо всех нас первый снег.

9 октября 2011

Лёня

У тётки Лёни не хватало двух пальцев на левой руке. Странное полумужское имя – Леонида – как будто бы зло подшутило над ней: тётка Лёня долго служила в армии, там ей и оторвало пальцы разорвавшейся прежде времени гранатой.

Тётка Лёня любила выпить – сидела одна за столом на кухне и пересказывала сама себе последние новости. Потемневшую рюмку подхватывала со стола трёхпалой рукой, начисто игнорируя целую, – тётка Лёня не любила правую за здоровый вид и считала её во всём виноватой. Тётка Лёня была левшой.

Мы же в такие пьяные минуты сидели под дверью кухни, стараясь дышать как можно тише, и с нетерпением ждали, когда тётка Лёня объявит главную новость дня. Главная новость каждый раз была разная, только смысл всегда один – опять все умерли, на этот раз, например, от тифа. Если все умерли, то нам пора – мы хватали друг дружку за одежду и бежали из дома на улицу, подальше из нашего двора, за овощной магазин, за больницу, – прятаться на задворках морга, сюда она точно не дойдёт, заблудится.

Тётка Лёня, когда напивалась, не против была кого-нибудь из нас почти убить. Она и так не особо налегала на ласку, измученная тёмным прошлым и недостающими пальцами, а добравшись до кондиции, лупила нас чем попало – даже табуретом, на котором перед этим сидела. Став постарше, мы стали и немного умнее – не ждали уже главной новости, а сразу шли на улицу, если Лёня долго не выходила из кухни.

Самые окрепшие из нас понимали всё, едва заслышав первый воздушный ещё стук стекла по столу – это бутылка становилась на стол, а рюмку тётя Лёня, перед тем как поставить рядом с бутылкой, пару минут вертела в трёх пальцах, проглядывая на свет. Бояться было чего даже самым взрослым из нас – Лёня весила все сто двадцать и ростом своим задевала притолоку.

На улице мы, конечно, хвастались сломанными пальцами и ушами, только повторять никому не хотелось, для почету хватит и этих переломов и шрамов. Понятное дело, мы никому не признавались, кто это нас так, – сочиняли себе случайные бои со взрослыми мужиками, у которых мы якобы попросили закурить, а они отказались. Но потом силы у тёти Лёни кончились.

В первый раз она просто упала на пол, с грохотом опрокинув табурет и расквасив себе нос и губы. Мы не стали её бить, потому что нельзя бить единственного родителя, пусть и косвенного. У нас, кроме Лёни, никого не было тогда, и своего существования без неё мы просто не представляли. А ещё она умела смеяться очень по-женски, чего от неё не ожидал никто, только мы знали этот её секрет. Смеялась она так редко, но именно за этот смех мы её и любили, поскольку смеялась она нам – такая у неё случалась иногда ласка в нашу сторону.

Лёня стала падать всё чаще, однажды сломала себе руку и после этого пила уже в постели, вцепившись в рюмку непременно левой, пусть даже и загипсованной рукой, громко ругая правую. Потом Лёня вообще перестала вставать.

Мы носили ей бутылку, подсовывали почти пустые щи, которые приноровились к тому времени готовить сами, а Лёня лежала молча и только шевелила последними пальцами левой руки – правая двигаться перестала и, похоже, ушла из жизни.

Перед самой смертью тёти Лёни мы отважились и вымыли с мылом её большое тело – соседи начали жаловаться на запах и угрожали участковым: похороните, мол, того, кто у вас умер, будьте людьми. Мы елозили сырой тряпкой по белому телу, а Лёня едва слышно рыдала от стыда, прикрывая глаза искалеченной рукой.

Когда она умерла, кровать под ней провалилась.

Денег на гроб у нас не было, мы закатали Лёню в старый ковёр и ночью выволокли в лес, где и прикопали. Участковому сказали, что тётка уехала в родной город и не вернулась, на что тот только кивнул головой и вышел, так и не прихватив ничего по пути – нечего было, никакого антиквариата, кроме раздавленной кровати.

Потемневшая тёткина рюмка, которую мы прятали, через девять дней треснула пополам. Ну что ж, пришлось выбросить.

6 октября 2011

Серёжа

Десять лет назад дядя Серёжа сошёл с ума, и ему, по слухам, сделали лоботомию. Мы толком не понимали ещё, что такое лоботомия, поэтому считали дядю Серёжу крайне опасным и старались не выпускать его из виду, когда он выходил во двор – посидеть на скамейке.

Конечно, никакой он нам был не дядя, но так его звали во дворе – дядя Серёжа, фамилия у него была Капустин, но её никто не помнил. Серёже Капустину было уже за сорок, он жил на пенсию по инвалидности и ходил круглый год в одних и тех же плаще и берете, нечеловечески замызганных. От дяди Серёжи серьёзно пованивало, ещё и поэтому мы боялись его – запах был острый, так воняли дохлые майские жуки в банке, которых мы однажды забыли на подоконнике на даче, а потом взяли и на свою беду понюхали.

Дядя Серёжа всегда улыбался, но не бессмысленно, а как-то даже с хитрецей, с характерным ленинским прищуром, за что мы его особенно не любили. А ещё за слюну в уголках рта, за эти постоянные вязкие желтоватые комочки. Неужели, возмущались мы, нельзя утереться рукавом? Но в рукав дядя Серёжа предпочитал иногда сморкаться – прямо в локтевой сгиб.

По пятницам дядя Серёжа выводил из подъезда старенький велосипед и очень долго ходил с ним по двору, крепко держась за руль. Потом останавливался, выуживал из воображаемой сумки несуществующие воздушные письма и газеты и аккуратно распихивал их по таким же воздушным почтовым ящикам. Десять лет назад Серёжа Капустин работал почтальоном.

Мы резали колёса его несчастному велосипеду, гнули спицы, открутили и спрятали в подвале сиденье, но «воздушный почтальон» дядя Серёжа на такие мелочи не обращал никакого внимания. А может, просто не понимал.

Здоровался он буквально со всеми, кроме, разве что, собак и кошек – этих он любил и всегда гладил, – правда, на расстоянии, как будто не осмеливаясь беспокоить их настоящим прикос-

новением. Мы же собак боялись, а кошек расстреливали камнями.

Дядя Серёжа Капустин был, в общем, вполне безобидным дурачком, которого никто не боялся, кроме нас, детей. Нам же он портил жизнь своим постоянным присутствием во дворе и снился по ночам. Мы всерьёз верили, что он только и ждёт, чтобы при случае задушить одного из нас, за что ему, дурачку, ничего не будет – дурачок же, а нам придётся до конца дней своих ходить в гости на кладбище.

Мы боялись его больше, чем даже старух, которые считали наши зубы и пальцы с целью убить нас, детей, таким чёрным подсчётом, – боялись и ненавидели, и потому однажды договорились между собой прикончить дядю Серёжу, воткнуть ему в горло ножик или ударить по голове камнем.

Ножи у нас были никудышные перочинные коротышки, такими хотя бы порезаться и то – трудно, потому первый способ мы забраковали. Осталось найти подходящий камень и придумать, как заманить дядю Серёжу за овощной магазин, где никогда никого не бывает, только гниют в исполинской траве старые ящики.

Камень мы искали долго, придирчиво перебирая возможные кандидатуры на берегу озера, – там было много всякого мусора, в том числе и разнообразного булыжника, но нужный нам по весу никак не попадался. Тогда мы решили сложить несколько штук вместе в дряхлую наволочку, затянув её потуже, чтобы камни плотно прилегали друг к другу и не рассеивали силу удара.

Сложнее всего оказалось заманить Серёжу за овощной. Серёжа сидел на скамейке, улыбался нам и посекундно здоровался

с нами, но идти упорно никуда не хотел, мотая отрицательно головой на наши обещания налить стакан водки или показать дырку в стене бани. Мы уже начали внутренне соглашаться с тем, что ничего не выйдет и придётся и дальше терпеть дядю Серёжу в нашем дворе, но тут самый младший из нас нашёл решение: он так неожиданно завопил дурным голосом, что даже мы перепугались и, ничего поначалу не понимая, чуть не ринулись бежать.

Позже мы разобрали слова, на которые дядя Серёжа отреагировал своеобразно, бросившись в подъезд за велосипедом: «Дядя Серёжа, почта горит!»

Дядя Серёжа бежал сноровисто, не роняя велосипед и ориентируясь на истошный сквозной крик про горящую почту. «Почта горела», конечно, за овощным магазином, там под ящиками была спрятана нафаршированная камнями наволочка, а мы вдруг поняли, что не готовы убить – пусть даже дурачка Серёжу, но деваться было некуда. Поэтому мы достали из-под ящиков наволочку, отдали её самому старшему, и тот ударил дядю Серёжу в выпуклый затылок.

Серёжа как раз пытался увидеть на задней стене магазина «горящую почту», когда с неуместно мелодичным хрустом лопнул, как нам показалось, его бессмысленный череп. Велосипед упал рядом, жалобно звякнув.

Мы не стали смотреть на конвульсии, не желали видеть никакой крови, мы спешно сбежали домой и три дня в невыносимом ужасе сидели дома, каждую секунду ожидая прихода милиционеров с собаками. Никто не пришёл.

Через неделю дядя Серёжа снова вытащил во двор свой перекорёженный велосипед. Постоял с ним немного у подъезда

и отвёл назад. И с тех пор уже не работал «воздушным почтальоном» – наверное, потому, что почта его сгорела. С этой почтой сгорел и наш страх. Когда дядя Серёжа через много лет умер, мы взяли за его похороны – и вот тогда и узнали, что он Капустин.

Квартира его была на удивление пустой, светлой и чистой. На подоконнике в кухне мы нашли большую общую тетрадь с единственной записью на первой странице: «Сегодня хорошая погода». Дядя Серёжа не обманул – погода и правда была слишком хорошей для марта, поэтому, разойдясь с крыльца крематория в разные стороны, мы со спокойным сердцем забыли покойника навсегда.

10 октября 2011

Папиросы

Дед Миша курил одну за одной и потому имел приятно оранжевые усы при белоснежной бороде.

Он не признавал самокрутки и покупал исключительно «Приму» – шёл в магазин с верёвочной авоськой, набивал её плотно белыми с красным пачками, а дома вываливал всё это добро на стол в кухне, потрошил пачку за пачкой и долго, с предельным тщанием считал папиросы.

Не потому, что их могло не хватать, а исключительно удовольствия для. Правда, удовольствия по отношению к нам

достаточно сурового, потому как не дай бог даже случайно нарушить дедов медитативный подсчёт. Дед, как правило, хватал нарушителя за ближайшее ухо и с силой выкручивал, оставаясь удивительно глухим к любым воплям.

Вдоволь наигравшись с чужим, стремительно синеющим ухом, дед Миша все подсчитанные папиросы сгребал обратно в кучу и начинал подсчёт сначала. Когда заканчивал, брал с подоконника общую тетрадку в жёсткой обложке и вписывал в неё дату, а напротив – количество папирос. Трогать тетрадь, понятное дело, строго воспрещалось.

Часть подсчитанных папирос дед Миша складывал в потёртый портсигар с танком на крышке, остальные – в специальную большую коробку из тонкой жести. В нашей семье эта заветная коробка так и называлась – «папиросная» – и стояла у деда в комнате на тумбочке при кровати. Из коробки дед курил дома, а портсигар брал с собой на улицу, закладывая его перед самым выходом в левый карман гимнастёрки.

Спички он каждый раз забывал, потому мог по несколько минут сидеть за доминошным столом с нераскуренной папиросой во рту, злобно зыркая на недогадливых однокашников, а попросить – язык не поворачивался. Дед Миша никак не хотел признать свою отставку и видел в остальных людях не людей, а только недалёких и медлительных подчинённых, поголовно страдающих разжижением мозгов и куриной слепотой.

Мы ему такой подход всё же прощали, поскольку по-настоящему злым он никогда не был – просто раздражался чаще, чем следовало.

Он был уже старый, но всё ещё крепкий – может, за счёт двух метров роста и постоянной жизни на улице, а может, ещё почему,

мы теперь не узнаем. Во дворе его натурально боялись, но с уважением, хотя многие откровенно заискивали – дед принимал это как должное и не расстраивался, когда к его папиросе с поклоном подносили шипящую спичку. Он коротко кивал, слегка мазнув глазами очередного поджигалу, и снова уставлялся в доминошные костяшки у себя на ладонях.

Как только кончалась одна папироса, он степенно откладывал в сторону костяшки, вынимал из кармана портсигар и из него брал другую – со значением, чтоб заметили. Но замечали не всегда сразу. И дед опять злился, швыряя в соседних старичков короткие взгляды, а правый ус его потешно задирался вверх.

Дома дед подкуривал сам, чаще всего – от свечи в подсвечнике, с которым вечером долго ходил по квартире, стуча сапогами и недавая никому спать. Мы терпели, натянув одеяла под самые подбородки, поскольку знали, что скоро он успокоится у себя в комнате и будет курить там, сидя на кровати и вперившись в пустое пространство примерно в метре перед собой.

Впрочем, пустое условно – в этой пустоте жил своей приятно замедленной плавной жизнью голубоватый папиросный дым, а дед, наверное, за этой самой жизнью старательно наблюдал. Может, даже и записывал в ещё одну тетрадку – но мы такой тетрадки не видели и потом, когда деда не стало, нигде не нашли. А не стало его по меньшей мере странно – он просто однажды не пришёл домой.

Мы боялись, что с ним случился где-то на улице удар, но его коллеги по домино такой расклад решительно отрицали – они своими глазами видели, как дед пошёл домой, как распахнул свежепокрашенную дверь в подъезд и скрылся за ней, возвращённой на место доводчиком.

На всякий случай мы позвонили в больницу, а после – в морг, но двухметровых стариков с оранжевыми усами к ним сегодня не поступало и не поступило ни завтра, ни послезавтра, ни потом. Мы обошли весь город, надеясь обнаружить деда Мишу без памяти, но живого и целого на какой-нибудь скамейке, но на скамейках сидели другие, совсем чужие деды – короткие и без усов.

Не зная, как с этим всем смириться, мы просто стали ждать, часами сидя у окна на кухне и листая дедову тетрадь с подсчётами. Прочитанные цифры ни на какие мысли не навели, а только зря бредили нутро.

Дед не умер, знали мы, но здесь его нет, знали мы ещё увереннее, но где он – мы знать не умели, и незнание это серьёзно бесило. Дело даже и не в любви, а в том, что каждое предложение обязано на хвосте иметь точку, а в нашем точки не было – как будто челюсти заклинило на полуслове.

Мы тоже пристрастились к «Приме», но дедову коробку трогать не решились – она так и стоит, правда, теперь не на тумбочке, а у кого-то из нас в шкафу. Авоськами папиросы мы не покупаем, но каждый всё равно тайком потрошит свою пачку и шёпотом считает, будто бы сам процесс подсчёта является ключом к деду Мише особенной тайне, – а мы все верим, что такая тайна есть – или, по крайней мере, была.

И никто никогда не признается другому и даже себе в том, что чётко знает теперь, кем обернулся дед Миша, – когда видит в прокуренной пустоте перед собой, как раздражённо задирается вверх дымный лихой ус.

12 октября 2011

Дмитрий Богославский

ЛЮБОВЬ ЛЮДЕЙ

(Из жизни в преддверии зимы и ожидании лета)

Действующие лица:

Коля.

Люська, его жена.

Валюник, ее младший сын (без слов).

Ольга Борисовна, ее мать.

Сергей.

Лидия Федоровна, его мать.

Иван.

Настя, его жена.

Чубасов.

Ольга, его возлюбленная.

Машка, продавщица.

Действие первое.
(В преддверии зимы)

1. Коля.

Темнота. Тишина.
Долгая темнота. Долгая тишина.
Очень долгая темнота. Очень долгая тишина.
Негромкий голос.

КОЛЯ. Люська! Люська, воды принеси. Аллё? Люська, Люська, забью, сволочь, воды говорю, принеси, оглохла, что ли? Люська, я ж, если встану... я же, если... сейчас, только башку от подушки отдеру... сейчас... у-у-ух... хватит... хва...

2. Сергей.

Скрипят двери.
Шаркают сапоги.

ЛЮСЬКА. Здравствуйте.

СЕРГЕЙ. Да. Добрый день, Людмила Федоровна. Садитесь.

ЛЮСЬКА. Вызывал?

СЕРГЕЙ. Да, вызывал. Садитесь.

ЛЮСЬКА. Я постою.

СЕРГЕЙ. Людмила Федоровна, садитесь, прошу вас. Я хоть и долго вас не задержу, но все же присядьте. У меня к вам несколько вопросов.

ЛЮСЬКА. Мои это поросята, купила я их, Сережа, ей-богу, на ярмарке купила, что же ты мне не веришь? Наговаривает Зеленчиха, откуда у нее вообще поросята?

СЕРГЕЙ. Людмила Федоровна, дело не в этом. Садитесь, прошу вас. Дело касается вашего мужа.

ЛЮСЬКА. Ах, ты ж, мать его! Что, приехал, паскуда?

СЕРГЕЙ. Он, видимо, пропал.

ЛЮСЬКА. Господь с нами, избавились.

СЕРГЕЙ. Людмила Федоровна, дело серьезное... Я пока никаких действий еще не предпринимал, решил сначала переговорить с вами, Людмила Федоровна...

ЛЮСЬКА. А чего ты официальный такой? Можно Люда, Сереж, как в школе.

СЕРГЕЙ. Людмила Федоровна, я бы попросил вас... Ваш муж, видимо, пропал.

ЛЮСЬКА. Это как же — видимо?

СЕРГЕЙ. Вчера днем Чубасов вернулся. Он говорит, что Николай не приезжал в Москву, как было у них договорено.

ЛЮСЬКА. А ты откуда знаешь? Чубас сам к тебе пришел?

СЕРГЕЙ. Да мы вчера с ним... виделись, в общем. Он говорит, что Николай не приезжал.

ЛЮСЬКА. Как не приезжал, я же его сама в Речной провожала, на автобус. Вот паскуда, ни одного перевода от него не получила, на почту уже стыдно заглядывать, а он, видать, где-то прошлялся полгода!

СЕРГЕЙ. Так. Не шуми...

ЛЮСЬКА. Как это «не шуми»? Последние ему на билет отдала. До дальней просеки провела, а это шесть кило, как-никак. Там до Речного рукой подать, куда б он делся?

СЕРГЕЙ. Вот это и необходимо выяснить.

ЛЮСЬКА. А чего выяснять-то? Опять на пробку наступил. Он же шальной. Это ж я его гонять гоняю, а как только за порог, так без стакана не обойтись. Больной он.

СЕРГЕЙ. Если больной – лечить нужно.

ЛЮСЬКА. Сам, что ли, не знаешь, у нас таких больных пол-деревни.

СЕРГЕЙ. Когда он уехал?

ЛЮСЬКА. Дай бог памяти, перед Пасхой самой, там как раз сезон в Москве этой начинается. Стройка. Я ж Чубасу плешь проела, чтоб он моего к себе забрал. Огород-то я сама подниму, а Лешке кто будет высылать? На стипендию не протянет, в колледже своем. Валюник, вон, без памперсов. Да это ничего, мы все без памперсов этих... ну, я имею в виду, что выросли. Ай, ладно тебе, Сереж, куда он не пропал, уже посадили, как пить дать.

СЕРГЕЙ. Если б посадили, мне бы сообщили. Я считаю необходимым, чтобы вы, Людмила Федоровна, написали заявление о пропаже вашего мужа без вести.

ЛЮСЬКА. Да на кой оно надо. Тоже мне пропажа. Отсидит — найдется.

СЕРГЕЙ. Я еще раз вам повторяю – если бы его задержали, то пришла бы бумага, меня бы давно уже на ноги подняли, и все прочее. Неужели не понятно?

ЛЮСЬКА. Сергей, мне все понятно, просто я уверена, что с ним ничего не случилось.

СЕРГЕЙ. Люся, прошло почти семь месяцев, семь, понимаешь? Ты знаешь, какие случаи бывают, и убить могли, и память отказала, в дурдом могли свезти, в рабство.

ЛЮСЬКА. Ты забыл, кто мой муж?.. Сережка, да я же сейчас, за вот эти вот почти семь месяцев жить-то начала... Валька

плакать перестал, спит, не просыпается. Сам же Кольку вязал тогда. Лешка на каникулы приехал, говорит, я готовить вкуснее стала... Мать, мать и то говорит, что, может, я уже где на стороне кого нашла, а я не нашла, я просто жить начала...

СЕРГЕЙ. На вот платок, Люся.

ЛЮСЬКА. Прости меня, Сереженька, что-то я совсем.

СЕРГЕЙ. Ладно-ладно, все, все нормально. Только от мужа так отказываться – это что получается? Люся, разведись с ним, разойдись, к матери вещи перенеси, я не знаю.

ЛЮСЬКА. Да с кем я разойдусь, если нет никого?

СЕРГЕЙ. Значит, с ним что-то случилось, понимаешь ты это?

ЛЮСЬКА. Понимаю! Может он в Речном бабу себе завел и носу не кажет!.. Ой, божечки, мне, думаешь легко так?..

СЕРГЕЙ. Тихо-тихо, Люся. Ты только это, заявление напиши... для порядку надо. Чтобы потом, если что, вопросов никаких не возникало. Порядок с меня спрашивают, проверки всякие, бумаги тоже, чтобы ладно везде было, почерк там, аккуратность чтобы тоже.

ЛЮСЬКА. Я поняла. Поняла.

СЕРГЕЙ. Вот и ладушки.

ЛЮСЬКА. Можно только я потом напишу, зайду я еще к тебе, Сергей, и напишу, а?

СЕРГЕЙ. Ну, сильно-то оно не горит... Да ты успокойся, успокойся, Люсь, придешь да напишешь, чего ты все разводишь тут мокроту, как говорится. Успокойся. Как время будет, так и заходи.

ЛЮСЬКА. Хорошо, Сереженька, хорошо. Я поняла. Пойду, а то совсем стемнело уже. Извини меня еще раз, что я тут...

СЕРГЕЙ. Иди, Люся, иди.

ЛЮСЬКА. Ну, всего хорошего, Сережа.

СЕРГЕЙ. И тебе... Люся.

ЛЮСЬКА. А? Что?

СЕРГЕЙ. Да нет, ничего.

ЛЮСЬКА. А я уж подумала, еще чего спросить хотел.

СЕРГЕЙ. ...Мать-то как?

ЛЮСЬКА. Хорошо. Спасибо... О тебе недавно спрашивала.

Говорит, чего это ты хмурый такой ходишь.

СЕРГЕЙ. Да... работы сейчас много.

ЛЮСЬКА. Да какой работы, Сереж? Откуда у нас работа?

Эх, Сережка, врешь ты все. (Выходит.)

СЕРГЕЙ. Вру... вру, Люся, вру.

3. Иван.

*Льет дождь.
Светит фонарь.
Гнутя голые деревья.*

ИВАН. Серега, ты чё?

СЕРГЕЙ. Чё?

ИВАН. Чего под дождем-то?.. Серега?

СЕРГЕЙ. Иди.

ИВАН. Бухой, что ли?

СЕРГЕЙ. Нет.

ИВАН. Да ты же вдрызг!

СЕРГЕЙ. Иди, говорю.

ИВАН. Так. Пошли, отведу тебя.

СЕРГЕЙ. Руки убрал!

ИВАН. Ты чё?

СЕРГЕЙ. Все нормально, говорю. Я трезвый. Иди.

ИВАН. Да куда я пойду. Пошли вон под магазин. Да пошли, не упирайся.

СЕРГЕЙ. Я не упираюсь...

ИВАН. Фу-ты, промок совсем. С фуражки вон аж течет, стяхни, а то кокарда зарджя... рджявеет... понял, шутка не прошла. Ты чего встал там, а?

СЕРГЕЙ. Вань, спасибо. Иди, куда шел.

ИВАН. Да что с тобой такое? С матерью что?

СЕРГЕЙ. Нет. Иди... Иди, говорю.

ИВАН. Да ты расскажи, оно полегчает сразу.

СЕРГЕЙ. Все хорошо, Вань. Иди, иди, дома ждут.

ИВАН. Ну, хозяин – барин. (*Уходит.*)

Сергей выходит под дождь.

(*Иван возвращается, вталкивает Сергея под козырек магазина.*) Чё, совсем сдурел, б...ь? Чё случилось, Серега?... Нет, все, я уже никуда не пойду! Чё случилось, спрашиваю? Серега, ты чё, плачешь, что ли?

Сергей опять выходит под дождь.

Хорошо! Хорошо, тут будем стоять! Давай! Как дебилы!..

Сергей заходит под козырек магазина.

ИВАН. Б...ь, ты чё, издеваешься, Серега?

СЕРГЕЙ. Вань, ты любишь розы?

ИВАН. Какие розы?

СЕРГЕЙ. Алые.

ИВАН. Ты точно свихнулся.

СЕРГЕЙ. Настя твоя какие цветы любит?

ИВАН. Настя моя деньги любит. Ты о чем вообще?

СЕРГЕЙ. Странная любовь у людей. Был бы птичкой – распушил перышки, и готово. А тут думай, а тут гадай, а тут хер знает вообще что делать.

ИВАН. Ах, ёк-макаёк! Серега, ты на Люську забей. Я тебе это тысячу раз говорил. И в школе, и после школы. Это ее жизнь, Колян там, дети, а ты забей.

СЕРГЕЙ. А чё Колян. Люська говорит, баба у него какая-то в Речном.

ИВАН. Забей на Люську, говорю. Потом не разгребешься.

СЕРГЕЙ. Не говори так... А как ты с Настей первый раз?

ИВАН. Чё, охерел, что ли, такое спрашивать?

СЕРГЕЙ. Я не про это. Как ты ее гулять пригласил? Или как там у вас было?

ИВАН. А ты как будто не знаешь.

СЕРГЕЙ. Я в армии был.

ИВАН. А... ну, я, в общем... да чё я тебе рассказывать буду!

СЕРГЕЙ. Расскажи, расскажи, Ванька.

ИВАН. Да... ну, я видел, что она поглядывает. Я же не дурак. И она такая ничего совсем. Ну, в общем, подошел, пригласил, все как надо. Туда-сюда, короче. И вот еду я на велосипеде из Майского, с танцев, ну, ее догоняю и... не остановился. Морда разбитая, кулаки, всё, в общем. Вот и не остановился. Потом сажу у колодца, курю, ну, отмылся немного, а она в калитку заходит. «Привет», — говорит. Представляешь... «Привет...» Я говорю: «Ну, привет», — а сам так от фонаря на край скамейки пересаживаюсь и голову отворачиваю. «Из-за

меня?», — спрашивает. «Упал, — говорю, — чё это из-за тебя». Ну, тут пошло: это брат ее из Майского за ней присматривает, она, мол, и не виновата совсем, и нравлюсь я ей, и любит, вроде как... Я говорю: «Чего плачешь-то?» А она: «А где ты видел, чтоб девушка первая о своих чувствах рассказывала?» Я ей тоже все рассказал. Она ко мне прижалась. Я ее за плечи обнял...

СЕРГЕЙ. А потом?

ИВАН. Целуюсь, а губы болят, да еще и слезы ее соленые. Потом дед, царство небесное, из дверей выходит, он всегда часа в четыре на рыбалку ходил, а мы сидим. Он подошел, Настю по голове погладил. Щурится и говорит: «Ну, и хорошо, а то деревня заждалась уже». У меня из кармана рубашки пачку сигарет забрал и пошел. У него еще ручка на бидоне скрипела, так он идет и скрипит, а мы сидим, как окаменели, не шелохнемся. Жаль, до свадьбы не дожил... Ладно, чего это я начал за здоровье, а закончил за упокой. Люську забудь, домой придешь – соточку махани и спать. И завтра все будет!

4. Коля.

Ночь.

Кричит Коля.

Кричит Люська.

Кричит маленький Валюник.

КОЛЯ. Мать вашу за ногу! Дослушать меня, дослушать, я сказал! Я тоже много чего хочу! И заслужил! Я верил во все, понимаешь, верил! Я любой трактор, как свои 5 пальцев!

Что, скажешь, я не работал? А вот хер тебе! От зари! От зари, говорю, от зари! А ну, заткни своего гаденыша! Меня на курсы хотели. Я, думаешь, не знаю? Меня сам знаешь кто хотел на курсы отправить? Заткни его, я сказал!

ЛЮСЬКА. А ты не ори.

КОЛЯ. А я не ору. Я, может быть, хочу тебе душу свою показать, в которую ты насрала, заплевала которую. Душу мою!

ЛЮСЬКА. Да какую душу? Откуда она у тебя?... Ах, сука, еще раз ударишь – обварю, как ты Вальку. Понял?... Понял?..

КОЛЯ. На тебе на леденцы.

ЛЮСЬКА. Тварь... тварь... Пусти, Коля. Пусти!

КОЛЯ. Лежать. Лежать, я сказал.

ЛЮСЬКА. Нет, нет. Пусти.

КОЛЯ. Лежать, блядь. Не дергаться! Ты меня сейчас любить будешь. Ох, как ты меня любить будешь, ох, как уважать будешь. Я из тебя спесь выбью, ты у меня шелковая ходить будешь! Ну, что, а? Нравится?

ЛЮСЬКА. Коля нет! Коленька, Коленька, нет, пусти меня. Коля... Пусти... Нет... Коленька давай не при ребенке... не при ребенке... прошу тебя... Коля. Нет. Нет. Нет.

КОЛЯ. Да. Да. Да, блядь. Вот я. Вот тебе душа моя. Получай.

ЛЮСЬКА. Пусти... пусти...

КОЛЯ. Лежать, сказал! Да, Люська, да, да... Ох, тварь, куда бьешь? Ты куда бьешь, сука! Я ж тебя, тварь... на вот, получай!

ЛЮСЬКА. Все. Пусти, пусти, Коленька. Я сама. Сама. Давай. Все, пусти. Давай я сама.

КОЛЯ. Вот так. Да. Вот, сука. Да. Вот тебе душа моя... да... да... да...

*Валюник кричит.
Коля встает с Люськи.
Люська переворачивается на живот. Плачет.*

КОЛЯ. Чтобы знала, сука!

*Коля выходит.
Валюник не унимается.
Люська тоже какое-то время плачет, закрывшись руками.*

ЛЮСЬКА. Не плачь, Валюничка, не плачь, сыночек. Все у нас будет хорошо. Все ему припомнится, все ему, гаду, аукнется. Не плачь, солнышко мое, мама же не плачет, посмотри — мама не плачет, вот и ты не плачь...

Мама не плачет, мама уже все слезы выплакала. Мама теперь только смотреть глазками может. Натерпелась мамочка твоя, а тебе не дам терпеть. Ты терпеть не должен. Ты, цветочек мой, ни в чем не виноват. Тебе терпеть я не дам. Завтра к бабушке, а там видно будет, там все видно будет. Видишь, не любит нас папка твой. Все обещаниями нас кормит. А сам не любит. Говорил, лечиться будет, а у самого храбрости не хватает. Боится он водку бросить. Он водку больше нас любит. Не любит он нас. И мы папку любить не будем. Зачем нам папку любить, если он нас не любит? Вот и не будем, правильно, золотце мое, не будем папку любить? Не будем, мой маленький! Мы лучше папку уьем. Зачем он нам такой нужен? Уьем папку? Ну, посмотри мне в глазки. Уьем? Уьем, мой маленький, уьем, мой хорошенький. Дай, мамочка тебя поцелует, солнышко мое.

5. Сергей

Лязгает щеколда.

Скрипят несмазанные петли.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Прости, сынок, бежала к сериалу, так впопыхах дверь и закрыла.

СЕРГЕЙ. Ничего.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Руки мой, сейчас на стол поставлю.

СЕРГЕЙ. Спасибо. Я не хочу.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Случилось что?

СЕРГЕЙ. Нет. Просто не хочу.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Заболел?

СЕРГЕЙ. Нет. Все в порядке... Правда, мам, даже не смотри так, все хорошо. Я у себя буду.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Вторую неделю почти не ешь... Ладно, если курить пойдешь, так ты воды принеси на кухню.

СЕРЕГЕЙ. Хорошо.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Оладки, тепленькие еще, а?

СЕРГЕЙ. Спасибо, мам, потом.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Ну, хорошо.

СЕРГЕЙ. Хорошо. *(Уходит к себе в комнату.)*

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА *(садится перед телевизором)*. Сереж, я сегодня в магазине Люську встретила... Сереж?

СЕРГЕЙ *(из-за двери)*. И что?..

Она молчит.

И что?.. *(Открывает дверь.)* И что?!

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Что «и что»?

СЕРГЕЙ (*входя*). Зачем ты мне это говоришь?

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Просто.

СЕРГЕЙ. М-м-м. (*Уходит к себе, хлопнув дверью.*)

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА (*смотрит ему вслед, ухмыляется*).

Чёй-то расцвела она... ты давно ее видел?

СЕРГЕЙ (*из-за двери*). Давно.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Врешь?..

СЕРГЕЙ (*появляется*). Вру.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Нехорошо, сыночек.

СЕРГЕЙ. Знаю, мама, прости.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. А Колька где ее?

СЕРГЕЙ. А ты не знаешь?

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. А откуда ж мне знать?

СЕРГЕЙ. Я думал, ты все в деревне знаешь.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Нехорошо, сыночек.

СЕРГЕЙ. Прости, мама. Он на заработки уехал...

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. И не вернулся.

СЕРГЕЙ. Ну, и зачем я тебе должен об этом рассказывать, если ты и так все знаешь?

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Про Речной слышал?

СЕРГЕЙ. Что?

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Баба у него там.

СЕРГЕЙ. Да откуда же вы всё знаете? Я один милиционер в деревне, а меньше вашего знаю!

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Люська матери говорила. Ты-то как?

СЕРГЕЙ. Что «как»?

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. К Люське-то?

СЕРГЕЙ. А мне что?

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Ничего. Это я так.

СЕРГЕЙ. Чего «так»? Чего «так»? Чего это вы всё «так»? Что

вам «так»? Мне вот никак! А вам всем «так». Это что же получается-то, а? Чего вы лезете, а? Что вы все с Борисовной успокоиться не можете, а? Я спрашиваю! Я тебя спрашиваю! Хватит, говорю, похлопотали и ладно. Все! Семнадцать лет прошло, вы все не успокоитесь.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Это, Сереженька, от голода злоба. Пойду оладков положу, а ты успокойся. *(Выходит.)*

СЕРГЕЙ. Уеду. Переведусь. Гори все синим пламенем! *(Бездумно щелкает пультом телевизора, на каком-то музыкальном канале делает звук громче, но почти сразу отключает его вовсе; смотрит в мелькающие картинки, закрывает глаза.)* Скорей бы Колька объявился, все бы на свои места опять стало... Как я устал.

Входит Лидия Федоровна с тарелкой.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Устал – отдохни. Я вот тебе, Сереженька, сюда принесла, покушай.

СЕРГЕЙ. Спасибо. *(Берет тарелку, без аппетита ест.)*

Лидия Федоровна смотрит на него, улыбается.

Мам!

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Кушай, кушай. Просто люблю смотреть, как ты ешь. Знаешь же.

СЕРГЕЙ. Ну, хватит, мам.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Ты в детстве знаешь, как долго ел?

СЕРГЕЙ. Знаю. Рассказывала уже.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Сидишь, толчёнку по тарелке кругом размазываешь и, как грузовик, гудишь.

СЕРГЕЙ. Мам.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Ешь, не отвлекайся... Я тебе так же говорила, а ты себе бр-р-р-вж-ж-ж-би-би-и-ип! Тебя ж с трактором крестили. Принесли мы тебя в церковь, а ты трактор в ручках держал. Мы его забирать, а ты орешь. Батюшка и сказал тогда, чтобы мы тебе трактор вернули. Так с трактором и окрестили.

СЕРГЕЙ. Помню я этот трактор. Он у меня лет до семи был. Отец только и успевал, что чинить его. Я этот трактор потом разлюбил, а отец его все чинит и чинит, чинит и чинит.

Загудела печная труба, ветер застучал ставнями.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Ты хоть бы звук включил. Жутко в тишине сидеть...

СЕРГЕЙ. Мам, а почему ты после отца ни с кем не сошлась?.. Извини.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Я отца твоего больше всего на свете любила. Больше трактора... *(Улыбается.)* Он когда в больнице лежал, ты у бабушки жил, помнишь, верно... Врачи говорили, что ему еще максимум месяц, а он еще полгода прожил... полгода. Как мне эти полгода дались. Сереженька, я тогда хотела за ним уйти. Ты остановил. Сыночек мой...

СЕРГЕЙ. Мам, не нужно.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Он для меня всем был... Врач там, щупленький такой, в очочках, все ходил, меня успокаивал. А чего успокаивать? Как успокоиться можно было? До сих пор не успокоилась. Любовь только одна человеку дается. На всю жизнь. Только одна. Так и бабка моя говорила, и мать моя. Я свою любовь уж отжила. До дна выпила, а потом выплакала.

Ты только у меня остался. Так что если любишь её, так иди к ней. Одна любовь только, запомни.

Сергей обнимает ее.

(Вытирает слезы.) Ладно, сынок, не мне тебя учить. Сам уже вырос. Сам все решишь...

СЕРГЕЙ. Вкусные оладки... спасибо... Спокойной ночи, мама.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Спокойной.

6. Чубасов.

*Разбивается о кафельный пол бутылка.
Веселый женский, а потом и мужской смех.*

МАШКА. Я же говорила, не допрешь!

ЧУБАСОВ. Это на счастье.

МАШКА. Это тебе на здоровье – меньше выпьешь.

ЧУБАСОВ. Так я сейчас еще одну возьму.

МАШКА. Ты-то возьмешь, я не сомневаюсь.

ЧУБАСОВ. Машуня, какие могут быть сомнения у такого кавалера!

МАШКА. Трико бы зашил, кавалер.

Входит Иван.

ЧУБАСОВ. О, Иван Иванов утром ходит без штанов!

ИВАН. Здоров, Славка. Ох, мать-перемать, девица-красавица, ты куда столько?

ЧУБАСОВ. Так футбол сегодня, вот решил пивка попить. Надо же местному магазину месячную выручку делать.

МАШКА. Мне от ящика пива ни тепло, ни жарко.

ИВАН. Машка, ни тепло, ни холодно.

МАШКА. Да какая разница.

ИВАН. А ты чего не заходишь? Приехал-то когда?

ЧУБАСОВ. Да пару дней...

МАШКА. Пару дней приехал, а четвертый пивом затаривается.

ЧУБАСОВ. Так я от пива и дням счет потерял.

ИВАН. Это ты можешь. Телик привез?

ЧУБАСОВ. Вот такой! Огромный, еле допер.

ИВАН. Так я к тебе сегодня на футбол зайду.

ЧУБАСОВ. Так можно прямо сейчас начать.

МАШКА. О!

ЧУБАСОВ. Не «о!», а «правильно»!

ИВАН. Не, я лучше вечером зайду. Маш, дай мне две.

МАШКА. Как всегда?

ИВАН. Я же и говорю, две.

ЧУБАСОВ. Ты чего это на супертонкие перешел?

ИВАН. Да так... Пошли покурим.

МАШКА. Чубас, смотри донеси только, чтоб второй раз не бегать.

ЧУБАСОВ. Не ссы, Маруся, я сам боюсь!

Иван и Чубасов выходят из магазина. Чубасов ставит пакеты на крыльцо, Иван распечатывает пачку сигарет.

ЧУБАСОВ. На моих, два бакса пачка. С вишней.

ИВАН. С вишней я у деда Матея покурю.

ЧУБАСОВ. Ну, тогда кури свои бабские.

ИВАН. Не прячь. Дай, попробую... Это Настя всё, говорит чтоб курить бросал, экономия, мол... и эти вот чтоб курил, так по две пачки в день смолю... экономия, мать ее.

ЧУБАСОВ. От женщин все горе на земле.

Смеются.

ИВАН. Слушай, ты в Речном не останавливался?

ЧУБАСОВ. Как всегда, у брата на три дня.

ИВАН. Кольку видел?

ЧУБАСОВ. Нет, а что он, в Речном?

ИВАН. Люська говорит, баба у него там.

ЧУБАСОВ. Гм...

ИВАН. Я вот тоже думаю: кто на него позарится?

ЧУБАСОВ. Мы с Серегой в среду встретились, так я ему сказал, что Колька в Москву не приезжал. Да только я внимания не обратил, кто ж знает, что тут могло случиться. Не приехал, так не приехал.

ИВАН. Да уехал он в Москву. Все так думали.

ЧУБАСОВ. Если б он в Речном был, так мне бы брат сказал, он-то его знает. Да и какая баба у него может быть? В Речном все бабы за шестьдесят остались. Сам проверял.

Смеются.

ИВАН. Ты там, в столице, еще никого?

ЧУБАСОВ. Только проституток... Но. Исключительно из стран ближнего зарубежья.

ИВАН. Гуманитарная помощь.

ЧУБАСОВ. Типа того.

ИВАН. Брешешь? Неужели нет там ни одной бабы, чтобы на тебя не того, а?

ЧУБАСОВ. Другие там бабы.

ИВАН. Ну, какие другие?

ЧУБАСОВ (*открывает две бутылки пива*). На вот.

Иван, сделав пару глотков, оставляет бутылку.

ЧУБАСОВ (*залпом выпивает большую часть*). А-а-ах! Хорошо. Там же, Ванька, на работе нельзя, так я уже тут расслабляться буду. (*Смеется, быстро допивает пиво.*)

Присев на крыльцо магазина, они закуривают.

Есть там, Ванька, женщина одна...

ИВАН. На всю Москву?

ЧУБАСОВ. А я как-то и думал, что на всю Москву, запал, короче. Крановщицей у нас работает, сама из Калуги. Ольга. Васильевна. С виду хрупкая такая. Но когда-никогда в рацию ка-а-ак крикнет: «Славка, твою душу за ногу!» — и давай поливать отборным. У меня первый раз чуть уши в трубочку не свернулись. Но в жизни никогда себе не позволяет.

Короче, пригласили нас с мужиками на день рождения к штукатурище одной. Ну, мы как положено, вазу там какую-то купили, шампанского, конфет, цветов. Приходим. Девчата сидят, волосы понакручивали, муж именинницы приехал. Ну, подарили все. Сажусь я возле Ольги. Ну, выпили основательно. Я Ольгу даже на танец пригласил, два раза. Чувствую, что и она ко мне тоже как-то так. Нормально, короче. Мы все уже хорошо подвыпившие, а муж этот, штукатурищицы, значит,

давай шампанское открывать, ну, и лампочку единственную пробкой выбил.

ИВАН. Молодец.

ЧУБАСОВ. Нормальный мужик оказался. Володька, сосед мой, за лампочкой побежал, ну, а я покурить на балкон вышел. У нас там общие балконы, на весь этаж. (*Открывает еще одну бутылку, жадно пьет.*) Выходит. Говорит: «Угостите меня, Слава, сигареткой». Натё, пожалуйста, ноу проблем, как говорится. Ну, то-сё, прохладно, я свитер свой снял, ей на плечи накинул, как в кино: вот вам, пожалуйста, и все такое. И тут она говорит: «Обними меня». «Чё?» – говорю. «Обними». Ну, я ее со спины обнял. И, знаешь, поцеловать хотел, в ушко, ну, понимаешь. А у нее духи какие-то... цветочные или какие, в общем, приторные. Я и чихнул. Ну... со слюной так, знаешь?

ИВАН. И че?

ЧУБАСОВ. И все.

ИВАН. Че, все?

ЧУБАСОВ. Все. Я до сих пор подойти к ней боюсь. Неудобняк. Опарафинился по полной.

Из магазина выходит Машка.

МАШКА. О, воробушки! Все, встаем, у меня обед.

7. Коля

*Валюник играет с чайником.
Надевает его на голову. Снимает. Смеется.
Снова надевает чайник на голову. Стучит по нему ручкой.
Снимает. Смеется.*

КОЛЯ. Балбес... Люсь!.. Люся!?..

Люся открывает дверь. Обивает сапоги о порог. Входит.

ЛЮСЬКА. А, пришел уже. А я за тебя пороссятам дала. Все за тебя. Сам-то ничего...

КОЛЯ. Поговорить хочу.

ЛЮСЬКА. Иди, говори с тем, с кем пил.

КОЛЯ. Я не пил.

ЛЮСЬКА. Что ты мне тюльку гонишь?

КОЛЯ. Не пил говорю.

ЛЮСЬКА. И?

КОЛЯ. У матери сегодня был.

ЛЮСЬКА. И?!

КОЛЯ. Я подумал... может, мне того... лечиться?

ЛЮСЬКА. Не смеди.

КОЛЯ. Я серьезно...

ЛЮСЬКА. И я серьезно.

КОЛЯ. Мать говорит, что это правильно. Надо лечиться. Надо жизнь менять.

ЛЮСЬКА. Ой, цирк! 38 лет, он жизнь собрался менять. А не поздно?

КОЛЯ. Люсь, да не издевайся ты. Я серьезно. Хочу все с нуля чтобы.

ЛЮСЬКА. Ты и так ноль!

КОЛЯ. Ноль! Ноль! Сам знаю, что ноль! По-новому хочу, слышишь? Оступился человек, так что ж ему теперь родная жена не поможет?

ЛЮСЬКА. Родная? Родная? На, смотри на родную!

*Люська расстегивает халат.
На груди и плечах видны синяки и царапины.*

ЛЮСЬКА. Помнишь? А ни хрена ты не помнишь, скотина!

КОЛЯ. Люся... прости, мне лечиться...

ЛЮСЬКА. Лечиться? Да у тебя один выход – берешь ружье, идешь в лес и стреляешь себе в башку! Только подальше отойди – чтоб не нашли.

*Люська забирает у Валюника чайник. Набирает в него воду.
Ставит на плиту.*

Коля сидит за столом, опустив голову.

ЛЮСЬКА. Спичек дай, плиту зажечь нечем... Ой, бля, а чего это мы плачем? Откуда слезы? Коленька, а чего это мы, а?.. Молчим?.. Ай-ай-ай, что ж это делается-то, люди? Мужики плачут!

КОЛЯ. Люсь, не надо.

ЛЮСЬКА. Спичек дай, говорю!

*Коля достает из кармана коробок спичек, передает Люське.
Люська зажигает плиту, ставит чайник.*

КОЛЯ. Я действительно решил. Надо заканчивать.

ЛЮСЬКА. Хотел бы закончить – давно бы закончил, алкоголик несчастный! Что теперь тебя в город отправлять лечить? А денег где взять?

КОЛЯ. Я найду.

ЛЮСЬКА. Где ты найдешь? Где ты найдешь? Тебе же в деревне кроме твоих поделничков уже никто ничего не дает.

КОЛЯ. Мне мама...

ЛЮСЬКА. Мама? Про мать забудь. Мало ты ее крови попил? Да ты ее в гроб скорее загонишь.

КОЛЯ. Я с Чубасом говорил.

ЛЮСЬКА. И что Чубас? Обещал в Москву тебя забрать? Не смейся, на кой хрен ты ему там сдался, а?

КОЛЯ. Возьмет, сказал.

ЛЮСЬКА. Возьмет, сказал. Пока пить не перестанешь, ты Чубасу там, как собаке пятая нога.

КОЛЯ. Он обещал мне.

ЛЮСЬКА. Обещал он. Да где же ты сегодня успел все, и к матери сходить, и с Чубасом переговорить? Все. Зубы мне не заговаривай. Опять на пару дней завяжешь, а потом опять на стакан?.. Чего молчишь?

Не дожидаясь ответа, Люська выходит.

Коля сидит, опустив голову.

Валюник залазит на табурет у плиты, хватается за ручку чайника и падает вместе с ним.

КОЛЯ. Еб твою душу...

*Валюник кричит.
Коля бросается к нему поднимает его на руки.*

КОЛЯ. Где, где болит, блядь? Сыночек, где болит? Куда же ты, сука...

На крик вбегают Люська.

ЛЮСЬКА. Что ты наделал, мразь? Что с ребенком?

КОЛЯ. Не ори, он сам.

Люська вырывает Валюника из рук Коли.

КОЛЯ. Сам, он сам, говорю, с табурета...

ЛЮСЬКА. Сварил! Сварил, сука! Убью!

*Люська кладет ребенка на стол.
Быстро снимает с него одежду.*

ЛЮСЬКА. Что стоишь, масло дай.

*Сама бросается к холодильнику, достает масло,
начинает судорожно натирать ребенка маслом.*

ЛЮСЬКА. Тише, тише маленький. Сейчас мама все сделает, сейчас все сделает. (Коле.) Не углядел, тварь. (Валюнику.) Сейчас все пройдет, сейчас, сейчас, сейчас! Сейчас пройдет, маленький.

КОЛЯ. Давай я подержу.

ЛЮСЬКА. Убери руки! Урод! (Валюнику.) Все, мой маленький, все, мой хорошенький, сейчас все пройдет. Потерпи немножечко, потерпи, сладенький.

КОЛЯ. Люсь, может, к матери сбегать, лекарства какие, а?
ЛЮСЬКА. Какие лекарства? Иди с глаз моих...

8. Люська.

*Льетса из шланга вода.
Лает собака.*

СЕРГЕЙ. Люсь?

ЛЮСЬКА. Ой, Сережа. Я не ждала.

СЕРГЕЙ. А я так. Мимо проходил...

ЛЮСЬКА. Так ты заходи. Чего за забором стоять. Пират, а ну, фу!

Сергей открывает калитку, входит во двор.

Садись, Сережа.

СЕРГЕЙ. Спасибо. *(Садится, вытирает ладони о колени.)*

Виноград так у вас затянул, почти беседка получается.

ЛЮСЬКА. Да, и урожай хороший...

СЕРГЕЙ. Да...

ЛЮСЬКА. Ты кури, если хочешь.

СЕРГЕЙ. Спасибо. Как тут у вас дела?

ЛЮСЬКА. Ничего.

СЕРГЕЙ. Хорошо. *(Закуривает.)*

ЛЮСЬКА. Угу. *(Садится рядом с ним, достает свои сигареты, ищет зажигалку.)*

Сергей берет ее сигарету, прикуривает.

Спасибо. Как ты?

СЕРГЕЙ. Нормально.

ЛЮСЬКА. Ой, совсем забыла, Валька же один сидит. (Вскакивает.) Подержи. (Отдает ему сигарету, убегает в дом.)

Сергей гасит свою сигарету, ищет, куда бросить окуроч, прячет его в спичечный коробок. Выходит Люська, держа на руках Валюника, завернутого в одеяло.

СЕРГЕЙ. Привет, боец.

ЛЮСЬКА. Он не говорит еще, так только, бу-бу-бу. (Берет свою сигарету у Сергея, затягивается.)

СЕРГЕЙ. И это хорошо.

СЕРГЕЙ. Давай подержу.

ЛЮСЬКА. ...А, Вальку?

СЕРГЕЙ. Ну, да. Дымит на него.

Люська отдает ему Валюника.

СЕРГЕЙ. Валька, давай говори, кем будешь, летчиком или космонавтом?

ЛЮСЬКА. Милиционером.

СЕРГЕЙ. Можно и милиционером. Валька, будешь милиционером? Где твоя кобура, а? Где кобура?

В калитку входит Ольга Борисовна.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Вот это гости у нас! Здравствуй, Сережа.

СЕРГЕЙ. Здравствуйте, Ольга Борисовна.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. И какими это судьбами? Вальку арестовать пришел?

СЕРГЕЙ. Его самого. Мать на него заявление написала: «Кашу не ест, по ночам не спит, примите меры».

Смеются.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Ну, что правда, то правда. У самого-то как дела?

СЕРГЕЙ. Серединка на половинку.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Мать как? Давно я ее не видела.

СЕРГЕЙ. Ничего, спасибо.

ЛЮСЬКА. Мам, а ты чего?

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Я ничего. Курицу зарезала, вот Вальюшке бульончику принесла.

ЛЮСЬКА. Спасибо. На стол там поставь.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Так сама пойд и поставь, а я пока с Сережей поговорю.

*Люська забирает у Сергея ребенка,
берет сумку и уходит в дом.*

ОЛЬГА БОРИСОВНА (*вслед*) Посмотри, может, горячий совсем, так остуди чуть.

ЛЮСЬКА. Не маленькая.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Это уж точно... Идет тебе, Сережа, форма.

СЕРГЕЙ. Ну, ладно уж вам.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Идет-идет, говорю. Орел. Сокол. Генерал!

СЕРГЕЙ. Ольга Борисовна...

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Мужика форма всегда украшает. Но не любого. Это уж ты мне поверь. Я много их в форме повидывала.

СЕРГЕЙ. Ну, всё, засмущали вы меня.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. А чего тебе смущаться? Чай не мальчик. Ох, Сереженька, я после войны маленькая совсем была, ну, сколько... а чего тебе мой возраст знать, по мне и так видно. Лет одиннадцать мне было... Ты не считай, не считай! Ишь, глаз уже закатил.

СЕРГЕЙ. Да я это так...

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Да шучу я, Сереженька. Не обижайся. Так вот, после войны знаешь, какие мужики были? Ох, не наглядеться! В них стать какая-то была. Они себя несли, понимаешь? Меня мать на танцы не пускала, так я с подружками все в окна подглядывала... раньше другие люди были. Все по-другому было. И жили по-другому, и любили...

СЕРГЕЙ. Ладно, Ольга Борисовна, пойду я.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Чего, обиделся?

СЕРГЕЙ. Нет. *(Встает.)*

ОЛЬГА БОРИСОВНА. И правильно. Нечего на бабу старую обижаться. И тебя я не обижала, Сереженька. Идет тебе форма, говорю.

СЕРГЕЙ. Спасибо. Просто пора мне.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Жениться тебе пора. Не смотри. Не смотри, говорю. Я баба старая, я по-прямому все. Сошлись бы, да и жили. А чего? Маленькие, что ли? Собрал чемодан и пришел. Не прогонят, это я тебе слово даю. Не думай, что я, как мать, сводничаю тут. Нет. Я вам добра желаю. Ну, что, что жизнь так сложилась? Что вы ходите вокруг да около?

Порешили бы давно и жили, никто бы слова дурного не сказал.
Это мне уж поверь.

СЕРГЕЙ. Вы Людмиле скажите, чтобы зашла ко мне завтра.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Скажу, скажу, милый. Может, там все порешите.

СЕРГЕЙ. До свидания.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Ступай, да подумай, не маленькие все ж!

СЕРГЕЙ. До свидания. *(Уходит.)*

ОЛЬГА БОРИСОВНА *(одна)*. Ничего, сынок, образуется все.
Господи, помоги нам.

Из дома выходит Люська.

ЛЮСЬКА. А где Сергей?

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Пошел уже. Дела, говорит.

ЛЮСЬКА. Наговорила, небось?

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Да ничего я ему не говорила. Он сам все знает.

ЛЮСЬКА. Ясно.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Я ж о том и говорю – ясно все, а вы чего-то как слепые ходите.

ЛЮСЬКА. Mam, давай без этого! *(Достает сигареты, ищет зажигалку.)*

ОЛЬГА БОРИСОВНА. И отраву эту бросай, сама травится, так еще и ребенка травит. Да, чай и не последнего родила-то.

ЛЮСЬКА. Упаси господи.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. За Сергея выйдешь, на разных койках спать не будете.

ЛЮСЬКА. Ладно тебе про Сергея...

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Знаю, что говорю. Скоро сам придет...

ЛЮСЬКА. Всё, надо Вальку укладывать. Пошли в дом.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Он еще передал, чтоб ты зашла к нему завтра. Вот и зайди.

ЛЮСЬКА. Зайду, зайду.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Не «зайду, зайду», а чтоб зашла.

ЛЮСЬКА. Все, мам, успокойся. Пошли.

9. Сергей.

Чиркают спички.

Ветер.

Чиркают спички.

СЕРГЕЙ. Тьфу ты... последняя сломалась... и зажигалку вчера раздавил...

ИВАН. Как?

СЕРГЕЙ. Да просто так... в руке...

*Иван достает зажигалку, протягивает Сергею,
тот прикуривает и молча возвращает зажигалку.*

ИВАН (*через паузу*). Пожалуйста.

СЕРГЕЙ. Извини. Спасибо.

ИВАН (*через паузу*). Серега, да что с тобой такое, чего ты, как не свой последнее время?

СЕРГЕЙ. Вань, я спросил: выпьешь со мной? Ты ответил: нет.

ИВАН. Я же говорю – Настя ждет. И так у Чубаса засиделся.

СЕРГЕЙ. Ну, бывай... друг. Спасибо за зажигалку.

ИВАН. Давай без этого, а?

СЕРГЕЙ. Давай. Все, пока. *(Открывает калитку, входит во двор.)*

ИВАН. Серега, да хорош тебе. Говорю — не могу!

СЕРГЕЙ. Да, а я что? Я ничего.

ИВАН. Ну, вижу же, что обиделся!

СЕРГЕЙ. Чего тянешь? Хотел идти — иди.

ИВАН. Да куда я пойду? Никуда не пойду... ну, чего ты?

СЕРГЕЙ. Пошли в дом. *(Не дожидаясь ответа, заходит в дом.)*

Иван, сплюнув, идет за ним.

Можешь не разуваться.

ИВАН. Да ладно, нанесу еще...

СЕРГЕЙ. Мам! Мам, у нас гости, накрой нам!

Выходит Лидия Федоровна.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. А, Ванечка...

ИВАН. Здравствуйте, Лидия Федоровна.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Здравствуй, Ваня. Чего это вы на ночь глядя?

СЕРГЕЙ. Мам, не спрашивай. Конец недели.

ИВАН. Мы недолго... тихонько...

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. И я с вами посижу, чего мне, старой, за телевизором постоянно.

СЕРГЕЙ. Мам...

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА *(Ивану)*. Случилось что?

СЕРГЕЙ. Мам...

ИВАН. Да нет. Все нормально. Просто иногда организм требует разрядки.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Разрядки? Так это я вам дам. Идите дров наколите.

СЕРГЕЙ. Мама!

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Все, поняла. Ишь, как брови нахмурил, папкины. Бегу, бегу. *(Выходит.)*

СЕРГЕЙ *(пододвигает табурет к столу)*. Садись.

ИВАН. А ты?

СЕРГЕЙ. Пойду умоюсь.

ИВАН. А...

Сергей выходит. Иван достаёт сигареты, но, не найдя пепельницы, убирает их в карман. Входит Лидия Федоровна с тарелками, вилками и прочим. Накрывает на стол.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА *(шепотом)*. Чего стряслось-то?.. Вань, чего стряслось?

ИВАН. Не знаю.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. И это повод. А стряслось чего?

ИВАН. Да не знаю я, Ольга Борисовна, выпить хочет.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Люська опять?

ИВАН. Не говорит ничего.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Ясно.

ИВАН. Да ясно, что Люська...

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Ты пригляди...

ИВАН. А вы?

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. А меня он, думаешь, пустит? Он мне и так ничего не говорит... я все сама как-то его тормошу...

ИВАН. Хорошо.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Хорошо-хорошо, да ничего хорошего.

Думаю к Ольге сходить, да все не соберусь.

ИВАН. Может быть, оно и к лучшему, что еще не сходили.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. А чего лучше, маются только оба.

ИВАН. А я, допустим, не согласен.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. А и не тебе жить.

ИВАН. Лидия Федоровна, дайте пепельницу, пожалуйста.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. На улицу иди, не замерзнешь.

*Иван выходит. Входит Сергей,
с лица и рук капает вода. Садится.*

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Ты чего это не оберся?

Сергей молчит. Лидия Федоровна, накрыв на стол, садится.

СЕРГЕЙ. Ты иди, мы тут сами.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Я чуток с вами посижу, до сериала...

Рюмочку выпью.

СЕРГЕЙ. У тебя давление.

Лидия Федоровна молчит.

Мам, иди.

Забрав свою тарелку и вилку, она уходит.

(Наливает две рюмки водки, зовет.) Вань!.. Вань!.. Ваня!!!

Входит Иван.

Давай.

ИВАН. А-а-а. За что?

СЕРГЕЙ. Просто, давай, и все. (*Не чокаясь, пьет.*)

Иван выпивает следом.

СЕРГЕЙ (*наливает еще*). Давай.

ИВАН. Куда гонишь?

СЕРГЕЙ. Давай-давай, сейчас тепло пойдет. (*Пьет, не чокаясь.*)

Иван тоже выпивает.

СЕРГЕЙ (*наливает еще*). Давай.

ИВАН. Дай вздохнуть-то.

СЕРГЕЙ. Тебе же лучше. Быстрее закончится – быстрее домой пойдешь. (*Пьет.*)

Иван оставляет свою рюмку.

Пей, третья за любовь. Святое.

ИВАН. Не хочу.

СЕРГЕЙ. А чего пришел тогда? Пей, за любовь надо!

Иван пьет.

Все, брат, женюсь!

Иван, не допив рюмку, закашливается.

Новость! Знаю, что новость. Запей давай, полегчает... я знаю, что ты против.

ИВАН. Да не против я.

СЕРГЕЙ. Против, против... глаза покажи.

ИВАН. Просто не пара она тебе.

СЕРГЕЙ. За это и выпьем. *(Наливает.)*

Пьют, не чокаясь.

Хорошо. Хорошо, а?.. Ты говоришь «не пара», а откуда ты это знаешь, а?

ИВАН. А кого она продинамила, а?

СЕРГЕЙ. Это жизнь. Тут всякое случается. И мать мне говорит, что любовь – она одна всего человеку дается. Понял?

ИВАН. Не понял и понимать не хочу.

СЕРГЕЙ. А это зря. Давай за понимание. *(Наливает.)*

Иван пьет с вызывающим видом. Сергей улыбается.

ИВАН. Ну и? Дальше что?

СЕРГЕЙ. А то, если бее тогда Колька нетого, мы бы поженились.

ИВАН. Так он, что ее, насилдовал, что ли?

СЕРГЕЙ. Может быть, это только мои догадки, но Лешка, ее старший, не по любви получился.

ИВАН. Доказательства?

СЕРГЕЙ. Любит она меня до сих пор.

ИВАН. Это как же?

СЕРГЕЙ. Да просто так. Говорил я с ней.

ИВАН. И что, прямо вот так впрямую и сказала?

СЕРГЕЙ. Да там и так все понятно.

ИВАН. Значит, не сказала! Бросай ты догадки свои, Серега, бросай пока не поздно. От таких баб бежать надо.

СЕРГЕЙ. Молчать! Чтоб я больше такого не слышал...

Молчание.

(Наливает.) Я хотел совета у тебя...

ИВАН. Я тебе совет дал, чего обижаешься тогда?

СЕРГЕЙ. Ладно, давай.

Выпивают.

Ну, хорошо, скажи мне, за что вы ее все не любите?

ИВАН. Кто сказал, что не любим, и кто это «мы»?

СЕРГЕЙ. Сам только что, сам сказал же. Ты да Настя твоя.

ИВАН. Да я не то, чтобы именно так сказал. И Настя тут при чем?

СЕРГЕЙ. А не при чем, я просто так ее имя вспомнил. Ты еще скажи, что она тебе на ухо не поет? Поет, поет, дружочек! А ты слушаешь. Тряпка ты, Ванька, подкаблучник.

ИВАН. Ты меня это что, хаять позвал?

СЕРГЕЙ. Нет, водку пить. *(Наливает, не чокаясь, пьет.)* Пей.

ИВАН. Да пошел ты.

СЕРГЕЙ. Ты чего, обиделся? Тю-ю-ю, браток, да ты, как маленький. Ну, обиделся, так дай мне в рожу, а? Ну, дай! Дай! Дай! Дай! *(Лезет к нему через стол, толкает ладонью в лицо.)*

ИВАН *(падает вместе со стулом, встает, отряхивается, берет рюмку и выпивает)*. Му...к ты, Серега...

10. Настя.

Играет радио.

МАШКА (*поет*). «Ясный мой свет ты напиши мне, слезою та-та на белом окне...»

Входит Настя.

НАСТЯ. Привет.

МАШКА. Привет.

НАСТЯ. Слушай, сколько они вчера взяли?

МАШКА. Кто?

НАСТЯ. Ну, кто-кто, Чубас с моим!

МАШКА. А-а-а. Ящик пива Славка брал. А больше они не заходили. Твой сигарет брал.

НАСТЯ. Как же они тогда так назюзюкались? Лежит, зеленый весь. Дай пива.

МАШКА. Какого?

НАСТЯ. Да любого, я не разбираюсь. Полегче чего-нибудь.

МАШКА. Так... пять и два, четыре и восемь, четыре и два, четыре с половиной.

НАСТЯ. Четыре и два давай.

МАШКА. Держи.

Настя откупоривает бутылку.

Так ты себе?

НАСТЯ. Ну, а кому еще? Этому? Хрена лысого. Пусть мучается. Я даже аспирин из аптечки вытащила. (*Делает глоток.*)

Пресное какое-то.

МАШКА. Так они что, вчера напильсь?

НАСТЯ. Не то слово. Стучит в дверь, я открываю, а на меня падает тело, представляешь?

МАШКА. Ну, дают.

НАСТЯ. Так по ходу Чубас его принес, у двери поставил, постучал, а сам слинял.

МАШКА. Ну, клоуны.

НАСТЯ. Да как маленькие, честное слово. Сейчас проснулся, я у него спрашиваю, как мол, футбол, какой счет, а он не помнит ни хрена.

МАШКА. Как это они так с ящика пива упильсь?

НАСТЯ. Да не пиво они пили, или с пивом пили, я ж своего знаю.

МАШКА. Да ладно, Ванька же непьющий у тебя.

НАСТЯ. Кому другому скажи, а я послушаю. Непьющий. Развелась бы давно.

Входит Чубасов.

НАСТЯ. Явление Христа народу.

ЧУБАСОВ. Спасибо, конечно, за комплимент. Привет девчата.

МАШКА. Что, Славка, похмелиться?

ЧУБАСОВ. Всегда «за»!

НАСТЯ. А то!

ЧУБАСОВ. Только я за хлебом.

МАШКА (*ставит на прилавок открытую бутылку пива*).

На вот. Бородинский.

ЧУБАСОВ. Вы чего тут, девчат?

МАШКА. Аптеку открываем.

НАСТЯ. Ветеринарную.

ЧУБАСОВ. А чего ветеринарную?

НАСТЯ. Да потому что пьете, как свиньи.

ЧУБАСОВ. Ясно.

НАСТЯ. Кто Ваньку напоил вчера до поросячьего визга?

ЧУБАСОВ. Чего это «напоил»?

НАСТЯ. А что нет, что ли? Я дверь открыть не успела...

ЧУБАСОВ. Да он трезвый вчера уходил.

НАСТЯ. И где ж его так развезло?

ЧУБАСОВ. Да серьезно трезвый. После футбола сразу домой пошел.

НАСТЯ. Футбол до часу смотрели?

ЧУБАСОВ. Какой «до часу»! Полдесятого кончился и сразу разошлись, Насть, ты чего волну гонишь?

НАСТЯ. Машка говорит, вы у нее вчера ящик пива покупали.

ЧУБАСОВ. Не вы, а я покупал. От ящика еще семь бутылок осталось, пошли покажу.

НАСТЯ. Не надо мне. Проверятьщицу нашел.

ЧУБАСОВ. Да и что мы с ящика пива нажрались бы?

НАСТЯ. А черт вас знает. Ладно. (*Машке.*) Дай еще одну, а то еще окочурится.

Машка достает еще одну бутылку пива.

Сколько?

МАШКА. Пятьдесят.

НАСТЯ. Держи. Еще забегу.

МАШКА. Угу.

Настя уходит.

ЧУБАСОВ. Чего это она?

МАШКА. Чего-чего. Сам не знаешь, чего? Нажрались вчера?

ЧУБАСОВ. Да не пили мы. Пиво только. И то бутылки по четыре.

МАШКА. Так а чего Ванька пьяный пришел?

ЧУБАСОВ. Да откуда я знаю. Говорю же — не пили.

МАШКА. Ну, полтергейст! Не пили, а Ванька еле домой дошел.

ЧУБАСОВ. Может, встретил кого?

МАШКА. Да кого б он встретил?

ЧУБАСОВ. Ети.

МАШКА. Кого?

ЧУБАСОВ. Ети. Снежного человека.

МАШКА. Тьфу ты! Ети... слово еще какое придумал... ети...

11. Люська.

*Скрипят двери.
Шаркают сапоги.*

ЛЮСЬКА. Привет, Сереженька.

СЕРГЕЙ. Привет.

ЛЮСЬКА. Мать говорила вчера, что зайти к тебе надо.

СЕРГЕЙ. Да. Заявление надо написать.

ЛЮСЬКА. Ах, ты про заявление, так это я помню, помню.

СЕРГЕЙ. Ну вот.

ЛЮСЬКА. Это я его убила, Сережа... да. Не смотри. Не смотри так. Я его убила. Не веришь? Дело твое. Да только не могла я уже с ним... и убила... Не знаю, почему рассказываю. Да ты слушай... Долгая тишина.

Он пить бросал. Вроде как все налаживалось, потом опять начинал... ну, больной он. Потом собрался в Москву, к Чубасу на стройку. Потом опять за стакан. Ну не могла я с ним, не могла я блевоту его за ним вытирать, трусы его обоссанные стирать, не могла, понимаешь? Дьявол всю кровь из меня выпил. Я его и убила.

*Долгая тишина.
Очень долгая тишина.*

СЕРГЕЙ. Где?

ЛЮСЬКА. Что где?

СЕРГЕЙ. Труп где?

ЛЮСЬКА. Ой, Господи... нету трупа. Нету. В общем, как дело было... ага. Села я и решила его убить. Он в Москву собирался. В день отъезда нажрался, лег. Я всю ночь перед ним просидела. Смотрю на него и понимаю, что готова прямо руками придушить. Ночью он орать стал, чтобы я ему воды принесла... Я подушкой ему голову накрыла и легла... сверху. Потом в сарай оттащила. Я сяду? (*Садится на стул.*) Порубила его. И свиньям кинула. Неделю почти не кормила. В фильме увидела. Потом сумку его взяла, пошла в Речной и недалеко от Речного в лесу выбросила. И жить начала.

*Долгая тишина.
Очень долгая тишина.*

Женись на мне, Сережа. Люблю я тебя... Валюнька тебя вон как полюбил. Сойдемся, жить начнем, я по хозяйству буду... ты вот на службе. Глядишь, и ребеночка родим. Женись,

Сереженька, умоляю тебя, умоляю. Ссохнусь я... Женишься, Серж?... Женишься?

*Сергей отворачивается к окну.
Тишина.*

СЕРГЕЙ. Снег пошел... зима... надо до поста успеть.

*Они смотрят друг другу в глаза.
Долгая тишина. Очень долгая тишина.
Даже слышно, кажется, как падает снег...*

Действие второе.
(В ожидании лета)

12. Люська.

*Темнота.
Тикают ходики.*

ЛЮСЬКА. Коленька, иди ко мне... иди! Поцелуй, поцелуй меня. Вот так, да, вот так... Ты плачешь, Коля? Не плачь... не плачь, дорогой, все будет хорошо, все у нас будет хорошо.

Сергей тихо встает с кровати. Подходит к окну.

Не плачь, Коленька, все переменится. Ты, главное, прости

меня, прости, и все будет, все у нас будет, я сама все сделаю, ты только прости. Постой... еще минутку... Ты вернешься? Вернешься? Коля?..

*Сергей поворачивается к кровати,
смотрит на спящую Люську, выходит.*

13. Валюник.

*Звенят ложки и вилки.
Нож стучит о деревянную дощечку.*

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Лид, а Сережа тебе часто подарки на Новый год дарит?

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА *(после паузы)*. Вообще-то нет.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Ой, так приятно, я прям помолодела. За стол платок надену.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Сережка у меня заботливый.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Люсеньке видала, чё?

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Ага, кольцо.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Я сначала подумала серебро, ан нет, говорит, – белое золото. Я и не слышала такое.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Я тоже.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Как же давно я вот так Новый год не встречала. Ой, не дождусь! Шампанское где?

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. В сенях, холодильник забит под завязку.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Хорошо-хорошо. Все хорошо. Ой, Лидочка!

(Бросается к Лидии Федоровне, обнимает ее, обе смеются.)

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Да отстань ты, молодуха.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Я рада, я просто рада, Лидочка!

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Все рады. Слава богу, все рады.

Входит Люська.

ЛЮСЬКА. Сергея нет еще?

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Нет.

ЛЮСЬКА. Последнюю банку у Машки забрала, представляете?

ОЛЬГА БОРИСОВНА. И хорошо. В Новый год мечты сбываются.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Давай...

*Люська отдает ей банку, та открывает ее,
сливает маринад в раковину.*

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Куда ты сок выливаешь, дай я выпью.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. На.

ОЛЬГА БОРИСОВНА *(пьет)*. Вкусно. Валюничке отнесу, пусть попробует.

ЛЮСЬКА. Мам, ну куда ребенку-то?

ОЛЬГА БОРИСОВНА. А что, Новый год, пусть полакомится.

ЛЮСЬКА. Нашла деликатес. Его пучить будет.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Не страшно. Пучит-пучит, ничего не будет, пусть желудочек поработает.

ЛЮСЬКА. Не надо, говорю.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Я пойду салат отнесу.

ЛЮСЬКА. Давайте я.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Ничего деточка, я сама. *(Выходит.)*

ЛЮСЬКА. Платок понравился?

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Спрашиваешь! Конечно, понравился, красота. Дай я тебя обниму.

Они обнимаются. Входит Сергей.

ЛЮСЬКА. Ой, привет.

СЕРГЕЙ. И вам привет. На вот, разбирайте, Славка Чубас машиной передал.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Подарочки я люблю.

ЛЮСЬКА. Мама... (*Разбирает пакеты.*) Ананас! Мам, держи.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. А вот и деликатесы.

ЛЮСЬКА. Мам, ну ты еще скажи, что не ела их никогда.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Почему не ела, ела, только моченые.

ЛЮСЬКА. Не моченые, а маринованные.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Ай, ну вас, мне моченые, маринованные — разницы нету... зубов нету, и разницы нету.

Смеются. Люська достает из пакета бутылку.

ЛЮСЬКА. Это, Сережа, наверное, тебе.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Да и я бы не отказалась.

ЛЮСЬКА. Сергею! В коллекцию...

СЕРГЕЙ. В какую?

ЛЮСЬКА. Ну, вот и начнешь.

СЕРГЕЙ. На стол несите, чего беречь.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА (*из комнаты*). Люшенька, там что-то Валюничка заворочался, поди глянь.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Я сама, воркуйте.

ЛЮСЬКА. Мама!

Ольга Борисовна выходит. Люська целует Сергея.

СЕРГЕЙ. Ты чего?

ЛЮСЬКА. Так.

*Сергей смотрит Люське в глаза,
потом несколько раз быстро целует ее в щеки.*

Ты чего?

СЕРГЕЙ. Так.

Смеются.

ОЛЬГА БОРИСОВНА (*из комнаты*) Заговорил! Заговорил.

Люся, Люся, Валька заговорил! Вальюшка заговорил!

ЛЮСЬКА. Господи, солнце ты мое, заговорил! (*Выбегает.*)

Сергей пытается быстро снять сапоги.

ЛЮСЬКА (*голос в комнате*). Солнце ты мое, ну давай еще разочек.

ОЛЬГА БОРИСОВНА (*голос*). Папка, говорит, папка!

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА (*голос*). Слава богу!

СЕРГЕЙ (*останавливается, садится на табурет*). Папка...

папка, говорит...

14. Настя.

*Тихо играет радио.
Скрипит дверь.*

НАСТЯ. Маша... Маш! Машка!

МАШКА (*выходит из подсобки, поправляя рабочий халат*).

О! Привет. Приехали?

НАСТЯ. Да... приехали.

МАШКА. Ну, как там, в райцентре-то, как брат?

НАСТЯ. Нормально.

МАШКА. Отдохнули небось?

НАСТЯ. Ага.

МАШКА. А я товар пересчитывала... принимала, в общем.

НАСТЯ. Ясно.

МАШКА. Чего дать?

НАСТЯ. Риса дай.

МАШКА. Угу... Ну, как там?

НАСТЯ. Нормально все. Сколько там?

МАШКА. Шестьдесят пять.

НАСТЯ. Ага...

Настя кладет деньги на прилавок. Собирается уходить.

МАШКА. Насть, плакала, что ли?

НАСТЯ. С чего это?

МАШКА. Видно.

НАСТЯ. А... нет... ладно, пойду я.

МАШКА. Подожди.

*Машка выходит в подсобку,
через несколько секунд возвращается.*

МАШКА. Извини, просто задняя дверь открыта была. Что стряслось?

НАСТЯ. Не знаю. Вроде бы и ничего... так... Ванька.

МАШКА. Что Ванька?

НАСТЯ. Да вроде ничего. Я сама. Сама чего-то, мысли всякие...

МАШКА. Ну, смотри сама.

НАСТЯ. Ну, давай. *(Идет к выходу, останавливается у двери.)*

Маш... я его разлюбила, что ли?..

МАШКА. Ты чего, дурочка, чего говоришь-то?

НАСТЯ. То и говорю. Разлюбила я его.

МАШКА. Успокойся. Пройдет. В голову тебе надуло, забудь.

НАСТЯ. Ага. *(Сделав еще шаг, снова останавливается.)* Нет,

Машка, разлюбила я его... Просто себе боюсь еще признаться.

МАШКА. Да что ты городишь, за что его не любить?

НАСТЯ. Не знаю. Не знаю я. Разлюбила...

МАШКА. Настюш, ну чего тебе нейметса?

НАСТЯ. Не знаю. Домой приходит, а мне лишь бы меня не трогал. На стол даже ставить перестала, в телевизор врублюсь, и все. Ночами слышу, что он тоже не спит, ворочается, а сказать ничего не может, как тряпка.

МАШКА. Да не тряпка он, просто любит тебя.

НАСТЯ. Иногда обнимет ночью, а я вид делаю, что сплю. Рука потная.

МАШКА. Вот те грех! Настя, да тебе молиться на него надо, где ты сейчас такого мужика найдешь? *(Пауза.)* Молчишь? Вот и молчи! Иди домой лучше, да обними его покрепче.

НАСТЯ. У меня обида какая-то, понимаешь?

МАШКА. Да какая же обида может быть?

НАСТЯ. Никакая...

МАШКА. Ну вот и все! Дом тебе перестроил, работает, не пьёт, хозяйственник, ну, чего ты себе голову задурила?

НАСТЯ. Слабак он и тряпка. Все «сюсю» да «мусю»! Тьфу! Хотел бы — давно б в город переехали. К Чубасу бы вон напросился, уехали б в Москву. Не может, понимаешь? Хотя один шаг в жизни сделать, а он не может. Ему же ни просить, ни умолять никого не надо. Ему, вон, брат сто пятьдесят раз предлагал: переезжай, пойдешь шофером директора какого-то возить, так нет, говорит, не может он. Квартиру брат служебную пообещал, а он не может, ни хера он не может...

МАШКА. Дура ты, Настя.

НАСТЯ. Да сама ты дура. Подохнете в своей деревне. Что вы тут видите? Ты на море когда последний раз была?

МАШКА. Не была.

НАСТЯ. Ну вот!

МАШКА. А что, это главное?

НАСТЯ. А почему не главное, почему не главное? Ему судьба шанс дает, а он боится жопу свою оторвать от насиженного места. Чего бояться? Что тут жалеть? Гниль! Гниль одна кругом. А надо как люди жить.

МАШКА. Какие люди?

НАСТЯ. Нормальные.

МАШКА. А какие нормальные?

НАСТЯ. Обыкновенные.

МАШКА. Так это же мы обыкновенные! Мы нормальные.

НАСТЯ. Да какие вы нормальные? Вот Чубас нормальный. Не побоялся, уехал, а сейчас и в ус не дует. И телевизор, и холодильник, и все что хочешь, и плевать ему на всех.

А мы тут сдохнем.

МАШКА. Да что ты знаешь про Чубаса.

НАСТЯ. А мне и знать незачем, и так все видно.

МАШКА. Дура ты, дура.

НАСТЯ. Ну и пусть дура, пусть, я жить нормально хочу. Детей нет, так хоть для себя пожить.

МАШКА. Детей нет, так это не проблема. Дети они от желания быстро появляются.

НАСТЯ. Не появляются, Машка. Не появляются. Детей хочу, хочу детей, а нету, понимаешь, не могу, ничего не могу...

МАШКА. Ой, ласточка ты моя, чего же ты молчишь?.. (Обнимает ее.) Это жизнь, ласточка...

НАСТЯ. И не я не могу... это он не может, Машенька...

МАШКА. Ну все, ласточка, будет тебе плакать...

НАСТЯ. Да как же не плакать? Ты понимаешь, какая обида у меня?

МАШКА. А тут обижаться нельзя, Настенька, это Боженька решает. Не дал, значит, так оно надо.

НАСТЯ. Так что мы такое ему сделали?

МАШКА. Ничего не сделали, ничего, тише, тише! Только решать это не нам.

НАСТЯ. Мы ж в центр ездили, обследоваться, не к брату вовсе. Меня на операцию хотели, потом какие-то анализы, потом ждали, потом говорят: со мной все нормально, а Ванька не может. Я говорю, в Москву надо, а он все боится. Оно в Москве-то...

МАШКА. Сейчас, ласточка, я сейчас, подожди секунду. (Убегает в подсобку, быстро возвращается с двумя стаканами.)

На вот. Выпей. Выпей-выпей!

НАСТЯ. Что это?

МАШКА. Вино. Вкусное. Выпей-выпей!

Настя залпом выпивает. Машка смотрит на нее, потом тоже выпивает залпом.

НАСТЯ. Оно, может, в Москве бы чего и сделали. Вылечили бы. Клиник много, и частные, и вообще. Может все б сделали, а он...

МАШКА. Ну, а что он?! Он боится, ты понимаешь, для него удар какой как для мужика, понимаешь? Тебе его сейчас поддержать надо, а ты раскисла.

НАСТЯ. Да куда я, если руки опускаются. Ничего от него не хочу. Прикастаться к нему не могу...

МАШКА. Ну, соберись, Настена. Ему сейчас как раз ты и нужна.

НАСТЯ. А меня кто пожалеет? Кто пожалеет?

МАШКА. Пожалеют, пожалеют, ты только соберись. Соберись, девочка моя. Сейчас это так важно для вас двоих, поэтому держись, а я всегда рядом буду. *(Обнимает ее.)*

НАСТЯ *(плачет)*. Спасибо, спасибо, Машенька.

*Они долго сидят в обнимку,
покачиваясь из стороны в сторону.*

15. Люська.

*Скрипят половицы.
Тишина.
Снова скрипят половицы.*

ЛЮСЬКА. Я ждала тебя.
КОЛЯ. Я пришел. Как и обещал.
ЛЮСЬКА. Спасибо.

Тишина.

Как ты?

Тишина.

Валюнька заговорил.
КОЛЯ. Я знаю.

Тишина.

Там постоянно холодно... Тебе не страшно?
ЛЮСЬКА. Нет.
КОЛЯ. И мне нет...

Тишина.

Что мы вот так... сидим.

Тишина.

ЛЮСЬКА. Мне страшно.

КОЛЯ. И мне страшно.

ЛЮСЬКА. Возьми меня за руку.

КОЛЯ. Возьми меня за руку.

ЛЮСЬКА (*медленно берет его за руку*). Холодная.

КОЛЯ. Теплая.

Тишина.

ЛЮСЬКА. Прости.

КОЛЯ. Все в прошлом.

ЛЮСЬКА. Ты простил?

КОЛЯ. Все в прошлом.

ЛЮСЬКА. Ты скучаешь?

КОЛЯ. Да.

ЛЮСЬКА. Да?

КОЛЯ. Да.

ЛЮСЬКА. Значит, простил?

КОЛЯ. Все в прошлом... Приходи чаще.

ЛЮСЬКА. Куда?

КОЛЯ. Ко мне. В свинарнике на заборе часто сижу...
снежинки ловлю.

Тишина.

ЛЮСЬКА. Прости.

КОЛЯ. Все в прошлом.

Тишина.

ЛЮСЬКА. Чаше приходи.

КОЛЯ. Я всегда с вами.

Тишина.

КОЛЯ. Вы молодцы. Сергей вот тоже...

ЛЮСЬКА. Не надо.

КОЛЯ. Прости.

ЛЮСЬКА. Ничего, просто не надо о нем.

Тишина.

С ним легко. Он заботливый. Меня любит. Вальку любит. И он его. Только... не знаю. Не знаю, как он принял меня, я же ему все рассказала. Все. А он принял, понимаешь? Я от отчаяния ему все рассказала, а он принял... принял Сергей меня... Все как есть принял.

Тишина.

Ну, все, я не плачу, не плачу. Все, успокоилась. Прости, Коля. Коля? Коленька?..

Входит Лидия Федоровна.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. С кем это ты говорила?

ЛЮСЬКА. Да это я так.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА (*достаёт платок, протягивает ей*).

Глаза вытри... Ничего, ничего, все уладится.

ЛЮСЬКА. Спасибо.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА (*обнимает ее*). Все, доченька, все. Не надо чтобы Сергей слезы твои видел. Да и чего тебе плакать? Не надо. Обними меня покрепче. Вот так, вот так, родимая. Не плачь. Доля наша такая, бабская. Терпи. Жить надо. Жить. Для Валечки, для матери, для Сергея жить надо. Прошрое в прошлом. Прошрое в прошлом, деточка.

ЛЮСЬКА (*вытирает слезы, садится*). Я не буду. Я выдержу.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Вот и ладушки. Вот и не плачь.

ЛЮСЬКА. Лидия Федоровна, как пусто внутри, если б вы знали.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Знаю, деточка, знаю.

ЛЮСЬКА. Пусто. Невыносимо пусто.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Пройдет, пройдет, деточка.

ЛЮСЬКА. Если б вы знали...

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Знаю я все, знаю. Я уже все прошла. С горкой поела. Держаться надо, больше нам деваться некуда. А время, оно все вылечит. Зиму переживем, а весной сады зацветут, дышать легче станет. Вдохни вот поглубже... Эх, голубка...

16. Иван.

*Воет ветер.
Светит фонарь.
Гнутя голые деревья.*

СЕРГЕЙ. Вань, привет!

ИВАН. Привет.

СЕРГЕЙ. Ну мороз сегодня, а?

ИВАН. Не май месяц.

СЕРГЕЙ. Прям пальцы отваливаются.

ИВАН. Угу.

СЕРГЕЙ. Середина марта, а хоть бы хны, морозище, блин.

ИВАН. Ну...

СЕРГЕЙ. Слушай, Вань...

ИВАН. Ну... Ну?

СЕРГЕЙ. Давай на мировую, а? Прости ты меня. Сглупил, пьяный был...

ИВАН. Да забыли.

СЕРГЕЙ. Прости, Ванька!

ИВАН. Забыли.

СЕРГЕЙ. Пьяный, сам понимаешь...

ИВАН. Нормально все. Главное, что ты пришел.

СЕРГЕЙ. Да я места себе не нахожу... блин, глупо как, а?

ИВАН. Глупо.

СЕРГЕЙ. Блин, три месяца, а? В одной деревне живем и...

ИВАН. Ладно тебе. Нормально все.

СЕРГЕЙ. Прости, брат, ты же мне как младший брат, понимаешь?

ИВАН. Серега, да ладно, все, забыли, все, говорю, чего ты как маленький.

СЕРГЕЙ. Все. Хорошо. Спасибо, Ванька. А то я переживаю, места все не нахожу... *(Обнимает Ивана.)*

ИВАН *(сначала словно с неохотой, но потом, по-братски сильно обнимает его)*. Ну, все. Хорош.

СЕРГЕЙ. Да-да, все, хорошо. Ну, как ты, как Настя?

ИВАН. Да все нормально. Ты как?

СЕРГЕЙ. Хорошо. Ванька, извини меня еще раз.

ИВАН. Да нормально все, говорю же!

СЕРГЕЙ. Извини. Настя как?

ИВАН. Да нормально же, говорю.

СЕРГЕЙ. И мы нормально. Ты знаешь, все хорошо.

ИВАН. Ну, хорошо, что хорошо.

СЕРГЕЙ. Хорошо, да, хорошо. Настя нормально?

ИВАН. Нормально же говорю, ты чего, опять не в себе?
Нервный какой-то?

СЕРГЕЙ. Да нет, я в порядке.

ИВАН. Ты себя в зеркало видел?

СЕРГЕЙ. Да я нормально. Хорошо.

ИВАН. Ну, ладно... давай, побегу я.

СЕРГЕЙ. Ну, давай, беги. Извини еще раз.

ИВАН. Ага...

Они расходятся.

(Сделав несколько шагов, останавливается). Серега.

СЕРГЕЙ. А?

ИВАН. Дай закурить, не могу я уже эти тонкие...

СЕРГЕЙ. Да на. *(Идет навстречу, достает сигареты, зажигалку, дает Ивану прикурить.)*

ИВАН. Спасибо.

СЕРГЕЙ. Да не за что.

ИВАН. Слушай, Серег, если я с Настей разойдусь, это нормально?..

СЕРГЕЙ. Чего... ты что?

Тишина.

ИВАН. Да я так... сам еще не знаю. Думаю вот, или разойтись, или убить!.. (*Улыбается.*)

Сергей сильно бьет его в лицо, Иван падает.

СЕРГЕЙ (*захлебываясь от гнева, бьет его ногой*). Я тебе, б...ь, я тебе, б...ь, б...ь... (*Бьет.*) Чтобы и мысли, слышишь, чтобы и мысли не было! Понял меня? Понял, нет? Чтобы мысли такой не было!..

Иван со страхом смотрит на него.

(*Пятится под его взглядом, через несколько шагов разворачивается и падает лицом в снег.*) Б...ь! Б...ь! Б...ь! (*Резко вскакивает, подлетает к Ивану, обнимает.*) Прости, прости, братушка мой родной, прости, Ванечка. Дорогой ты мой, прости меня, не знаю я, что на меня нашло, прости, друг ты мой, прости, прости, Ванечка. На. На вот, бей, бей, убей меня, прости! Не знаю я, что, прости, Ванька... Ух, б...ь, что же в голове творится-то... и снег этот, б...ь... (*Встает, судорожно отряхивается и уходит.*)

17. Люська.

*Тикают ходики.
Скрипят половицы.*

КОЛЯ. Здравствуй.

ЛЮСЬКА. Здравствуй.

КОЛЯ. Ну, как дела?

ЛЮСЬКА. Ты и так, наверное, все видишь.

КОЛЯ. Нет. Не все. Иногда я закрываю глаза.

Тишина.

ЛЮСЬКА. Долгая зима в этом году.

КОЛЯ. Да.

ЛЮСЬКА. Хочется лета.

КОЛЯ. Тепла.

ЛЮСЬКА. Да. Тепла.

Тишина.

КОЛЯ. С рукой это... зря.

ЛЮСЬКА. Так получилось.

КОЛЯ. Я видел... ты специально сунула.

ЛЮСЬКА. Мне тяжело. Меня все это съедает.

КОЛЯ. Я вижу, пройдет... Сильно поел?

ЛЮСЬКА. Нет. Пальцы поломал... наверное... хотя, наверное, даже нет... Я просто хотела понять...

КОЛЯ. А зачем?

ЛЮСЬКА. Мне больно.

КОЛЯ. Всем больно. Тебе этого незачем было делать...

ЛЮСЬКА. Коль, меня теперь это все как будто изнутри ест.

КОЛЯ. И ты решила себя заживо свиньям скормить? Бред.

Тишина.

ЛЮСЬКА. Я хотела понять...

КОЛЯ. Все. Не будем об этом.

ЛЮСЬКА. Хорошо.

Тишина.

Я фотографии нашла. Их так мало...

КОЛЯ. Их могло и совсем не быть.

ЛЮСЬКА. Да. Их могло и совсем не быть...

Тишина.

Цветных почти нет. Но я все в цвете помню. Пиджаки, рубашки, платья, все помню.

КОЛЯ. Я тоже.

ЛЮСЬКА. На свадебных у тебя такие волосы длинные.

КОЛЯ. Почти как у тебя?

Они улыбаются.

ЛЮСЬКА. Почти как у меня... и усы смешные такие.

КОЛЯ. Это мода...

ЛЮСЬКА. Да, я помню.

Тишина.

А Валюнька тебя видит?

КОЛЯ. Нет.

ЛЮСЬКА. Почему?

КОЛЯ. У него теперь другой отец.

Тишина.

ЛЮСЬКА. Может быть, приходил бы к нему иногда?

КОЛЯ. Я и так с ним.

ЛЮСЬКА. Да, извини.

Тишина.

Мне иногда кажется, что это все сон.

КОЛЯ. И мне.

ЛЮСЬКА. Но ведь это не так?

КОЛЯ. Я не знаю.

ЛЮСЬКА. Тогда пусть это будет сон.

КОЛЯ. Тогда пусть...

ЛЮСЬКА. Хочется проснуться.

КОЛЯ. Очень. Очень хочется.

ЛЮСЬКА. Если бы это был сон и ты проснулся, что бы ты изменил?

КОЛЯ. Ничего.

ЛЮСЬКА. Почему?.. Почему?... Почему ты молчишь?

КОЛЯ. Иногда хочется помолчать.

ЛЮСЬКА. Ответь мне, почему бы ты ничего не изменил?..

Коля, почему?

Входит Сергей. Люська оглядывается по сторонам.

СЕРГЕЙ. Ты с кем?

Тишина.

ЛЮСЬКА. С Колей.

Тишина.

СЕРГЕЙ. Не по себе от таких шуток. С рукой что?

ЛЮСЬКА. Я с ним говорила. *(Оглядывается.)*

СЕРГЕЙ. С рукой что? Кровь от свинарника тянется.

ЛЮСЬКА. Коля, покажись ему... Коля...

СЕРГЕЙ. Так, хватит, ты что сдурела, что ли?

ЛЮСЬКА. Коля, покажись, не бойся.

СЕРГЕЙ. Хватит. Сядь.

ЛЮСЬКА. Я не хочу.

СЕРГЕЙ. Сядь.

ЛЮСЬКА. Не хочу.

СЕРГЕЙ. Я сказал — сядь! *(Хватает ее за руку и силой усаживает в кресло.)*

ЛЮСЬКА. Ты что, мне больно!

СЕРГЕЙ *(отворачивается, трет ладонями лицо)*. Так, спокойно... Люсенька, прости меня, я не хотел сделать тебе больно. Просто это все очень странно. *(Гладит ее по голове, целует ее в голову.)*

ЛЮСЬКА. Верь мне.

СЕРГЕЙ. Что?

ЛЮСЬКА. Верь мне. Ты не имеешь права не верить мне.

СЕРГЕЙ. Что это значит?

ЛЮСЬКА. Ты должен верить мне.

СЕРГЕЙ. Что?

ЛЮСЬКА. Ты должен поверить мне.

СЕРГЕЙ. Хватит!

ЛЮСЬКА. Не смей кричать на меня!.. Слышишь?

СЕРГЕЙ. Люся, что за...

ЛЮСЬКА. Никогда в жизни больше не смей повышать на меня голос! Я сказала тебе правду. Я не собираюсь тебя обманывать.

Я говорила с Колей.

СЕРГЕЙ. Я все понимаю, Люся, я не хотел тебя обидеть...

ЛЮСЬКА. Если ты не хочешь верить мне...

СЕРГЕЙ. Я верю.

ЛЮСЬКА. Не перебивай.

СЕРГЕЙ. Извини.

ЛЮСЬКА. Не перебивай. Я хочу, чтобы все было, как есть...

Оставалось, как есть. Коля не навредит. Думай, что хочешь, но он не держит на меня зла. Я благодарна ему за это. Я благодарна.

Он следит за Валькой, он его отец, он имеет право... какой у тебя смешной взгляд. Сережа, господи, что за ревность, брось.

Это глупо. Ты глуп.

СЕРГЕЙ. Люся, успокойся.

ЛЮСЬКА. Я спокойна. Мы должны пройти через это вместе. Я понимаю – тебе нелегко. Нет... Тебе тяжело. Но и мне тяжело. Ярываюсь на вас обоих. То, в чем погрязла я, только моя проблема, но я прошу тебя помочь мне...

СЕРГЕЙ. Как?

ЛЮСЬКА. Не мешай, в этом будет твоя помощь. Я не хочу больше каких-либо разговоров, просьб или чего-то еще. Не надо лезть ко мне в душу. Я прошла через плеть, и пряники меня уже не успокаивают. Я могу рассказывать тебе обо всем, но я не вижу смысла: нельзя решить словами то, что необходимо решить делом. Коля будет со мной столько, сколько захочет он сам. Я не могу отказать ему. И ты должен это понять. Прости, если я делаю тебе больно... Я знаю, что тебе больно, но ничего не могу поделать с этим.

СЕРГЕЙ. Люся, давай обратимся...

ЛЮСЬКА. Какая глупость! Я же сказала тебе, мне не нужна помощь. Никаких врачей. Они шарлатаны и самодуры. Мне

не нужны ничьи советы. Я сама.

СЕРГЕЙ. Нашли бы лекарства.

ЛЮСЬКА. Не нужны мне никакие лекарства! Оставь меня в покое! Мне нужно только ваше молчание. Мне нужно, чтобы вы не мешали мне. Никто! Чтобы никто мне не мешал.

СЕРГЕЙ. Люсенька, успокойся... давай попробуем поговорить... спокойно.

ЛЮСЬКА. Почему ты не хочешь понять меня?

СЕРГЕЙ. Я понимаю, просто я хочу поговорить.

ЛЮСЬКА. Я не хочу говорить.

СЕРГЕЙ. Люсенька, нам нужно это обсудить, для тебя нужно.

ЛЮСЬКА. Я сказала, я не хочу говорить.

СЕРГЕЙ. Молчанием ты не решишь проблему... мы не решим.

ЛЮСЬКА. Я сказала тебе, как ее решить.

СЕРГЕЙ. Это не выход.

ЛЮСЬКА. Это единственный выход... Нет? Если ты не веришь, я замолчу навсегда.

СЕРГЕЙ. Так нельзя. Мы должны вместе все решить.

ЛЮСЬКА. Все. Больше ни слова.

СЕРГЕЙ. Да что за детский сад! Почему я должен это терпеть?.. Да, я должен это терпеть, мы вместе должны, ты права. Я готов тебе помочь, но тебе нужно выговориться. Пойми, это единственный выход. Ты можешь мне все рассказать. Я никогда не упрекну тебя...

Она молчит.

Так, давай без этого, ладно? *(Ждет ответа.)*

*Люська садится перед телевизором, включает его.
Телевизор шипит, по экрану бежит грязно-белая рябь.*

СЕРГЕЙ. Выключи... я сказал – выключи.

Люська делает громче.

Я сказал – выключи!

Люська доводит громкость до максимума. Из соседней комнаты выглядывает испуганная Ольга Борисовна. Люська встает и уходит.

Ну и иди. Иди... (Садится.)

СЕРГЕЙ. Плевать! Слышишь, плевать! (Обхватывает голову руками, затыкает уши, чтобы не слышать шипения телевизора, потом хватается пульт, но он не работает; вскакивает, выдергивает шнур из розетки; садится, часто дышит.)

18. Коля.

*Тихо гудит телевизор.
Тихо шипит сковорода.
Тихо трещит радио.*

ОЛЬГА БОРИСОВНА. В больницу ее надо!

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Сергей не дает.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Он сам больной, твой Сергей, вот и не дает.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Олька, держи язык.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. А ты не пугай, мы пуганые. Тоже мне. Что мне твой Сергей? Молиться на него? Больно надо.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Разругались, вот и молчит. Ты не лезь. Сейчас полезем – еще хуже сделаем.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Куда хуже?

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Ольга, ну что ты заводишься?

ОЛЬГА БОРИСОВНА. А я не заводжусь.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Вот и не заводись.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Я и не заводжусь.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. И не заводись.

Тишина.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. В больницу надо!

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Не даст.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Больной потому что.

Тишина.

(Ходит по комнате, пытаясь найти себе какое-нибудь занятие.) В больницу б...

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Все, не суетись...

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Вторая неделя уже... молчит как рыба об лед.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Не наше дело.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Да как же не наше! Как не наше? Что она, родной матери слово не может сказать?

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. А может, и мы в чем виноваты? Может, им одним пожить надо, а то что мы постоянно вокруг них?

Вон по телевизору все говорят: кризис среднего возраста. Им надо самим попробовать, чтоб никто не мешал, не советовал, не лез чтоб никто.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Да какой средний возраст, я у себя и не помню такого, понапридумывают чертовни, народ только запугивают. *(Пауза.)* Я вот чего сказать хочу...

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Ну?

ОЛЬГА БОРИСОВНА. И не знаю...

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Ну, говори, раз начала.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Коля приходил...

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. И поэтому она и замолчала, думаешь?

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Да ты не поняла. Дух его.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Какой дух, господь с тобой, чего ты человека раньше времени хоронишь?

ОЛЬГА БОРИСОВНА. А чего его хоронить, и так понятно, что мертвый он. Живой был бы, так объявился б уже давно.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Баба-дура, Ольга, ты не хорони, не хорони. Пусть лучше живой где-то по земле шатается, чем мертвым сном лежит.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Ты меня дослушай.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Ну.

Тишина.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Захожу как-то в комнату, Валюнька, значит, на полу сидит и в угол смотрит, в тот, где стул стоит у окна. Я ему говорю: «Валюнечка, зайнышка, кого ты там увидел?». А он смотрит на стул, прямо глаз не отрывая, и только: «Бу-бу, бу-бу», — и улыбается. Я подумала, может быть за занавеской что, ну, кошка там, или... ой, иду к стулу-

то, и... в общем, холодом меня обдало... и вот понимаешь, вроде иду, а будто на месте стою, и к стулу подойти не могу никак. Я испугалась, хочу назад идти, а не могу, поворачиваю, а двери нашей нет, все обои, обои, обои, у меня аж ноги подкосились. Глаза закрыла, перекрестилась, открываю — на месте все. Я Валюника под руки и бегом из дома. Выбежала, а куда дальше, не знаю, сердце колотится, Валюнька реветь начал, а я в ступоре стою, двинуться не могу... Тут Люська в калитку входит, и я понимаю, что ребенка на холод раздетого вынесла. В общем, она его забрала и молча в дом. А я стою в халате, босиком... стою. (*Пауза.*) Валюнька заболел, а я теперь себе места не нахожу...

Тишина.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Есть оно что такое... не вини себя... да и, может, это не Коля вовсе.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Коля, Коля, я чувствую. У меня всегда с ним отношения не ладилась.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. В церковь сходи. Свечку поставь... что уж теперь... оно помогает, всегда помогает.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Не хожу я туда.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Чего?

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Не знаю. Боюсь, что ли... Не знаю. Я как на лица их взгляну, так не по себе становится. Смотрят на меня... чистые такие, а тут я пришла, баба старая... И ведь так и не думаешь про них вовсе, а как что случится, так «помоги», да «упаси».

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. А ты чаще «спасибо» говори. Чего только просишь, ты и отблагодари, язык не отсохнет.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Это ты верно все, верно...

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. А ты не ряди, отблагодари, и все. Хочешь завтра вместе на утреннюю сходим?

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Да куда я пойду.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. Со мной пойдешь. Рядом постоишь. Больше ничего не надо, просто рядом постоишь, а там сама решишь. Какие мысли в голову придут, так ты их про себя и повторяй. Про Люсеньку, про Сережу, про Валечку. Про Колю подумай. Лишним не будет. Там ничего лишнего нет.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Хорошо... сходим...

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. И хорошо...

Тишина.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. Лид, может, по рюмочке? Магазинное, еще не открывала даже.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА. А ты попостись до завтра, попостись.

ОЛЬГА БОРИСОВНА. А, ну это да... это верно...

19. Чубасов.

Хлопок открытой бутылки шампанского.

Радостные крики.

Звенят бокалы.

ЧУБАСОВ. Ну, все, выпили? Можно и поцеловаться!

НАСТЯ. Вот человек, сам себе «горько» кричит.

ЧУБАСОВ. С вас пока дожدهшься, так мальчиком и помрешь!

*Все смеются. Чубасов целует Ольгу. Входит Сергей.
Ставит на стол початую бутылку водки.*

СЕРГЕЙ. А чего замолчали? Я поздравить пришел.

ЧУБАСОВ. Здорово, Серега! Ну, заходи, раз пришел.

СЕРГЕЙ. Знакомь.

ЧУБАСОВ. Ольга – Сергей. Сергей – Ольга.

ОЛЬГА. Очень приятно.

ЧУБАСОВ. Сергей у нас за участкового.

СЕРГЕЙ. Почему «за», я и есть участковый. *(Смеется.)*

СЕРГЕЙ. Ну, чего вы? Ванька, наливай.

ИВАН *(тянется за бутылкой, но натывается на взгляд жены).*

Да мы только выпили.

СЕРГЕЙ. Да что вы тут шампанским своим балуетесь. Ольга, выпьете со мной за знакомство?

ЧУБАСОВ. Давай, я налью.

СЕРГЕЙ. Во-о-т!

ЧУБАСОВ. Так... я сейчас рюмок принесу.

ОЛЬГА. Я помогу.

Чубасов и Ольга выходят.

СЕРГЕЙ. Настя, как дела?

НАСТЯ. Нормально.

СЕРГЕЙ. Ясно. Баррикады не взять. Машка?

МАШКА. Что Машка?

СЕРГЕЙ. Как торговля?

НАСТЯ. Что ты к ней пристаешь?

СЕРГЕЙ. Да никто не пристает, все нормально. Просто вы

неразговорчивые какие-то. Вы куда пришли-то, а? Улыбнись, Настя, улыбнись!

ИВАН. Серега, пошли покурим.

СЕРГЕЙ. Да я только курил.

Возвращаются Чубасов и Ольга.

ЧУБАСОВ. Ап, и тигры у ног моих сели, и ты, Серега, садись.

ОЛЬГА. Вот, пожалуйста. *(Ставит Сергею тарелку и вилку, Чубасов наливает ему.)*

СЕРГЕЙ. Сразу видать — хозяйюшка.

ЧУБАСОВ. Ну, как говорится, чтобы не последняя!

СЕРГЕЙ. Тихо-тихо-тихо, так не делается. Ну-ка, молодые, встали.

ЧУБАСОВ. Да ладно тебе.

СЕРГЕЙ. Встали-встали, не ленитесь.

Ольга встает, за ней неохотно поднимается Чубасов.

Дорогие молодожены!

ЧУБАСОВ. Да какие молодожены, мы же не расписаны.

СЕРГЕЙ. Раз привез, значит, все к этому и идет.

НАСТЯ. Ну, вот как придет, так и выпьем.

СЕРГЕЙ. Тишина, говорит тостующий, остальные слушают и завидуют! Дорогие молодожены, Вячеслав и Ольга... За вас! За счастье в этом доме! Ура!.. Ну? Ура! Ну?

Все нехотя кричат троекратное «ура».

«Горько» молодым!

Чубасов и Ольга, поцеловавшись, садятся.

Не-не-не, так не пойдет.

ИВАН. Серега, хорош. Что ты разошелся?

СЕРГЕЙ. Эх, любовь-любовь... красота... молодцы, эх, молодцы! Ольга, ну как тебе у нас?

ОЛЬГА. Я еще и не видела ничего...

НАСТЯ. А что тут смотреть? Тут и смотреть нечего.

СЕРГЕЙ. Вот видишь, Ольга, а она местный житель.

НАСТЯ. А что я неправду говорю, что ли?

СЕРГЕЙ. А лес? Лес у нас какой? Загляденье! Озеро... было б потеплее, знаешь, какую прогулку мы бы тебе устроили, да с шашлычками, ой!

ОЛЬГА. Я понимаю, я сама лес люблю.

СЕРГЕЙ. Вот. Свой человек! Ну, Чубас, наливай, что ли?

ЧУБАСОВ. Не вижу препятствий! *(Наливает.)*

СЕРГЕЙ. Право второго тоста предоставляется бывшей Славкиной возлюбленной, а ныне просто кусающей локти Машке-продавщице.

Тишина.

МАШКА. Идиот... *(Бросает в Сергея полотенце и выбегает, Настя бросается за ней.)*

Тишина.

СЕРГЕЙ. Ну, а я что... на обиженных воду возят. Ванька, говори ты.

ИВАН. Серега, чего ты разошелся?

СЕРГЕЙ. Да нормально все.

ИВАН. Машку зачем?

СЕРГЕЙ. Да что я такого сказал? Любились-разлюбились, это жизнь.

ЧУБАСОВ. Да, Серега, зря все-таки так...

СЕРГЕЙ. Да ладно вам, выпьем лучше. *(Выпивает.)*

Входит Настя.

НАСТЯ. Ну, ты и му...к, Сереженька.

СЕРГЕЙ. Все, закрыли тему.

НАСТЯ. Ну му...к.

СЕРГЕЙ. Настя, не начинай. Пей шампусик.

НАСТЯ. Что мне твой шампусик. Веди себя нормально.

СЕРГЕЙ. А что тебе не нравится?!

ИВАН. Всё, пошли покурим.

ЧУБАСОВ. Точно, пошли курнем, поостынем.

СЕРГЕЙ. Да отстаньте вы. Настя, чего ты хочешь?

ИВАН. Пошли, Серега, пошли. *(Берет его за плечо.)*

СЕРГЕЙ *(отбрасывает его руку)*. Я сказал, не пойду. *(Насте.)*

Давай, говори, чего хочешь? Что молчишь? В глаза так ты ничего сказать не можешь. Что тебе, завидно стало? Змея ты. Змея подколодная. Обзавидовались уже все!

НАСТЯ. Ты сейчас вообще о чем это?

СЕРГЕЙ. Завидовала, когда мы с Люськой сошлись?

НАСТЯ. Это тут при чем?

СЕРГЕЙ. Нет, ты мне скажи, завидовала или нет, а? Правду скажи! Правду! Вы все тут завидовали.

ЧУБАСОВ. Так, пошли на улицу, успокоиться надо.

СЕРГЕЙ. Не пойду. Славка, тебя тут не было, а они все завидовали и сглазили.

ИВАН. Серега, да ты что? Чего ты херню несешь?

НАСТЯ. Все, шарики за ролики...

СЕРГЕЙ. А что, не так, скажешь? А мы любим друг друга, понятно вам? Любим!

НАСТЯ. Да любите на здоровье!

СЕРГЕЙ. Я бы... эх... ты, Настя, первая змея... взгляд у тебя, сука, недобрый.

ИВАН. Серега, давай полегче на поворотах.

СЕРГЕЙ (*долго смотрит на него*). Все, брат, извини. Все, я больше ни слова. И ты, Настя, извини. И Слава, и Оля. Извините меня. Тут не вы виноваты. (*Наливает себе, пьет.*)

Не вы виноваты... тут и виноватых-то нет... нет виноватых... Все, давайте... Счастливо... извините меня, что-то совсем я. Ольга, всего хорошего. Извините еще раз... (*Встает и выходит.*)

НАСТЯ. Дебил.

ИВАН. Надо за ним пойти, а то хер его знает...

НАСТЯ. Сиди, тоже мне герой, спаситель душ заблудших.

20. Сергей.

Тихо шипит телевизор.

Тикают ходики.

СЕРГЕЙ. Здравствуй... Ты чего в темноте?.. (*Смотрит на мелькающий экран.*) Чубас невесту привез из Москвы... Выпили немного... Красивая...

(*Берет пульт.*) Вот, батарейки купил. (*Меняет батарейки,*

щелкает кнопками.)

По всем каналам серая рябь.

Как достал этот снег. Какая долгая зима... Люся, Люся, Люська, ну скажи ты хоть слово! Скажи хоть слово! *(Бросается к ней, треплет за плечи, трясет, потом обнимает, часто целует в щеки.)* Люсенька, хоть словечко. Поговори со мной, поговори, Люсенька... Поговори немножко, хоть головой махни. Слышишь меня? Слышишь меня, Люсенька?.. И что мне теперь, а?! Как жить? Как жить? Мразь! Я тебя спрашиваю, как мне жить? Отвечай. Отвечай! Встать! Встать, я сказал! Встать!

Люська пустыми глазами смотрит на экран.

(Хватает ее за плечи, пытается поднять, но она снова падает в кресло.)

Встать, я приказываю! Я приказываю встать! *(Наотмашь бьет ее по лицу обратной стороной ладони, потом наваливается на нее и начинает душить.)*

Она не сопротивляется.

Вот, вот, вот... Вот и все... вот и все, Люсенька. Все, конец. И тебе... и мне... и Коле... всем конец. Пи...ц всем. *(Закуривает; долгая пауза.)* Тишина, б...ь. Опять тишина... везде. Вокруг, внутри, в голове, в груди... звенящая такая, давящая... И пустота давящая, слышь? Давящая. И снег. Снег. Вокруг снег, так много снега, на улице, по телевизору, на потолке,

езде. А я хочу лета... Мне необходимо тепло. Слишком долгая зима в этом году. Слишком. Я не могу согреться. Меня бесит, что меня постоянно колотит, всю зиму, всю зиму изо дня в день, изо дня в день, изо дня в день! Господи, какая тяжелая зима. Я хочу лето... Хочу лето. Хочу лето. Хочу лето. Хочу, хочу, хочу! Зима не может быть такой долгой! Не может быть такой долгой эта проклятая зима! Не могу терпеть уже, все! Все, б...ь! *(Вскакивает, вытаскивает ремень из брюк, быстро уходит в другую комнату и закрывает за собой дверь.)*

Тишина.

Залаяли собаки.

Входят Иван, Чубасов и Ольга.

ЧУБАСОВ. Есть кто?

ОЛЬГА *(видит Люську)*. Господи...

ЧУБАСОВ *(подходит к Ольге, обнимает)*. Тише, тише, тише...

ИВАН *(шепотом)*. Серега...

Чубасов хватает Люську за плечи. Неожиданно она с хрипом вбирает в себя воздух, закашливается, падает с кресла, поднимается на четвереньки.

ЧУБАСОВ. Люся, что случилось? Где Сергей? Что случилось, Люся?

ЛЮСЬКА. А-а-ам... а-а-ам... та-а-ам...

ЧУБАСОВ. Люся, что случилось, где Сергей?

ИВАН *(подходит к двери, тихо)*. Серега!..

ЧУБАСОВ. Чё ты мнешься! *(Идет к двери, открывает.)*

Тишина.

Ольга, за водой сходи. Нечего тебе тут делать.

Ольга выходит.

Пол вымыть надо, вон, видать, обоссано все.

Иван и Чубасов смотрят в открытую дверь.

ИВАН. Вот тебе и любовь у людей... такая вот любовь...

Очень долгая тишина. Звенят ведра.

Скрипит колодец.

Лают беспокойные собаки.

21. Люська.

Ложки и вилки стучат по тарелкам.

Шепчутся люди.

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА (*поет*).

Ой ішли прайшли,

Да тры янгаль,

Што вялі яны душу,

Душу грэшнаю.

ОЛЬГА БОРИСОВНА (*тихо*). Вот и сорок дней уж...

(Подхватывает за Лидией Федоровной.)

Ой, і што жа ты, душа,
Міма раю прайшла,
А і чым жа ты, душа,
Правінілася?
Ці за скупасцю,
Ці за глупасцю,
Ці душу загубіў,
Ці вянец разрушыў?

*Люська встает из-за стола и выходит на улицу.
На лавке сидят Коля и Сергей.
Она садится между ними, берет Сергея за руку,
голову опускает на плечо Коле.
Песня продолжается.*

Пасярод Раю
Стаіць дрэва.
Стаіць дрэва
Купаросавая.
Як на том на дрэве
Пцічкі райскія.
Галасочки ў іх
Серафімскія.
Галасочки ў іх
Серафімскія.
Пяюць песні яны
Херувімскія.
Ой, у нашым у раю
Жыць весела,
Жыць весела...
Толькі некаму.

Люська на лавочке одна. Она улыбается и плачет, левой рукой держа за руку кого-то невидимого и опустив голову кому-то невидимому на плечо. Как снег, слетает с деревьев яблоневый цвет.

Метель.

Занавес.

Павел Рассолько

КРАСНАЯ ПТИЦА

«...Лапутяне находятся в вечной тревоге и ни одной минуты не наслаждаются душевным спокойствием, причём их тревожнения происходят от причин, которые не производят почти никакого действия на остальных смертных...»

Джонатан Свифт «Путешествия Гулливера».

Действующие лица:

Сергей и Лена, молодая пара.

Миша, шустрый парень.

Паша, музыкант-самоучка.

РД, его знакомый радиодиджей.

Света, свободная и независимая.

Вова, малолетний, поддающийся влияниям.

Водитель такси.

Официантка (в эпизоде... как и таксист, впрочем).

1. ЗНАКОМСТВО

Квартира Сергея.

Компьютер, миди-клавиатура, на столе кружка сока...

Звонок в дверь. Сергей выходит открывать.

Возвращаются вдвоём (Сергей и Паша).

СЕРГЕЙ. Проходи.

ПАША. Ага...

СЕРГЕЙ. Тебе чай, кофе или сок?

ПАША. Чай. Без сахара.

СЕРГЕЙ. Сейчас сделаю. *(Уходит.)*

Паша осматривается.

С интересом изучает миди-клавиатуру.

Разглядывает компьютер и музыкальные диски на полке.

Возвращается Сергей с кружкой чая.

ПАША. Спасибо. *(Берёт чай.)*

СЕРГЕЙ. За знакомство! *(Берёт кружку сока. Чокаются.)*

ПАША. Да... У тебя много эмпэтришек.

СЕРГЕЙ. Это не все. На венике ещё.

ПАША. Так ты ещё и сам музыкант? *(Показывает на миди-клавиатуру.)*

СЕРГЕЙ. Да. Я пишу электронную музыку.

ПАША. А образование есть?

СЕРГЕЙ. Есть.

ПАША. У меня нет... Самоучка.

СЕРГЕЙ. И ты музыкант?

ПАША. Да. Типа того...

СЕРГЕЙ. Прикольно! Вот тебе и случайности... Хотел с кем-

нибудь музлом обмениваться, а тут...

ПАША. У меня синт «Поливокс» 82-го года, в отличном состоянии ещё.

СЕРГЕЙ. А у меня вот миди-клава. А в компе «Фрукты» установлены. Моя любимая прога. А «Поливокс» там «вээстэшкой» забит, кстати... Крутой синт!

ПАША. Я в компах не очень... У меня нет компа.

СЕРГЕЙ. А как ты пишешь музыку?

ПАША. Через усилки на кассетную деку.

СЕРГЕЙ. Прикольно.

ПАША. Ты в объявлении написал, что у тебя «Орбитал» есть...

СЕРГЕЙ. Ты слушаешь их?

ПАША. Да, конечно. У тебя какие альбомы?

СЕРГЕЙ. На венике – все.

ПАША. Вот можно и обменяться для начала. У меня есть фирменный диск «Аутэчер». Слышал?

СЕРГЕЙ. Нет... А может...

ПАША. Да ты что! Офигеть! Против них «Орбитал» – попса! Это супер!

СЕРГЕЙ. Хорошо, послушаю.

ПАША. А ты в каком стиле пишешь музыку?

СЕРГЕЙ. Ну... Это электронная. Я работаю на музыкальном канале. «Твой канал». Знаешь? Так вот, там почти все заставки я написал. Музыка к ним.

ПАША. А поставь что-нибудь из своего. У тебя же есть свои треки, ну... кроме заставок?

СЕРГЕЙ. Есть, конечно же. Сейчас. *(Включает компьютер.)* Я тебе поставлю трек, он очень мне нравится... И друзья сказали, что очень хорошо получилось. Ремикс на «Крафтверк»... Совсем не попса...

ПАША. Интересно. Потом я могу своё поставить... Если хочешь.

СЕРГЕЙ. Конечно...

ПАША. У меня экспериментальная электроника...

СЕРГЕЙ. Сейчас найду... *(Орудует мышкой.)* Вот...

Звучит музыка. Достаточно танцевальная электронная композиция.

ПАША. Это с использованием миди-клавиатуры?

СЕРГЕЙ. Да. Ну что скажешь?

ПАША. Неплохо очень. Танцевальная такая... А как работает клавиатура?

СЕРГЕЙ. Сейчас покажу. *(Орудует мышкой.)*

Музыка резко обрывается.

Она соединена с компом. «Фрукты» работают с миди. Вот... Потом выбираешь нужный инструмент. Ну вот, допустим, скрипки. *(Играет аккорд на миди-клавиатуре.)* Можно выстраивать, можно в «лайве» играть... как хочешь.

ПАША. Можно попробовать?

СЕРГЕЙ. Конечно.

Паша играет какие-то ноты.

ПАША. Круто. А где инструменты выбирать?

СЕРГЕЙ. Можно прямо с клави. Вот этими кнопками. *(Что-то показывает.)* Пробуй.

Паша играет. Получается какофония.

ПАША. Занятно. Много возможностей, конечно...

СЕРГЕЙ. Да. Замещает оркестр. Без шуток... *(Улыбается.)*

ПАША. А ноты обязательно знать?

СЕРГЕЙ. Желательно. Лично я не представляю, как без знания нот можно музыкой серьёзно заниматься.

ПАША. А я не знаю, как ноты можно применить к аналоговому синтезатору...

СЕРГЕЙ. Всё можно. *(Улыбается.)*

ПАША. А что для тебя есть самое странное из музыки вообще?

СЕРГЕЙ. В смысле?

ПАША. Самое навороченное.

СЕРГЕЙ. Из современного?

ПАША. Ну хоть и из современного.

СЕРГЕЙ. Ну... Ты «Мэссив аттак» слышал?

ПАША. Конечно.

СЕРГЕЙ. Супер!

ПАША. Да... Это трип-хоп...

СЕРГЕЙ. Класный трип-хоп!..

ПАША. Нужно тебе «Аутэчер» послушать.

СЕРГЕЙ. А ты своё поставь...

ПАША. Хорошо. Вот диск. *(Достаёт из кармана диск и отдаёт его Сергею.)* Из последнего. Тут смешаны звуки из диктофона, радишумы и «Поливокс» мой любимый...

СЕРГЕЙ. Включаю... *(Орудует мышкой.)* Какой трек?

ПАША. Можно сначала. Да можно любой...

Звучит музыка. Что-то непонятное и странное...

СЕРГЕЙ. Так всё время будет?

ПАША. Нет. Промотай вперёд...

*Сергей проматывает трек. Звучит музыка.
Что-то непонятное и странное... Сергей не знает,
как себя вести. Паша это понимает и показывает жестом,
что можно выключать трек. Музыка затухает.
Короткая пауза. Сергей немного напряжён... потом...
начинает улыбаться, будто он вдруг что-то понял.*

СЕРГЕЙ. А! Я понял! Это шутка!

ПАША. В каком смысле?

СЕРГЕЙ. Но ведь это не музыка. Это же не музыка? Ты пошутил?

ПАША. Нет, вообще-то... Есть такой целый музыкальный пласт... *(Немного озадачен.)* Вы такое не изучали?

СЕРГЕЙ. По-моему, это розыгрыш.

ПАША. Нет... Конкрет-мьюзик, драун, нойз... Целая музыкальная культура экспериментальной музыки. А минимализм?

СЕРГЕЙ. А! Это вроде Луи Гласс?

ПАША. Филип Гласс.

СЕРГЕЙ. То есть да.

ПАША. Гласс. Да. Он в этом направлении самый раскрученный... типа того.

СЕРГЕЙ. Ну... Неожиданно как-то... Я не думал...

ПАША. Ну ясно. Прикольно, конечно...

СЕРГЕЙ. Да уж... *(Возвращает Паше диск.)*

ПАША. Но «Аутэчер» тебе нужно послушать. Это другое совсем.

СЕРГЕЙ. Послушаю. Ты куришь? В смысле «мариванну»?..

ПАША. А... это... нет. Спасибо. Не пробовал.

СЕРГЕЙ. Прикольно. Такая музыка и...

ПАША. Я понимаю. *(Улыбается.)*

СЕРГЕЙ. Понятно. Без проблем. Тебя надо с Мишаней познакомить. У него этого Гласса все альбомы. И вообще такой музыки полно, наверное...

ПАША. Круто... И он курит.

СЕРГЕЙ. Не понял.

ПАША. Я попробовал пошутить.

СЕРГЕЙ. Бывает... *(Улыбается.)*

ПАША. Проехали. *(Улыбается.)*

СЕРГЕЙ. Так ты «Орбитал» будешь брать?

ПАША. Да. А я тебе ещё и Майка Парадинаса подгоню. Тоже крутой чувак. Можем ещё завтра встретиться.

СЕРГЕЙ. Ну да. Послушаю с интересом. Вот эмпэтриха «Орбитала». *(Протягивает Паше диск.)* Первая часть...

2. СВОБОДНАЯ И НЕЗАВИСИМАЯ

Комната Светы. Она лежит на диване перед телевизором. Идёт сериал. Света ест круассаны из цветастого пакета. Звонит её мобильник. Света делает громкость телевизора тише и снимает трубку.

СВЕТА. Алё!.. Здравов... А чё?.. Да. Я занята... Уроков дохера... Ага!.. Вот представь себе!.. Нет... Сказала – нет!.. Давай... Что?.. Миша, это не смешно... Ага... Давай... *(Отрубает мобильник и увеличивает громкость телевизора.)*

3. ЗЕЛЕНый ЧАЙ

Лавочка. Миша, Сергей и Паша. Миша забивает маленькую курительную трубочку травкой из пакетика.

СЕРГЕЙ. Парочку цветочков тоже забей.

МИША. А как же!

ПАША. И сколько этот пакетик стоит?

СЕРГЕЙ. 18 долларов.

ПАША. Вы так открыто всё это делаете...

МИША. Тут нет ни одного нелегального сбора. *(Демонстрирует пакетик.)* Посмотри, как пахнет... *(Подносит пакетик к носу Паши.)*

ПАША. Какими-то фруктиками...

СЕРГЕЙ. Это в Москве продаётся в магазинах.

ПАША. Всё равно, если менты сцапают, то им ты ничего не докажешь...

МИША. Но тут ничего запрещённого нет. Всё дело в концентрации определённых травок...

ПАША. Менты разбираться не станут.

СЕРГЕЙ. Да не напрягайся ты!..

ПАША. Я диск принёс. Мой новый альбом.

СЕРГЕЙ. Хорошо. Давай потом.

МИША. Готово! *(Протягивает трубочку Паши.)* Давай.

Просто кури, как сигарету. Зажига есть?

ПАША. Есть. *(Берёт трубочку.)* Всё выкуривать?

СЕРГЕЙ. Ну... видно будет. Тут на три или четыре затяжки...

ПАША. Понял. *(Прикуривает. Затягивается и старается удержать дым в себе подольше.)*

МИША. Давай ещё...

ПАША. Ещё раз? *(Кашляет.)*

МИША. Давай уже полностью... Вон ещё уголёк дымится. Быстрее...

ПАША. Даю... *(Делает две глубокие затяжки.)* Вроде всё... *(Кашляет.)* Вытрясать пепел?

МИША. Давай мне, я всё сделаю.

*Паша отдаёт трубочку Мише,
тот начинает забивать её снова.*

СЕРГЕЙ. Ну как?

ПАША. Нормально пока. Слегка нёбо сушить начинает.

МИША. Правильно.

ПАША. Серёга, а куда ты Лену отправил?

СЕРГЕЙ. Пусть домой едет.

МИША. Очень хорошая девочка...

ПАША. Да... Смотри, Серёга, не переборщи с ней. Вы же только начали...

СЕРГЕЙ. Я хочу её пока подразнить. Мы с тобой уже месяц знакомы, а с ней только две недели. Мы пока гуляем везде... Я держу её на расстоянии, чтобы потом – ух! – как в кино... *(Улыбается.)*

МИША. Вот идиот... *(Улыбается.)* Как в кино... Пашка, я ему говорю – вот перегорит девочка...

ПАША. Может, и так получится...

МИША. Держи. *(Протягивает забитую трубочку Сергею.)*

Сергей закуривает и глубоко затягивается... Кашляет.

ПАША. Ох ты... Меня начинает так приятно накрывать...

МИША. Уже?

ПАША. Хорошо... Всё тело тяжёлое такое...

Сергей курит и кашляет.

МИША. Серый, ну что?

СЕРГЕЙ. Это то, что надо! Творожок нам тогда говно всучил однозначно... *(Затягивается и возвращает трубочку Мише.)*

МИША. Творожок начал хернёй заниматься. *(Выдувает трубочку и начинает забивать для себя.)* Его кто-нибудь конкретно накажет.

СЕРГЕЙ. Да пошёл этот Творожок! Пусть отработает мне сотку! А потом – хоть трава не расти!..

МИША. Не! Трава пусть растёт... *(Смеётся с Сергеем.)*

ПАША. Накрыло... *(Сидит и смотрит в одну точку.)*

МИША. Как дела, Пашка?

ПАША. Очень накрыло...

СЕРГЕЙ. Хорош чаёк... Он самый.

МИША. Чудненько. *(Закуривает и глубоко затягивается.)*

ПАША. Бля...

СЕРГЕЙ. Что?

ПАША. Конкретно накрыло...

МИША. Расслабься... *(Затягивается и кашляет.)*

СЕРГЕЙ. Нужно с Ленкой покурить...

МИША. Да... Джараш...

СЕРГЕЙ. Джараш Джарашевич... *(Смеётся.)*

МИША. Джарашенко Джараш Джарашевич... *(Смеётся, потом затягивается и выдувает трубочку.)*

ПАША. Мне плохо...

МИША. Не грузись...

СЕРГЕЙ. Нужно пройтись. *(Вид Паши его смущает.)*

Ты как, Паша?

ПАША. Я ничего не вижу...

МИША. Сейчас пройдемся.

СЕРГЕЙ. Это бывает, Паш, не загоняйся только...

ПАША. Пацаны... я в аду...

СЕРГЕЙ. Психоделический ад! *(Пытается шутить.)*

МИША. Всё! Пошли все пройдемся... *(Теперь и он озадачен видом Паши.)*

СЕРГЕЙ. Вставай. *(Хочет помочь Паше подняться.)* На одном месте не сиди...

ПАША. Я не помню... как ходить. Я ничего не вижу... У меня глаза открыты?..

МИША. Пошли... *(Помогает Сергею поднять Павла с лавочки.)*

СЕРГЕЙ. Не загоняйся. Разговаривай с нами.

ПАША. Мне очень плохо... Ничего не вижу. *(Стоит, шатаясь.)*

МИША. Пошли вон туда. *(Указывает в сторону.)* Дойдем до дерева...

ПАША. Мне страшно идти...

СЕРГЕЙ. А давай посмотрим, где мы сейчас стоим!.. *(Достаёт свой мобильник.)*

МИША. Точно!

СЕРГЕЙ. Паш, посмотри... *(Орудует со своим мобильником и потом показывает дисплей Паше.)* Вот седьмой дом...

МИША. Правильно.

ПАША. Семь... *(Смотрит на мобильник Сергея.)*

СЕРГЕЙ. Точно! Так... Сейчас увеличит... подожди... *(Нажимает кнопки на своём мобильнике.)* Смотри, Паш!

Что скажешь?

ПАША. Седьмой дом... угол... «тетрис»...

СЕРГЕЙ. А говоришь – не вижу. *(Смеётся.)*

МИША. А вот мы где стоим... *(Что-то показывает пальцем на дисплее.)*

СЕРГЕЙ. Ну что, пошли все к дереву...

ПАША. Ага...

*Троица медленно продвигается в сторону дерева.
Через несколько метров Паша цепляется за турник.*

СЕРГЕЙ. Привал...

МИША. Очень хорошо.

ПАША. Ничего не видно...

СЕРГЕЙ. Не загоняйся. Разговаривай.

МИША. Ты где работаешь сейчас, Павло?

ПАША. В сетке... *(Собирается с духом.)* Сетка...

СЕРГЕЙ. Так...

МИША. Расскажи про сетку.

ПАША. Сетка за городом... Я заливаю её бетоном... Лопатами. Знакомый хороший... заливает бетоном тоже... Вдвоём работаем лопатами. Бетон за городом. Я и сетка и знакомый. Это хороший парень.

СЕРГЕЙ. Вы работаете вдвоём за городом?

ПАША. Да...

МИША. Как знакомого зовут?

ПАША. Саша... Очень хороший...

МИША. Много сетки? *(Подавляет в себе смех.)*

ПАША. Какой сетки?

СЕРГЕЙ. За городом... *(Подавляет в себе смех.)* Там, где бетон.

ПАША. Я забыл мысль. Она уже не интересная...

МИША. Это нормально.

СЕРГЕЙ. Расскажи интересную мысль.

ПАША. Я вас уже вижу... Вот железо. *(Щупает турник.)*
Это интересно?

СЕРГЕЙ. Это турник.

МИША. Интересно! Ну вот и отлично! Пройдёмся вместе?

ПАША. Нет. Лучше стоя...

СЕРГЕЙ. Постоим...

ПАША. Мы не подозрительны?

СЕРГЕЙ. Нет. Но это называется «стрём».

МИША. Бывает. Со стороны мы просто стоим и разговариваем.

ПАША. Как я выгляжу?

СЕРГЕЙ. Очень даже нормально. И интересно.

ПАША. Много пота...

МИША. Это нормально... Бывает.

ПАША. Мне вытираться? Пота много... Он капает.

СЕРГЕЙ. Как хочешь... Ничего не капает на самом деле.
Ты как, Паш?

ПАША. Ад... течёт из ушей.

МИША. Тебе это кажется...

ПАША. Я умираю... Не вижу.

СЕРГЕЙ. Не загоняй сам себя!..

ПАША. Может «скорую» вызвать?..

МИША. Говори с нами!..

СЕРГЕЙ. Как твой новый компьютер?

ПАША. Хорошо... *(Смотрит на часы.)* Мы тут 15 минут...

МИША. Да.

ПАША. Я думал, что полдня уже прошло... Мы стоим...

подозрительно. Полдня. Это интересно?

СЕРГЕЙ. Только 15 минут прошло, так что всё нормально...

ПАША. Ничего себе... Полдня ада. Я вижу тропинку...

СЕРГЕЙ. Вот!

ПАША. Начинает отпускать... Почему всё так резко и волнами?

МИША. Глубоко дыши и говори с нами.

СЕРГЕЙ. Когда разговариваешь, то начинаешь отвлекаться.

ПАША. А так занимаются сексом? Это интересно?

МИША. Ещё как!

ПАША. Как?

СЕРГЕЙ. Это нирвана...

МИША. Ощущения перевёрнуты. Всё наизнанку и...

СЕРГЕЙ. Новые ощущения...

ПАША. Отпускает... А кто пробовал?

МИША. Все!

ПАША. Я тогда целка... *(Чуть улыбается.)*

СЕРГЕЙ. Да нормально всё. Это поправимо. *(Улыбается.)*

ПАША. Но я не хочу...

МИША. Ты не загоняйся, главное.

СЕРГЕЙ. Начинаешь загоняться – и пошло!..

ПАША. Но вы ведь в порядке...

МИША. Это как кому.

ПАША. И тут я недоделанный...

СЕРГЕЙ. Да всё хорошо... *(Улыбается.)*

МИША. Я трахал одну под чаем...

СЕРГЕЙ. Таньку?

МИША. Какую Таньку?

СЕРГЕЙ. «Синяя сумка»! Ну ты даёшь!

ПАША. Да... *(Чуть улыбается.)*

МИША. А! С «синей сумкой»... с этой дурой я еле полдня

выдержал. То Света!

СЕРГЕЙ. Какая Света?

МИША. Которая тебя заминетила на «Шайбе».

СЕРГЕЙ. А! *(Смеётся.)*

ПАША. Жесткач... Но отпускает.

СЕРГЕЙ. И чё?

ПАША. Под травой...

МИША. Ну трахнул её под травой. Получилось – супер!..

ПАША. Не представляю...

СЕРГЕЙ. Да... Минет она хорошо делает.

МИША. Да и всё остальное...

ПАША. Так какие ощущения?

МИША. Ну... Вот ты, Паш, сейчас что чувствуешь?

ПАША. Что, может, подохну...

МИША. И это ведь реально?

ПАША. Ну... да.

МИША. А там реально наоборот – счастье!..

СЕРГЕЙ. Психоделический оргазм!..

ПАША. Тогда классно... Потеею...

СЕРГЕЙ. Разговаривай... Дай тему.

ПАША. Раки.

МИША. Речные?

ПАША. Водоёмные. Их вырастили...

СЕРГЕЙ. Специально...

ПАША. Да... Их домой папа принёс. Три штуки... Большие и зелёные...

СЕРГЕЙ. Кусаются...

ПАША. ...и красивые. Они очень классные и гра-ци-оз-ны-е...

МИША. Раки всегда классные...

ПАША. На самом деле, да... И я их хотел перекупить

и выпустить в Свислочь...

СЕРГЕЙ. Домой?

ПАША. Да... Их жалко. Они с хвостами... и красивые.

МИША. И что?

ПАША. Их сварили живьём, но я не видел. Это интересно?

СЕРГЕЙ. Жесть... *(Давит в себе смех.)*

МИША. Но это есть жизнь. *(Давит в себе смех.)*

ПАША. Это смерть...

МИША. Ради жизни.

ПАША. Панцирь остался на память...

СЕРГЕЙ. Пиво и раки...

ПАША. Отпускает уже и физически.

СЕРГЕЙ. Нормально.

ПАША. Но как в таком виде сексом заниматься...

МИША. Улёт...

СЕРГЕЙ. Фантастиш!..

ПАША. Сколько я буду потеть...

СЕРГЕЙ. Нормально. Это глюк.

МИША. Света вынесла дома из бара бутылку «Финляндии»...

У меня было на четыре затяжечки с собой... Ох!.. Хорошо было. Главное – без пива!

СЕРГЕЙ. Это точно!..

МИША. Пиво – это суррогат наслаждения!.. Пиво всегда всё ломает. Мы тогда выпили по грамм 50, покурили – оно всё само пошло...

СЕРГЕЙ. Нужно знать, чего ожидать.

ПАША. Наверное... У меня опыта никакого.

СЕРГЕЙ. Нормально... Дыши глубоко.

МИША. Когда я кончил...

ПАША. Сколько мы уже тут?

СЕРГЕЙ. Порядок. Не парься.

МИША. ...так я кончил тогда...

ПАША. Голова тяжёлая.

СЕРГЕЙ. Всё сейчас закончится.

ПАША. Ну скорее бы...

МИША. Где бы ещё лавэ добыть?..

СЕРГЕЙ. Философия...

ПАША. Пиво!..

СЕРГЕЙ. Только не пиво. Никакого пива! Алкоголь – это быдлокайф.

ПАША. Как-то волнами темно...

МИША. Будоражит?

ПАША. Типа того.

СЕРГЕЙ. Нормально...

ПАША. Фух... Начинает о-щу-ти-мо отпускать...

МИША. Дыши глубоко.

ПАША. Пацаны... я хочу, чтобы вы меня поняли...

СЕРГЕЙ. Да без проблем, Паш!.. *(Улыбается.)*

ПАША. Вы очень хорошие...

МИША. Мы всё поняли... *(Улыбается.)*

ПАША. Если со мной так получается... Я должен всё озвучить... Не в обиду.

СЕРГЕЙ. Да перестань! Все всё понимают...

ПАША. Никогда не предлагайте мне больше травы...

МИША. Не вопрос!

ПАША. Не в обиду... Я не умею... так и не надо вообще.

СЕРГЕЙ. Замётано.

МИША. Все всё правильно поняли.

ПАША. Договорились.

Жмут друг другу руки.

СЕРГЕЙ. Может, пройдемся?

ПАША. Сейчас... Подышу ещё... Не кури, Серёга, это с Ленкой...

МИША. Лена очень хорошая девочка.

ПАША. И не перегни только палку...

СЕРГЕЙ. Не перегну.

ПАША. Отпускает конкретно.

МИША. А куда оно денется! А ты хотел «скорую»!.. От этого не умирают.

СЕРГЕЙ. Это точно!..

ПАША. Ага. *(Улыбается.)* Быстро стало отпускать. Пойдем...

Отклеивается от турника и медленно начинает идти.

МИША. Вот и молодец.

СЕРГЕЙ. Отлично!

Троица медленно, но уже увереннее передвигается.

ПАША. А может, что-нибудь есть, что выветрит это ещё быстрее?

МИША. Вот мы за этим и идём...

ПАША. Что это?

СЕРГЕЙ. Сюрприз.

МИША. «Спрайт»...

ПАША. Так просто?

МИША. А то!

СЕРГЕЙ. Всё в жизни просто!..

ПАША. А идти даже прикольнее, чем стоять!.. *(Улыбается.)*
Ну пошли за «спрайтом»... пока он ещё есть.

Смеясь уходят.

4. ХВОСТ

У подъезда сидят Миша и подросток Вова.

ОВОА. Можно мне с вами?

МИША. Малой, и чё ты будешь делать?

ОВОА. Просто смотреть.

МИША. Чё ты будешь смотреть?

ОВОА. Да... Я просто хочу пойти с вами.

МИША. Куда?

ОВОА. Куда вы – туда и я.

МИША. Иди... Делай что хочешь... *(Достаёт сигарету и закуривает.)*

ОВОА. А у меня «Кент». *(Протягивает свои сигареты Мише.)*
Хочешь?

МИША. Потом...

ОВОА. А куда пойдём? *(Прячет сигареты.)*

МИША. А некуда идти...

ОВОА. Будем тут сидеть?

МИША. А чё?

ОВОА. Ничего...

МИША. Посижу пока...

ОВОА. А где Серый?

МИША. Не знаю. Дома, может...

ОВОА. Ясно.

МИША. Малой, тебе в натуре делать нехер?

ОВОА. Ну да.

МИША. Да уж...

ОВОА. А ты чё куришь?

МИША. Сигарету.

ОВОА. Ты на меня обижаешься?

МИША. Да нет...

ОВОА. Напрягаю, наверное?

МИША. Ты напрягаешь только своими базарами про напряги...

ОВОА. Ну ясно... Я понял.

Короткая пауза.

МИША. Мать на работе?

ОВОА. Моя?

МИША. Нет, бля!.. Моя! Конечно, твоя!

ОВОА. Да. Придёт в семь. А что?

МИША. Да ничего... *(Выкидывает окуроч.)*

ОВОА. У меня дома никого...

МИША. И чё?

ОВОА. Можно ко мне пойти.

МИША. И чё?

ОВОА. А чего тут сидеть?

МИША. Может, так надо!..

ОВОА. Как?

Короткая пауза.

МИША. Лёлик дома?

ОВОА. Наверное.

МИША. А сеструха его дома?

ОВОА. Светка?

МИША. Ну да! Кто ж ещё?..

ОВОА. Дома, наверное.

МИША. Ясно.

ОВОА. Она тебе зачем?

МИША. А тебе чего? Просто так!..

ОВОА. Ты с ней ходишь?

МИША. С чего ты взял?

ОВОА. Ну так... заметно.

МИША. Чё заметно?

ОВОА. Да ничего...

МИША. Достали... Дал в рот разок! Вот и все прогулки.

ОВОА. Серьёзно?

МИША. А что тут такого?

ОВОА. Здорово!..

МИША. А ты что, в рот бы ей не надавал? *(Улыбается.)*

ОВОА. Не знаю...

МИША. А давал кому вообще?

ОВОА. Нет...

МИША. Целка, значит?

ОВОА. Успею ещё.

МИША. Полковник, хуле! Главное не опоздать. Ладно, малой, шучу...

ОВОА. Курить будешь? *(Достаёт свои сигареты.)*

МИША. Я ж курил только что.

ОВОА. Ну ладно. *(Прячет сигареты.)*

Короткая пауза.

МИША. Слышь, малой, у тебя монеты есть?

ОВОА. Нет.

МИША. Херово...

ОВОА. А что?

МИША. Ну так можно было бы сходить куда...

Овоа задумывается.

ОВОА. У матери есть золотая цепочка. Она её не носит...
Только на совет директоров. Я знаю, где она лежит.

МИША. Да?.. А что! Дело толкуешь, малый!

ОВОА. Мне её вынести?

МИША. Выноси, конечно! В любом ларьке на вокзале сольём...
Или цыганам...

ОВОА. Ну я тогда быстро! *(Радостный убегает в подъезд.)*

*Миша достаёт мобильник. Набирает номер. Ждёт...
Никто не берёт трубку.*

МИША. Ну шаболда... *(Улыбаясь прячет мобильник.)*

5. ВСЁ ДЛЯ ТЕБЯ

*Сергей и Лена заходят в рестораник. Садятся за столик.
Начинают изучать меню. Тихо играет песня
«Я на тебе никогда не женюсь» Укупника.*

СЕРГЕЙ. Будем вино или водку с соком?

ЛЕНА. Я буду красное вино. (*Смотрит в меню.*) Вот есть грузинское...

СЕРГЕЙ. Я тогда себе водочки с апельсиновым соком намешаю.

ЛЕНА. Картофель фри...

СЕРГЕЙ. Предлагаю фаршированные грудки.

ЛЕНА. Дорого...

СЕРГЕЙ. Нормально. Фаршированные грудки... Аппетитно как звучит. (*Улыбается.*) Надеюсь, они такие же аппетитные, как и твои...

ЛЕНА. Фу... (*Кокетливо.*) Ты ж не пробовал...

СЕРГЕЙ. Проехали пока... Мороженое будешь?

ЛЕНА. С киви.

СЕРГЕЙ. Чай?

ЛЕНА. Апельсиновый сок.

СЕРГЕЙ. Ну, короче, понятно.

ЛЕНА. А где...

Подходит официантка.

ОФИЦИАНТКА. Здравствуйте. Выбрали?

СЕРГЕЙ. Да. Здравствуйте... 200 простой водки, литр апельсинового сока... Два раза фаршированные грудки под сливовым соусом, два раза фри...

ЛЕНА. Я картошку не буду. Салат «Нежный»...

СЕРГЕЙ. Понял... Вместо одной картошки – салат... Ну, хлеб, конечно... Два мороженых с киви и ассорти с шоколадом.

ОФИЦИАНТКА. Двести водки, сок, две грудки, фри, салат и ассорти...

СЕРГЕЙ. И 200... нет, 250 красного грузинского вина!..
(Улыбается.)

ОФИЦИАНТКА. Что ещё?

СЕРГЕЙ. Пока всё.

Официантка уходит.

ЛЕНА. А тут классный интерьер... (Оглядывается.)

СЕРГЕЙ. Я тут ни разу не был.

ЛЕНА. Прикольно картины подобраны...

СЕРГЕЙ. Вот куплю холст... Они вообще продаются?

ЛЕНА. Не знаю...

СЕРГЕЙ. Придумаю что-нибудь... Краски куплю масляные и тебя нарисую. (Улыбается.) Ну, правильно говорить – напишу...

ЛЕНА. А ты умеешь? (Улыбается.)

СЕРГЕЙ. Фу... (Кокетливо.) Ну что это? Разве этому учат?.. Это должно быть вот здесь. (Стучит себя по груди.)

ЛЕНА. А что там ещё сидит?

СЕРГЕЙ. О! Да много чего...

ЛЕНА. Да ты просто мастер какой-то...

СЕРГЕЙ. Да нет, просто гений...

ЛЕНА. Как же мне не повезло...

СЕРГЕЙ. Чего так?

ЛЕНА. С гениями очень трудно...

СЕРГЕЙ. Кто сказал? Откуда такая информация? *(Кривляется на манер Сталина.)* Почему мне не доложили? *(Выходит из образа.)* Враньё! Очень даже здорово! *(Улыбается.)*

ЛЕНА. Посмотрим...

СЕРГЕЙ. Это интересно, как говорит мой хороший знакомый...

Короткая пауза.

СЕРГЕЙ. Ты можешь домой позвонить, мол, сегодня ночевать не придёшь.

ЛЕНА. В каком смысле?

СЕРГЕЙ. В прямом.

ЛЕНА. А где я ночевать буду?

СЕРГЕЙ. Сейчас... *(Достает бумажку из кармана и вслух зачитывает.)* Улица Машинистов, 20, квартира 2. *(Прячет бумажку.)*

ЛЕНА. Кто там живёт?

СЕРГЕЙ. Я квартиру снял. *(Улыбается.)* На сутки...

ЛЕНА. Серьёзно?

СЕРГЕЙ. Да. А что?

ЛЕНА. Шустренько... *(Улыбается.)*

СЕРГЕЙ. Телевизор смотреть будем... Всю ночь.

ЛЕНА. Вот оно как...

СЕРГЕЙ. Так что, позвонишь?

ЛЕНА. Я не знаю.

СЕРГЕЙ. *(Кривляет Сталина.)* А какие проблемы, товарищ Поскрёбышев? Прикольно, конечно... Стараешься, как угодить соратнику в наше тяжёлое, смутное время.

ЛЕНА. Ты что, обиделся?

СЕРГЕЙ. Нет... *(Вышел из образа.)*

ЛЕНА. Я...

*Приходит официантка и выставляет на столик водку,
вино, салат и сок.*

СЕРГЕЙ. Ну что, за всё хорошее?

ЛЕНА. Давай...

Сергей разливает вино и водку.

СЕРГЕЙ. За нас!

ЛЕНА. За нас.

Чокаются, выпивают.

СЕРГЕЙ. Надо сигарет ещё купить...

ЛЕНА. Я позвоню.

СЕРГЕЙ. Точно?

ЛЕНА. Да.

СЕРГЕЙ. Моя ты девочка... *(Наклоняется к Лене и целует её в лоб.)*

ЛЕНА. Что ты, как покойника...

СЕРГЕЙ. Да ладно... *(Целует в губы.)*

Лена достаёт свой мобильник и набирает номер. Никто не снимает трубку. Сергей снова разливает спиртное.

ЛЕНА. Не гони так... *(Прикрывает ладонью динамик.)*

СЕРГЕЙ. Да нормально...

ЛЕНА. Никто не берёт. *(Прячет мобильник.)* Потом ещё раз наберу.

СЕРГЕЙ. Квартирка – супер! Фотку показать?

ЛЕНА. Давай.

Сергей достаёт газету и отдаёт Лене.

СЕРГЕЙ. Смотри. Третья сверху...

ЛЕНА. Тут только кровать сфотографирована.

СЕРГЕЙ. Такая вот традиция. *(Улыбается.)*

ЛЕНА. Понятно. *(Возвращает газету Сергею, тот её прячет.)*

СЕРГЕЙ. Ну что? *(Поднимает свою рюмку.)* За традиции?

ЛЕНА. Не гони... *(Улыбаясь, поднимает свой бокал.)*

Чокаются, выпивают...

Официантка приносит остальной заказ.

СЕРГЕЙ. Приятное тут обслуживание...

ЛЕНА. Ну да...

Кушают.

6. ПОДАРОК СУДЬБЫ

Миша сидит у подъезда. Появляется Вова.

МИША. Ну что?

ОВОА. Нормально.

МИША. Давай сюда. Только тихо... Слушай, малы, ты всё правильно делаешь, на самом деле.

*Вова аккуратно и незаметно передаёт цепочку Мише.
Тот не глядя прячет её в карман.*

ОВОА. Это что?

МИША. Ну что-что. Правильно расшарил позицию. Держись меня, тогда далеко пойдёшь. Я тебя потом со временем введу в кадку, прощупаешь всю мазу, шарить будешь. Короче – правая рука.

ОВОА. Честно?

МИША. Да не ссы, малы. Со мной не пропадёшь – но горя тяпнешь. *(Улыбается.)*

ОВОА. Так я иду? *(Повеселел.)*

МИША. Законно! Пошли...

Уходят.

7. ПРЯМОЙ ЭФИР

В студии радиостанции находятся Паша и радиодиджей (РД). Два микрофона. Звучит музыкальная заставка программы «Электролит».

РД *(в свой микрофон)*. Доброй ночи! Сейчас ровно полночь и я, Андрей Калач, приветствую вас на частоте 81 и 4 эфэм! А это значит, настал час для очередного эфира программы «Электролит»! Следующий час мы будем слушать электронную музыку и общаться с нашим гостем в студии. Этого молодого человека зовут Павел, но известен под творческим псевдонимом Организм!.. *(Подает знак Паше.)*

ПАША (*в свой микрофон*). Добрый вечер.

РД. Некоторые знакомы с творчеством проекта Организм. Были выступления в клубах города и онлайн-эфир на некоторых интернет-радиостанциях. А сейчас и на волне 81 и 4 мы поближе познакомимся с загадочными электронными пассажирами этого музыканта! Мы послушаем трек... (*Подает знак Паше.*)

ПАША. «Астронавты»...

РД. Трек «Астронавты» открывает наш ночной эфир. Слушаем. Организм. «Астронавты».

Звучит электронная музыка. Радиодиджей откидывается в кресле. Паша также расслабляется...

ПАША (*шепчет*). Пассажиры... Микрофоны отключены сейчас?

РД. Во время трека – да. Сколько он по времени?

ПАША. Четыре с копейками...

РД. Отлично. Пиво взял?

ПАША. Да. (*Достает две бутылки.*)

Паша и радиодиджей открывают пиво. Каждый своё.

РД. Ну что, с почином? (*Поднимает свою бутылку.*)

ПАША. Будем! (*Поднимает свою.*)

Чокаются и пьют пиво.

РД. Классная тема играет...

ПАША. Старался, подбирал... Юзаю теперь свой свеженький комп... Тут курить можно?

РД. Нежелательно. Длиннее тема будет?

ПАША. Да. Там будет ещё... Больше семи минут так точно.

РД. Вот тогда и сбегает на перекур.

ПАША. Прикольно тут. Сколько платят?

РД. Что? За программу?

ПАША. Ну да.

РД. Это лично моя инициатива. Полный альтруизм. Ещё хорошо, что её вообще не закрыли...

ПАША. А кому она мешает?

РД. Ну типа там... рейтинг слабенький.

ПАША. Так время ведь позднее... и раз в неделю.

РД. Ай... Не хочу об этом. Я «Электролит» с такими боями пробивал и теперь отстаиваю...

ПАША. Бред какой-то... Кому это может мешать?

РД. Ай... Классный трек. Что за проги?

ПАША. «Реактор», «Ризон»... Сводил в «Аудишине»...

РД. Я на «Форже» свожу.

ПАША. А есть разница?

РД. На слух человеческий не ощутима.

ПАША. Ну мне интерфейс удобнее в «Аудишине».

РД. Слушай, можешь долгануть пару копеек до четверга?

ПАША. Ну, наверное. Не много...

РД. Бля, в четверг моя получает, а до четверга ещё дожить надо.

ПАША (*роется в кармане*). У меня вот есть...

РД. Без обид...

ПАША. Да нет проблем. Ну вот. (*Дает деньги.*) Сколько нашёл.

РД. Это не напряг для тебя?

ПАША. Да ты что! Ты бы позвонил раньше... предупредил.

РД. Да ладно, неудобно как-то.

ПАША. Да нормально. Чё тут такого?

РД. Спасибо. В четверг стрельнёмся – отдам. О! Так, заканчивается трек...

ПАША. Ага.

РД. Приготовься.

ПАША. Ага...

Оба отставляют пиво.

8. НАЧАЛО ЕСТЬ

Привокзальная площадь.

На бордюрном камне сидит Вова в ожидании Миши. Мимо идут прохожие. Появляется Миша с двумя бутылками пива и садится рядом с Вовой. Открывает зажигалкой пиво и передаёт мальчику одну бутылку. Потом Миша делает большой глоток и достаёт свой мобильник.

ОВОА. Ну как?

Миша жестом показывает Вове, чтоб тот заткнулся.

МИША. Алё! (Говорит по мобильнику.) Привет!.. Ну, что делаешь?.. Занята?.. Во как... Бля... И никуда не выползешь?.. Да ты что!.. Уроки, конечно, святое... Давай!.. Да не парь мне мозги... Лавэ есть!.. Ну как хошь... Дал бы... Да ничего!.. Учись!.. А мне смешно... Давай!.. (Прячет мобильник.) Шаболда... (Улыбается.)

ОВОА. Нормально с цепочкой получилось?

МИША. А чё, не видно? *(Поднимает пиво.)* Ну что? За козырный день! Давай, малой...

Парни чокаются и пьют пиво. Потом Вова достаёт свои сигареты. Оба закуривают.

ОВОА. И что дальше?

МИША. А дальше, брат – яйца мешают!..

ОВОА. Не смешно.

МИША. Это точно... Вот такие расклады, малой. Втыкай потиху: понял, куда нужно золото сливать?

ОВОА. В ларёк?

МИША. В ларёк – это на крайняк. Лучше цыганам, и ценник у них лучше. А если в ларёк – то всё равно нужно на стрёме быть. Можно и в ломбард, конечно, но это нереально и гемора много.

ОВОА. А если в ларьке не берут?

МИША. Значит, херово предлагаешь.

ОВОА. А как надо?

МИША. Малый, ну не всё сразу. А то чайник закипит от обилия информации.

ОВОА. Не закипит.

МИША. Полковник, хуле! *(Присматривается к проезжающему троллейбусу.)* Бля! Палево! Малы, пиво спрячь своё, мухой!

ОВОА. Что?

МИША. Да давай, бля, быстрее!

ОВОА. Кто там? *(Прячет своё пиво за спину.)*

МИША. Твой кореш Лёлик! Кто...

ОВОА. Он не мой кореш.

МИША. И правильно, потому что он сука и стукач.

ОВОА. Почему?

МИША. Это жизнь, малы, понял?

ОВОА. ...

МИША. Всё, шухер миновал. Можно расслабляться.

ОВОА. Думаешь, Лёлик расскажет маме про пиво? *(Достаёт своё пиво.)*

МИША. При чём тут пиво!

ОВОА. Так а что?

МИША. Проехали...

ОВОА. На «трубу» пойдём?

МИША. Скорее всего. Надо только взять вина и чая...

ОВОА. Травки?

МИША. Ага... Травки. Сечёшь фишак.

ОВОА. А мне можно попробовать?

МИША. Не...

ОВОА. Чего?

МИША. Маловат ещё...

ОВОА. Ну типа! Можно попробовать?..

МИША. Да не ной ты!..

ОВОА. Я ж цепочку принёс...

МИША. Её, кстати, долго никто не заметит?

ОВОА. Не знаю. Но мама редко её берёт. Это ещё от бабушки осталось... А что?

МИША. Крутая цепь!..

ОВОА. Мама расстроится...

МИША. Чё ты ссышь, малы! Мама... Ну так не надо было такую тянуть!.. Чё, попроче не нашлось?

ОВОА. Только эта...

МИША. Ладно. Не тушуйся... Одну затяжку заслужил, имхо...

ОВОА. А две, имхо?

МИША. Полковник, нос в говне!.. Шучу. *(Улыбается.)* Не ссы. Пошли, малой... Разберёмся.

Оба выкидывают окурки и пустые бутылки. Уходят.

9. КРАСИВЫЕ

Ресторанчик. Сергей и Лена кушают. Тихо играет песня «Дорогой длинною» в исполнении Шуфутинского.

ЛЕНА. А ты уже квартиру оплатил?

СЕРГЕЙ. Да. А ты что, хочешь соскочить? *(Улыбается.)*

ЛЕНА. Просто спрашиваю. *(Улыбается.)* А если бы я не смогла на самом деле?

СЕРГЕЙ. Ну ничего... Смотрел бы телевизор один.

ЛЕНА. Ты понимаешь, что мы намеренно идём трахаться?

СЕРГЕЙ. Что? *(Наигранно поперхнулся едой.)* Да как ты подумала такое!

ЛЕНА. Да ладно уже...

СЕРГЕЙ. А что? Мы уже вон сколько ходим и всё за ручки держимся, как пионеры.

ЛЕНА. Две недели с хвостиком!

СЕРГЕЙ. Мало?

ЛЕНА. Конечно!..

СЕРГЕЙ. Я так не думаю. *(Жуёт.)* И вообще – причём тут какое-то время? Неделя... месяц... день... Что поменяется?

ЛЕНА. Ай... *(Жует.)*

СЕРГЕЙ. Ну что не так? Дай правую руку... ладонь.

ЛЕНА (*протягивает руку*). И что?

СЕРГЕЙ. Сожми кулак. Смотри: видишь, тут у тебя одна полоска... складочка.

ЛЕНА. Ну, вижу.

СЕРГЕЙ. Это значит, один ребёнок у тебя будет.

ЛЕНА. Да ты что...

СЕРГЕЙ. Вот смотри у меня. (*Показывает свой кулак.*)
Видишь?

ЛЕНА. Одна полоска.

СЕРГЕЙ. У нас всё сходится. Будет один ребёнок.

ЛЕНА. Дурачок...

СЕРГЕЙ. Я, вообще-то, не прикалываюсь.

ЛЕНА. Наливай...

СЕРГЕЙ. Ага...

Сергей разливает спиртное.

ЛЕНА. Давай за нас! (*Поднимает свой бокал.*)

СЕРГЕЙ. За нас красивых! (*Поднимает свою рюмку.*)

Чокаются... Выпивают... Целуются... Кушают.

ЛЕНА. Классное вино...

СЕРГЕЙ. И почему сразу «трахаться»? Лично я хочу с любимым человеком в спокойной обстановке телек посмотреть. (*Улыбается.*)

ЛЕНА. Ну конечно...

СЕРГЕЙ. Я пробил фишак... Там кабельное. «Дискавери» погоняем... «Мозголомы»!..

ЛЕНА. Что это? Придумал?

СЕРГЕЙ. Не я... Передача на «Дискавери». Или есть ещё – «Как это сделано».

ЛЕНА. Это про что?

СЕРГЕЙ. Про всё. «Дискавери» вообще с детства люблю. Папа когда-то давно из Лиссабона кассету привёз. «Дискавери» записано было. Без перевода, конечно. В школе ни у кого такой не было... Да и видаков тогда тоже практически ни у кого не было... Да. А сейчас идёт «Искавление времени». Там показывают всякую херь на очень медленной скорости.

ЛЕНА. Ладно, не пудри мне мозги.

СЕРГЕЙ. Ну тогда звони. Или ты не хочешь идти? Только честно.

ЛЕНА. Хочу!

Сергей разливает спиртное.

СЕРГЕЙ. Я даже за это выпью и день этот запомню... *(Доволен.)*

ЛЕНА. Только одно на уме...

СЕРГЕЙ. Нет! Только два!

ЛЕНА. И что второе?

СЕРГЕЙ. Вера в человечество!.. *(Поднимает свою рюмку.)*

ЛЕНА. Это святое, конечно!.. *(Поднимает свой бокал.)*

Чокаются... Выпивают... Целуются... Кушают.

СЕРГЕЙ. Отлично сидим, Ленка...

ЛЕНА. А на квартиру можно когда ехать?

СЕРГЕЙ. Не терпится?

ЛЕНА. Перестань... А то уйду.

СЕРГЕЙ. Я шучу... Через... *(Смотрит на часы.)* четыре часа

квартира полностью в нашем распоряжении. Сказали, что её надо пока подготовить...

ЛЕНА. То есть?

СЕРГЕЙ. Ну, не знаю... Прибраться... *(Звонит его мобильник.)*

Лена кушает мороженое.

ЛЕНА. Вкуснятинка...

СЕРГЕЙ. Да! *(Говорит по мобильнику.)* Здравов, корень!.. Ага!.. Мы тут с Ленкой оттягиваемся, а что?.. Да?.. Серьёзно?.. Зашибись... Конечно... Очень пригодится!.. Ща я всё тут разрулю... Жди... Давай через час... ну, может, минут сорок... Давай! *(Прячет мобильник.)*

ЛЕНА. Миша звонил?

СЕРГЕЙ. Да. Круто поворачиваются события. Нам сегодня везёт! *(Улыбается.)* Походу у нас и чай будет. Звони домой, Ленчик... Утрясай вопрос с ночлежкой.

ЛЕНА. Зачем чай?

СЕРГЕЙ. Звони предкам!

Лена достаёт свой мобильник.

10. ЛАЖА

Студия. Прямой эфир. Паша и радиодиджей (РД).

РД. Это были «Астронавты». По-моему, отличный трек! Павел, скажи, как родилась идея композиции?

ПАША. Космическая тема меня всегда интересовала. С раннего детства я слушал Жан-Мишеля Жарра. Можно сказать, что именно он и есть мой основной музыкальный вдохновитель. В треке «Астронавты» использовались реальные переговоры космонавтов НАСА. Вот...

РД. Замечательно! Я сейчас смотрю на монитор в студии... У нас есть возможность получать интерактивные вопросы для гостя. Вот один. Он от Спрея... Такой ник у человека. Спрей интересуется. (*Читает с монитора.*) Как сочиняются песни, особенно такие? Такой вопрос от нашего слушателя Спрея. Мы уже эту тематику начали обсуждать... И тем не менее! Павел, что значит сочинять электронную музыку?

ПАША. Ух ты...

РД. Глубоко дыши, Паша.

ПАША. Сложный вопрос. Я не думаю, что найдётся музыкант, который смог бы ответить на этот вопрос. Я не знаю! Я не помню, как сочиняется музыка. Так будет точнее... И это никак не связано с какими-либо стимуляторами. Ничего подобного я не употребляю и другим не советую...

РД. Да. Только хотел само об этом спросить. Есть такой стереотип, что электронная музыка пишется... да и воспринимается не без помощи всяких сомнительных средств. Я рад, что это не тот случай! Отлично! (*Смотрит на монитор.*) Би-Кул спрашивает – сколько времени уходит на одну композицию?

ПАША. По-разному, конечно. От одного и до четырёх-пяти дней. Но иногда треку нужно отлежаться. А это может быть и неделя, и месяц... а может, и год. Кстати, следующий трек, как раз из таких.

РД. Это интересно. Подробнее.

ПАША. Он был сделан год назад, примерно. И только совсем

недавно, с появлением компьютера, я довёл его до ума.

РД. Как называется трек?

ПАША. Называется он «Эмбинат». Вроде как эмбиент, а вроде и нет.

РД. Очень хорошо! В эфире программы «Электролит» на волне 81 и 4 эфэм звучит очередной опус проекта Организм. Слушаем. «Эмбинат»...

Звучит электронная музыка.

Оба расслабляются и продолжают пить пиво.

ПАША. Прямой эфир... Я первую минуту колотился, конечно...

РД. Это нормально... *(Отрывается.)*

ПАША. А оказывается, всё так просто...

РД. А ты знаешь, сколько в этом здании всяких теле- и радиокompаний?

ПАША. Ну так! Стратегический объект... *(Отрывается.)*

А как домой поедем, кстати?

РД. А тебе куда?

ПАША. На «Спортивную».

РД. Нормально тогда. Я Кирилла попрошу, он сегодня на дежурке. Мне на Малиновку, так что проедем через твою «Спортивную».

ПАША. Отлично.

РД. Пиво ещё есть?

ПАША. Ещё две бутылки. Я пунктуальный. Сказано – сделано.

РД. Хорошо, пусть пока лежат. Какая там тема, говоришь, для перекура?

ПАША. Четвёртая на диске.

РД. Так. Ща мы её покатим. (*Орудует за пультом.*) Короче, сейчас ещё парочка вопросов, потом врубаем четвёртую, берём пиво — и на перекур.

ПАША. Понятно.

РД. Тоже тема классная. Слушай, а ты у нас где-нибудь пробовал выпустить диск?

ПАША. Очень смешно. Кому тут это надо?.. Колхоз...

РД. Ну, у меня есть друзья по этой теме.

ПАША. И как это возможно?

РД. Я знаю, что это не так дорого и обойдётся. Многие выпустили своё музло на носителях.

ПАША. Не знаю. Я не думал.

РД. Всё реально. Могу даже подсказать, где можно сделать обложку в специальном формате.

ПАША. То есть?

РД. Обложка должна быть в специальном формате для полиграфии. «Корелом» умеешь пользоваться?

ПАША. А не! Я помню заинсталлировал – как открыл – да ну на! Чёрт ногу сломит! Я и удалил.

РД. Ну а я знаю дизайнера. Могу подсказать телефон.

ПАША. Я пока туго соображаю.

РД. Да я не гоню. Просто имей в виду.

ПАША. Окей...

РД. Так... Приготовься... Заканчивается...

Музыка стихает.

ПАША. Ага... (*Шепотом.*)

РД. Отлично! Это всё ещё Организм ласкает наши уши на волне 81 и 4 эфэм. Вы слушаете программу «Электролит»! И

я смотрю, что вопросы так и посыпались для нашего ночного гостя в студии. Но и у меня есть один... Ты не против, Паша?

ПАША. Конечно.

РД. Я знаком с твоим творчеством, и в прозвучавших треках мне снова чувствуется некая печаль, но это красиво и очень душевно. Почему твоя музыка идёт под таким, скажем так, настроением?

ПАША. Это состояние моей души. Мой внутренний мир... И я, конечно, разговариваю о себе через музыку.

РД. Так это о себе?

ПАША. Конечно. А о ком же ещё? Мне кажется, что все творческие люди всегда рассказывают о себе...

РД. Отлично! Вот такая концепция творчества проекта Организм! Так... *(Смотрит на монитор.)* Вот вопрос от Миссис Смит... Какие люди нас слушают!.. Вопрос: кто или что является вашей музой? Девушка есть? – спрашивает Миссис Смит.

ПАША. У меня пока нет девушки. Но я не спешу с этим... Муза... Меня вдохновляет хорошее кино...

РД. Вакансия свободна, Миссис Смит. Отлично! Что, Павел, сейчас будем слушать?

ПАША. Один из моих самых свежих треков. Он сложный по восприятию, но, мне кажется, достойный внимания...

РД. Великолепно! Слушаем проект молодого и перспективного электронщика на волне 81 и 4 эфэм. Как называется трек?

ПАША. «Рэд Бёрд»... *(Далее издаёт смачную пивную отрыжку в прямой эфир.)*

Радиодиджей реагирует и запускает музыку в эфир, но в спешке что-то путает и начинает звучать песня «Подождём» Игорька. Оба в шоке откидываются в креслах.

РД. Всё! Пинцет...

ПАША. Извини... Я не хотел. *(Встает с места и начинает ходить по студии.)*

РД. Какая лажа!

ПАША. И что сейчас будет?

РД. Если это всё Борисенко сейчас слушает, то буде попа...

ПАША. Лажа.

РД. И это ещё, бля, Игорёк добил совсем.

ПАША. Бля...

РД. Ну не конец света – но хорошего мало. И так программа на волоске.

ПАША. Извини, Андрей... Не могу. Я пойду... *(Собирается уходить.)*

РД. Зашибись...

ПАША. Извини... Я пойду. Разберись без меня, у тебя опыт. Я не могу. Стыдно... Пойду. В четверг не увидимся. И не надо мне ничего отдавать... Извини...

РД. Да без проблем! *(Злится; начинает выводить песню Игорька из эфира.)* Шикарно... 81 и 4 эфэм... Теперь мы ближе к народу...

Паша уходит.

11. ТРУБА

Миша и Вова в переходе.

ОВОА. Кого ждём?

МИША. Понча сейчас подрулит... Может... Серёге надо набрать. *(Достаёт свой мобильник.)*

ОВОА. Понча — это из «тридцатьдевятки»?..

МИША. Эгей! *(Говорит по мобильнику.)* Здравов!.. Торчишь?.. Есть маза!.. Лавэ карман оттягивает... Давай на «трубу» пулей... Прискачешь?.. Чая нахватаем... Тебя ждать?.. Сколько?.. *(Смотрит на часы.)* Гуд... Давай! *(Прячет мобильник.)*

ОВОА. Серёга подъедет?

МИША. Да. Со своей лялькой. Так... у нас полчаса... Пашке надо позвонить, у него вчера ночью эфир был. А Серёжка, походу, хату снял... Ну Ленка – берегись!.. *(Улыбается.)* Хотя мне она нравится. Лучшее, что у него было...

ОВОА. Какую хату?

МИША. А он всегда в экстренных случаях хаты снимает на сутки... чтоб без последствий потом... Может и номер на мобиле сменить. Бывало и так... Ты, полковник, просекай тему.

ОВОА. Ты про что?

МИША. Ай... Подрастёшь – поймёшь. Пашке позвоним.

ОВОА. А это кто?

МИША. Реальный пацан. Правда, с чаем не дружит... Но пивка попить может.

ОВОА. А что за эфир?

МИША. На радио он был...

ОВОА. Он тоже музыкант?

МИША. Типа того... *(Достаёт мобильник.)* Теперь и жук, и жаба музыканты... Надо под мост двигать. Понча там обычно деловые стрелки набивает. И мы ему набьем... Пошли, Вован, потом ещё вернуться успеем, если что...

Уходят.

12. СВЕТ В КОНЦЕ ТУННЕЛЯ

Паша дома в своей комнате. Из музыкального центра проигрывается запись позорного ночного эфира.

РД *(голос из динамиков)*. Вакансия свободна, Миссис Смит. Отлично! Что, Павел, сейчас будем слушать?

ПАША *(голос)*. Один из моих самых свежих треков. Он сложный по восприятию, но, мне кажется, достойный внимания...

РД *(голос)*. Великолепно! Слушаем проект молодого и перспективного электронщика на волне 81 и 4 эфэм. Как называется трек?

ПАША *(голос)*. «Рэд Бёрд»... *(Далее звучит сочная пивная отрыжка.)*

ПАША. Супер... *(Выключает звук.)* Перспективный молодой электронщик... Какой колхоз...

Звонит мобильник Паши.

ПАША. Слушаю! *(По телефону.)* Привет, Мишка... Нормально...

Да ничего... Ага... Ну... Дома... Нормально... Ай... А ты не слушал?.. Да так... Дама, да... Ничего... Нет, спасибо, Мишка... Не то настроение... Не по телефону... Потом... В смысле травы? Нет... Да нормально... В нете буду сидеть... Да... Слушай, а дай мне телефон Светки, а? Ну ты рассказывал про неё... Или у тебя с ней тёрки? Ну... Не вопрос!.. Да!.. *(Повеселел.)* Ага... Я ща... *(Метнулся за ручкой и бумажкой.)* Пишу... Так... Семь... Ага... Восемьдесят... Понял... Отлично!.. Буду должен!.. Пока... Зажигайте... Давай! *(Прячет мобильник.)* Вау!!! *(Напевая «Подождём твою маму... подождём твою мать...», начинает метаться по комнате и старается привести её в порядок.)* Нет!.. *(Останавливается.)* Куй железо... Сначала позвонить...

Паша берёт мобильник и клочок бумаги с номером Светы.

13. ТЫ НЕ АНГЕЛ

*Ресторан. Сергей и Лена. Тихо играет
«Розовый фламинго» Алёны Свиридовой.*

ЛЕНА. Ну, вроде всё нормально... *(Прячет свой мобильник.)*

СЕРГЕЙ. Отпустили к подруге? *(Улыбается.)*

ЛЕНА. Прокатило...

СЕРГЕЙ. Ну и зашибись... *(Разливает спиртное.)* Надо за это выпить... За нас! *(Поднимает свою рюмку.)*

Лена поднимает свой бокал.

ЛЕНА. Мне уже так хорошо...

Чокаются... Выпивают... Целуются... Кушают.

СЕРГЕЙ. И мне хорошо... Не то слово!.. Ты пыхнешь?

ЛЕНА. Точно не буду...

СЕРГЕЙ. Что, не пробовала?

ЛЕНА. И пробовать не собираюсь...

СЕРГЕЙ. А знаешь, как телек потом прикольно смотреть?
(Улыбается.)

ЛЕНА. Сказала – не буду.

СЕРГЕЙ. Я понял. Но это не так уж и страшно, как кажется...

ЛЕНА. Не грузи...

СЕРГЕЙ. Да я не грузу. Я понял...

ЛЕНА. Не пробовала – и не буду. И ты подумай... Мне торчки не нужны.

СЕРГЕЙ. Ого! *(Улыбается.)* Это серьёзная заявка на победителя. Если это так – тогда не вопрос! Всё! Последний раз... просто сегодня такой день... И я, кажется, тебя люблю...

Короткая пауза.

ЛЕНА. Кажется?

СЕРГЕЙ. Практически уверен...

ЛЕНА. Чем докажешь?

СЕРГЕЙ. А ты меня?.. Я тебе хоть нравлюсь?..

ЛЕНА. Неприлично так вот спрашивать... *(Улыбается.)*

СЕРГЕЙ. Так вопрос ведь нехитрый...

ЛЕНА. Ещё не знаю. Любовь – это когда ты постоянно о ком-то думаешь... Переживаешь... Радуюсь и чувствуешь какую-то душевную близость с этим человеком. Это когда ты знаешь, что чувствует сейчас любимый человек, даже если он далеко находится...

СЕРГЕЙ. Это что за фильм?..

ЛЕНА. Дурак...

СЕРГЕЙ. Да шучу я!.. Всё... Беру свои слова обратно.

ЛЕНА. Какие?

СЕРГЕЙ. Про фильм... А то, что я тебя люблю – железно!

ЛЕНА. Шикарно...

СЕРГЕЙ. Есть план.

ЛЕНА. Что ещё Миша насвистел?..

СЕРГЕЙ. Вон стоит «мотор». *(Указывает через окно на припаркованное такси.)* «Опель», видишь?

ЛЕНА. Я не разбираюсь в машинах...

СЕРГЕЙ. Не важно. Сейчас спокойно выходи и садись на переднее сиденье...

ЛЕНА. И зачем?

СЕРГЕЙ. Доверяй мне. Как же без этого мы дальше жить будем? Просто меня подожди... Водиле скажи, что я сейчас выйду и мы поедem к центру. Хорошо?

ЛЕНА. А расплатиться?

СЕРГЕЙ. Ну так а как же! Ну что, договорились?

ЛЕНА. Ты дурочку из меня не делай...

СЕРГЕЙ. Да не парься ты. Я тебе в машине всё расскажу. Просто надо уже спешить... Дело появилось... Всего лишь. Доверяй.

ЛЕНА. Хорошо... *(Встаёт, забирает свою сумочку и выходит из рестораника.)*

СЕРГЕЙ. Одну минутку... (*Обращается к проходящей мимо официантке.*) Будьте добры, счёт и зажигалку ещё.

Официантка кивает и уходит.

Видно, как Лена садится на переднее сиденье такси. Сергей непринуждённо ковыряет ложечкой своё мороженое... Потом спокойно встает и выходит на улицу. Видно, как он садится на заднее сиденье такси. Машина уезжает.

В ресторанчике тихо играет песня Глызина «Ты не ангел».

14. БОЛЬШАЯ КРАСНАЯ ПТИЦА

*Под мостом... Где-то вверху проносятся машины.
Миша и Вова сидят на автомобильной покрывке.
Миша глубоко затягивается из трубочки. Кашляет...*

ОВОА. Ты обещал...

МИША. Малой... (*Кашляет.*) Погодь... Ты пока втыкай мазу. Секи: стреляться по чаю лучше всего тут. Вот типа под мостом или на свалке какой-нибудь. Менты сюда не суются, потому что вонища и говнища кругом. Понял, полковник?

ОВОА. Чё, жалко?

МИША. Да на! (*Отдаёт трубочку Вове.*) Только одну затяжку! (*Кашляет.*) Химия, блядь, какая-то...

Вова глубоко затягивается. Кашляет...

ОВОА. Я же правильно делаю?

МИША. Далеко пойдёшь...

ОВОА. Я ещё раз... *(Глубоко затягивается и потом кашляет...)*

МИША. Пиво зря было...

ОВОА. Я ещё последний разок...

МИША. Куда тебя прёт! *(Выхватывает трубочку и затягивается сам.)*

ОВОА. Ну Миш...

МИША. Хватит на первый раз... *(Кашляет.)* Ёбаная химия...

ОВОА. Не первый!..

МИША. Ну ты гонишь! *(Смеётся.)* На! *(Выдувает и даёт пустую трубочку Ове.)* Съел?

ОВОА. Это ты гонишь! *(Отдаёт пустую трубочку.)*

МИША. Не рамси, малыш.

*Пауза. Миша покашливает,
а Ова как-то становится не совсем адекватен...*

ОВОА. Чёт в голове...

МИША. Понял, крендель, тебе вот ваще только понюхать!

Школота...

ОВОА. Как шариковая ручка...

МИША. Шариковая ручка... *(Смеётся.)*

ОВОА. Ручка Шарика...

МИША. Ебать! Полковник, хуле! *(Хохочет.)* По теме компания...

ОВОА. Ручка Шарика... *(Смотрит в одну точку.)* Гав... гав... гав...

МИША. Шарик пишет книги!.. *(Хохочет.)* Своей ручкой!.. Гав! Гав! Гав! Это типа «у Лукоморья пень спилили!» *(Заходится от смеха.)*

ОВОА. Красная ручка...

МИША. Мегаультраскорость!!!! Вау! (*Хохочет.*) Химия, блядь!
(*Катается по земле и хохочет.*) Сук-к-к-а!

ОВОА. Большая красная птица... Красная птица... Большая красная птица...

Короткая пауза.

МИША. Что? (*Успокаивается.*) Малы, ты как?

ОВОА. Ты её знаешь?

МИША. Кого?..

ОВОА. Она...

МИША. Ты её видишь?.. Ты, блядь, видишь эту красную птицу?!

ОВОА. Она смотрит...

МИША. Во бля!.. Малой, да ты чё?!

ОВОА. Большая красная птица видит любого... (*Смотрит на небо.*) Она ведёт по дорожке...

МИША. Малой! (*Трясёт Овоу за плечи.*) Глубоко дыши!.. Сука!

ОВОА. И видит... Если кто-то не видит её, то она клюёт глаза... и все умирают...

МИША. Бля! Вовец! Дыши глубоко!.. (*Бьет Овоу по щекам.*)

Вы, блядь, что, сговорились все, что ли?!

ОВОА. Но я её вижу... А ты?..

МИША. Вставай! Пойдём! (*Поднимает Овоу.*) Хватит сидеть...

Дыши глубоко!.. Ёбаная химия! Сука!

15. МОСТ

*Сергей (на заднем сидении)
и Лена (на переднем) едут в такси.*

СЕРГЕЙ. Какой день сегодня! *(Улыбается.)* Супер!

ЛЕНА. Ты долго будешь своё перетирать?

СЕРГЕЙ. На «трубе»? Ну не долго... *(Наклоняется вперёд к Лене.)* Надо с Мишаней кое-что разрулить... *(Целует в ухо Лену.)*

ЛЕНА. У него есть девушка?

СЕРГЕЙ. Есть... Штук пять! *(Смеётся.)* А что?

ЛЕНА. Ничего. Ты давно с ним дружишь?

СЕРГЕЙ. С детства. А что тебе до него?

ЛЕНА. Мне он не очень нравится...

СЕРГЕЙ. Не понял... И что мне делать? Выбирать? А это из какого фильма?

ЛЕНА. Перестань... Мысли вслух.

СЕРГЕЙ. Не напрягай меня. Он мой лучший друг.

ЛЕНА. Что, я и мнение своё не могу сказать?

СЕРГЕЙ. Не надо трогать моих друзей! Я же не лезу в твою жизнь...

Короткая пауза.

ЛЕНА. Извини...

*Водитель включает автомагнитолу.
Тихо играет песня «Город» дуэта «Чай Вдвоём».*

СЕРГЕЙ. Ты не знаешь, что мы с ним прошли... Он мне как брат родной. Даже круче...

ЛЕНА. Ну извини... *(Поворачивается к Сергею.)*

СЕРГЕЙ. Проехали...

ЛЕНА. Он просто...

СЕРГЕЙ. Всё. Не будем портить такой день... Тут ещё такие песни играют... Только масло в огонь...

Таксист делает звук чуть громче.

ЛЕНА. Поцелуй меня...

Сергей наклоняется к Лене. Целуются...

СЕРГЕЙ. Это кто был? *(Резко отрывается.)* Вован, что ли, несётся? *(Смотрит через заднее стекло.)* Шапка красная... Точно! Где-то значит Мишка рядом...

ЛЕНА. Что ещё за Вован?

СЕРГЕЙ. Хвост... Остановите тут! *(Обращается к водителю.)* Если возможно...

ВОДИТЕЛЬ. Тут нельзя. Знак висит, и движение плотное... За светофором остановлю. Мост проедем только... Там остановка как раз.

СЕРГЕЙ. Хорошо... *(Откидывается.)*

16. ЛЕТИ

*Вова бежит по пешеходной зоне моста.
За ним (изрядно отстав) бежит Миша и что-то кричит
вслед, но его заглушают пронсящиеся мимо автомобили...*

ОВОА. Лети!!! (Кричит кому-то в небе.) Улетай!!! Красная птица!!! Я вижу тебя!!!

*Вова резко бросается на противоположную
сторону моста, увлекаемый кем-то в небе... Визг тормозов...
Удар... Пронзительные сигналы... Лязг... Ещё удар... Визг...
Удар... Сигналы...*

17. ВСЁ БУДЕТ ОФИГЕННО

*Комната Светы. Она лежит на диване.
Из включённого телевизора доносится реклама...
Звонит мобильник.*

СВЕТА. Алё! Да... А кто это?.. Какой Павел?.. Нет... Я занята... Не надо мне звонить... Какая музыка?!. Идите вы все в жопу! (Откидывает мобильник.)

*Света переключает пультом канал. По телевизору звучит
песня «Всё будет офигенно» известного шоумена Павла Воли.
Света делает громкость больше, встаёт и начинает
подтанцовывать в такт музыке.*

СВЕТА. Красавчик! (*Танцует... изредка целуя экран телевизора.*)

Из телевизора. – «...Машины, квартиры, бухло, магазины
Красивые тёлки по два метра в холке
Благотворительность, судьбовершительность
Законы выживания
Не для нашего понимания
Устрицы, запонки, флакончики с модными запахами,
Свитерок со стразами, ремни с бляхами,
Фото в журналах, интервью на каналах,
И разноцветными пазлами: «Да ну на...»
А ты идёшь гусём, а тебе все рады,
У тебя есть всё, тебе ничего не надо
Хочу так беру, хочу — дрочу
Короче делаю всё что я сам захочу,
Согласитесь супер, отлично ребята
Когда ты очень богатый
Очень богатый
Когда ты очень богатый
Всё будет офигенно
Когда ты очень богатый
Всё будет офигенно
Когда ты очень богатый
Всё будет офигенно
Неприменно всё будет офигенно
Впереди большие переменны
Я смотрел в интернете — всё будет офигенно...»

Январь 2010 – Октябрь 2011

ИТ

Действующие лица:

Ит
Ши

СЦЕНА 1.

Полное затемнение.

ИТ. Сука, привет. Сука, ты меня слышишь? Ты где? Я пришёл. Ты что, не рада, что ли? *(Не двигается, некоторое время молчит, вслушиваясь в темноту.)* Где ты, тупая тварь? *(Пинает какие-то вещи.)* Не смешно. Выходи, на хуй. СУКАААА!!!

ШИ *(голос из темноты, сверху со шкафа)*. Добрый вечер, дерьмо. Ты пришёл, ой, извини, пришло. А на хера ты пришло?

ИТ *(подбегает к шкафу, за ногу стягивает с него Ши и наотмашь бьёт по лицу)*. Что, блядь, смешно? Шутим, на хуй...

ШИ. Какое, на хер, шутим... Лампочку вкрути хоть одну, ублюдок. Меня задрала уже темнота эта.

*Ит достаёт из заднего кармана джинсов зажигалку,
ставит пламя на максимум,
практически вплотную подносит к лицу Ши.*

ИТ (*шёпотом*). Что, света мало?

ШИ (*задувает пламя*). Какое же ты чмо. Посмотри на себя, ты — животное, галимое животное.

ИТ. Я животное? Я не животное, я — Прометей. Я принёс тебе огня. Для домашнего, блядь, очага. (*Чиркает зажигалкой в двух сантиметрах от лица Ши.*) Тебе же было мало, блядь, света. А теперь у тебя есть и свет, и тепло. Что тебе ещё нужно для твоего вонючего счастья? Скажи Прометею спасибо. (*Крепко держит Ши за подбородок.*) Давай, скажи, скажи.

ШИ. Иди на хуй, тварь.

ИТ (*бьёт Ши кулаком по лицу*). Говори: спасибо, Прометей.

ШИ. Прометей? Про-ме-тей? (*Смеётся.*) Посмотри на себя, Прометей! У тебя такие же сиськи, как у меня. Если не больше. Как тебя, Прометей, зовут на самом деле? Юля, Валя, Наташа? Кто ты? Или что ты? А может быть Людмила? Галимая Людочка или Танюша?

ИТ (*достаёт из кармана нож*). Заткнись, сука, а то прирежу!

ШИ. Кристина, Настя, Оля, Катя?

ИТ. Забейся!!!

ШИ. А, нет, извини, стопудово кто-нибудь из этой пиздатой тройцы: Вера-Надежда-Любовь. Скорее всего даже Любовь. Любочка. Любка. Любаша. Короче, буду называть тебя Любаша, ок? Лю-ба-ша.

ИТ (*одним прыжком подсакивает к Ши и приставляет нож к горлу*). Зарежу на хуй!!!

ШИ. Не режь.

ИТ. Что?

ШИ. Не режь.

СЦЕНА 2

*Посреди сцены стоит ванна, наполненная водой.
В ней сидят Ши и Ит друг напротив друга.
По краям ванны свечи. Другого освещения нет.*

ИТ. Видишь, у меня щетина. Я бреюсь как минимум раз в неделю. И член у меня уже нормального размера...

ШИ. Вот это — член? Это не член, это хуйня в прямом смысле слова, вот что это.

ИТ (*хватает Ши за горло и изо всех сил сжимает его*). Я тебя убью, тупая сука. Ещё слово, и тебе хана.

ШИ. Да ладно, не ссы, рассказывай, раз начал.

ИТ. Что рассказывать?

ШИ. О себе. Я тут уже третью неделю «гощу». Может, пора уже как-то и познакомиться, а, урод? Я знаю, что ты хрен разберёшь, какого пола, живёшь во всех отношениях в полном дерьме, плотно сидишь на героине и время от времени вкалываешь себе в задницу какую-то маслянистую херню, а также ты конченный псих и моральный урод, с чем тебя и поздравляю, ура!

ИТ. Ок. Пинг-понг. Ты тупая малолетка, которая ищет на свою жопу приключений. Твои родители-алкаши вытурили тебя на хер из дома, школу ты бросила, тебе некуда идти, а главное, тебе всё ПО-ХЕ-РУ. Именно поэтому ты не сваливаешь из

этой дыры. И именно поэтому я тебя рано или поздно убью. ШИ. Знаешь, где ты проебался? Насчёт родителей. Я, кстати, из интеллигентной семьи. Да-да, не ржи. По крайней мере, это вбивалось мне в башку ежедневно, сколько я себя помню. Видимо, по этой причине мне запрещается говорить «блин», «дофига» и «жопа». У моей мамули высшее образование, у сестры тоже, а у папули — целых два. А ещё у них куча бабок, которые они прячут от меня по всем углам. У мамули навязчивая идея, что я хочу их украсть.

ИТ. А ты, конечно же, не хочешь.

ШИ. По крайней мере, все эти углы я знаю. Когда мне понадобится, я спизжу сразу всё. А пока мне похуй.

ИТ. И почему же ты выпорхнула из этого милого гнездышка?

ШИ. Из-за крысы.

ИТ. Что?

ШИ. Короче, была у меня крыса-альбинос. Техас звали. Белый с красными глазами. Мать эту мерзость за километр обходила. Жил Техас в аквариуме на кухне, но часто выпрыгивал из него и бегал по всей квартире. Ну и вот как-то, значит, сплю я, а тут папуля вламывается, хватает меня за шманты и об шкаф. «Вставай, – орёт, – скотина, и марш на кухню!». А я спросонья не понимаю ни хера, захожу на кухню, бок, которым ударились, болит страшно, и вижу: шкафчик кухонный отодвинут, мать сидит на полу, плачет, потом ко мне поворачивается. «Посмотри, – говорит, – что твоя тварь сделала». Я ближе подхожу, смотрю, а за шкафчиком на полу ровнёнькая горочка изгрызенной бумаги лежит. Две тысячи баксов. В труху. Тогда я спрашиваю: «А где крыса?» — а потом начинаю дико ржать. Не знаю, что на меня тогда нашло. Минут пять не могла успокоиться. А мать молча берёт шнур от утюга и как начала

меня хуярить. В общем, крысы у меня больше не было. И дома тоже. Мать сказала: «Пошла вон», — я и пошла.

ИТ. Пиздец какой-то. Не могу понять, то ли ты ебанутая, то ли семейка твоя.

ШИ. Зато ты вот охуенно нормальный, сразу видно.

ИТ. Понормальнее, чем ты. По крайней мере, я не сваливаю из дома из-за всякой херни.

ШИ. Так тебе же незачем сваливать. И не от кого.

ИТ. А ты?

ШИ. Ты от меня не можешь свалить. Ты в этой жопе живёшь, это я тут так, «проездом». Видишь, даже в этой дерьмовой ситуации я в более выгодном положении, чем ты.

ИТ. Ага, вот так вот взяла и свалила. Дверь я запираю, а окна забиты. Будешь здесь торчать, пока не сдохнешь. Дом частный, соседи тебя хрен услышат, если вдруг орать начнёшь.

ШИ. Ой, бля, напугал. Тебя нет целыми днями. Я табуретку возьму, окно расхерачу и свалю. Ты даже не узнаешь, куда.

ИТ. Если ты умная такая, то чё до сих пор не свалила?

ШИ. Значит, не хочу.

ИТ. Наверное, нравится тебе здесь очень.

ШИ. А может, и нравится. По крайней мере, здесь нет этих говённых ковров на стенах, говённых диванов, на которые можно садиться только после того, как накроешь их покрывалом, говённого паркета, по которому разрешают ходить только босиком, а главное, нет этих говённых ваз из богемского, блядь, стекла. Ты боишься даже подойти к столу, на котором стоит эта ебучая ваза, боишься, что случайно зацепишь её, потому что если она разобьётся, тебе пиздец. Эта ваза – твой самый большой страх. Если выбирать между ней и смертью всех родственников, ты, не колеблясь, выберешь второе. И ведь

в итоге разбиваешь абсолютно случайно, вскакиваешь с дивана, чтобы выключить на кухне газ под чайником, спотыкаешься о ножку стола, ваза опрокидывается и катится, катится, катится, катится к краю стола, а потом хуяк, и ты — труп. Лицо больше ничего не выражает. Молча собираешь осколки, они режут пальцы, но тебе всё равно. Потом подходишь к окну, открываешь его, смотришь вниз, возвращаешься в комнату, берёшь скрепку, подходишь к розетке, кладёшь скрепку обратно, идёшь в ванную, достаёшь из коробочки папино лезвие, долго смотришь на себя в зеркало... потом... звонок в дверь. Это мама или папа. Кладёшь лезвие в коробочку и идёшь открывать. Затем садишься на диван напротив столика, на котором стояла ваза, и ждёшь. Мамапапа заходит в комнату, начинает задавать тебе какие-то вопросы и при этом ничего не замечает. Они не замечают минимум дня три, что этой дорожкой вазы, которой они тебя доканывали столько лет, этого редчайшего богемского стекла или чешского хрусталя, больше нет. И вот, через три дня, когда ты уже совершенно забыл про эту вазу, мамапапа вдруг случайно замечает, что её нет. Начинается истерика, но тебе на неё насрать. Ты больше им не веришь. Молча подходишь к секции, достаёшь один за другим шесть хрустальных бокалов и поочерёдно кидаешь их в стену. Мамапапа больше не плачет. Мамапапа в ахуе. Может быть, до мамыпапы что-то дошло...

ИТ. О, кажется, я знаю, что подарить тебе на день рождения.

ШИ. Да пошёл ты. Я просто хочу сказать, что лучше вот так, как ты, чем как они.

ИТ. А как я?

ШИ. Да в полном дерьме. Кто ты?

ИТ. Я? В смысле?

ШИ. В прямом. Я не догоняю, кто ты.

ИТ. Ну хорошо, но ты всё равно не поймёшь. Я FtM.

ШИ. Что?

ИТ. FtM. Female to Male по-английски. То есть раньше биологически я был бабой. Но это только биологически.

ШИ. Я не знаю, что ты там такое с собой сделал, но ты и сейчас не особо-то мужик.

ИТ. Я тебе сказал заткнуться. Что ты вообще об этом знаешь? Думаешь, охуенно так жить, да?

ШИ. Ай-ай-ай, бедный-несчастный. Оставался бы девкой и не ебал бы мозг ни себе, ни мне.

ИТ (*хватает Ши за шею и начинает топить в воде*). Сука, убью, тварь. Ты что вообще говоришь? Я тебе сейчас ебало заткну. Порассуждать, блядь, захотелось. Давай, рассуждай, на хуй. Что? Что ты говоришь? А? Не слышу.

СЦЕНА 3

Всё как в сцене 2, только в ванне нет воды.

Ши лежит в ней без сознания, слегка свесившись с края.

Ит сидит напротив и пристально смотрит на Ши.

ШИ (*приходя в сознание*). Урод, ты чуть не угробил меня.

ИТ. И что?

ШИ. Да нет, ни хера, тварь.

ИТ. Зачем?

ШИ. Что зачем?

ИТ. Зачем ты начала тот разговор?

ШИ. Мне холодно.

ИТ. Отвечай.

ШИ. Мне холодно.

ИТ. Отвечай, я сказал!

ШИ. Хотя бы воду включи.

Ит включает холодную воду, которая понемногу заполняет ванну. У Ши начинают стучать зубы, но она продолжает сидеть в ванне и в упор смотрит на Ит. Ит сидит как ни в чём не бывало и смотрит на Ши.

ИТ. Ну что, так теплее?

СЦЕНА 4

Небольшая комната, в которой из мебели только тахта и шкаф. Повсюду свечи. На тахте лежит Ши, до пояса прикрытая простынёй. Рядом сидит Ит и медленно водит ножом ей по спине.

ИТ. И тогда я пошёл на Красную, 2...

ШИ. Ты чего делаешь?

ИТ. Рассказываю тебе...

ШИ. Я не об этом.

ИТ. А-а... массаж тебе делаю и рассказываю о...

ШИ. Мне не интересно.

ИТ. Зато мне интересно. Так вот, пошёл я на Красную, 2 в сексологический центр.

ШИ. На хера?

ИТ. Только там могут разрешить операцию по смене пола. Я подписал кучу бумаг, полгода проходил кучу тестов,

как подопытный кролик, сдал все мыслимые и немыслимые анализы. Потом меня направили в «Новинки» на обследование. Там – всё по новой: тесты, анализы, психологи, психиатр, врачи, врачи, врачи, врачи – и так целый месяц. Но потом настал день, которого я ждал всю жизнь: межведомственная комиссия. В неё входят пять человек: главный психиатр, главный сексопатолог, главный военный психиатр и по одному представителю от министерств юстиции и образования. Эти пять человек и определяют твою дальнейшую судьбу. *(Сильно надавливает остриём ножа на спину Ши, потом отпускает.)*

ШИ. Я всё могу понять, каким боком тут Минюст?

ИТ. Если комиссия признаёт тебя транссексуалом, то именно дядька из Минюста выписывает тебе разрешение на смену паспорта и остальных документов. И даже выдаёт военный билет. Но это «если».

ШИ. Ну и как прошло?

ИТ. Я зашёл в кабинет. Все уже были там. Я почувствовал на себе их взгляд... и сразу понял, каким будет ответ. Несколько минут все молчали, а я не решался поднять глаза. Затем они начали просматривать результаты тестов и анализов и о чём-то совещаться между собой. Я четко осознавал, что эти люди не в состоянии ничего понять. Потом начались вопросы. Много, много, мучительно много вопросов. Я отвечал на них, не поднимая глаз, пока не услышал: «Ну чего тебе в жизни не хватает, ты же девушка. Даже очень симпатичная, если волосы отрастить». *(Снова сильно давит ножом в спину Ши.)* У меня зазвенело в ушах, я поднял взгляд и посмотрел на него в упор.

ШИ. Военный психиатр?

ИТ. А?

ШИ. Это был военный психиатр?

ИТ. Да, сложно догадаться, правда? Он смотрел на меня с прищуром и ухмылкой, как будто говорил: «Иди сюда. Я тебе докажу. Я могу трахнуть тебя прямо на этом столе, тебе понравится, и ты навсегда забудешь все эти глупости».
(Молчит.)

ШИ. И чего?

ИТ. Я молча встал. Я ничего и никого не видел, кроме этого ублюдка. Он продолжал смотреть на меня, но уже без ухмылки и с некоторым беспокойством. Через секунду я накинулся на него и стал ебошить всем, что попадало под руку. Я хуячил и хуячил его по этой тупой плешивой башке. *(В иступлении бьёт ножом по тахте в нескольких сантиметрах от Ши. Затем оставляет нож торчащим в матрасе.)*

ШИ. Ни хера себе... Ну ты и псих! И чё, пришел его?

ИТ. Если бы! Меня оттащили, а потом, после суда, закинули в дурку ещё на три месяца, но уже как психопата.

ШИ. А что с мужиком-то с этим?

ИТ. Да ничё, сотрясение мозга и несколько швов на лбу. Крепкий оказался, ублюдок.

ШИ. А с тобой что?

ИТ. Отказали, естественно. Кто ж психопату даст добро на такую операцию, да ещё после всего этого? Целый год... целый год мучений... всё в жопу... всё...

ШИ. Слушай, а тебя в «Новинках» что, пичкали херней какой-то? Чего у тебя голос мужской и щетина прёт? Или это у тебя с детства так?

ИТ. Ага, блядь, с детства... с четырёх лет.

ШИ. Бля, ну ты же понял меня...

ИТ. Нет, это я сам себя лепил. После больницы.

ШИ. В каком смысле «лепил»?

ИТ. После больницы я решил, что у меня есть только один шанс сменить пол. Нужно где-то доставать гормоны и колоть их себе. Потому что когда сидишь на них полгода и более, в организме происходят необратимые процессы, яичники начинают отмирать. Их обязательно нужно удалить, иначе может развиваться рак. Я подумал, что у этих сук не будет выбора, и они сделают мне операцию.

ШИ. А где их можно взять?

ИТ. Кого?

ШИ. Ну, гормоны.

ИТ (*улыбаясь*). А тебе зачем?

ШИ. Так, для общего развития.

ИТ. Только?

ШИ. Ой, вот только не надо этих, блядь, полуулыбочек. Меня, в отличие от тебя, бабы и так любят. (*Смотрит на Ит.*) И полубабы, по ходу, тоже.

ИТ. Опять начинаешь?

ШИ. Ладно, извини. Рассказывай.

ИТ. У меня был знакомый врач в Боровлянах. Сначала он сам продавал мне сустанон. Этот препарат назначают бабам при раке груди или яичников. Потом ему чё-то стало стремно, и он начал просто выводить меня на родственников безнадежных больных. Правда, они почему-то продавали его гораздо дороже, чем врач, но мне было пофигу. Только вот через некоторое время всё это перестало меня устраивать.

ШИ. Почему?

ИТ. Это было нерегулярно. Понимаешь, нужен один кубик сустанона раз в три недели, и ни в коем случае нельзя сбивать график. А за этими, блядь, родственниками больных иногда надо было ходить месяц и уламывать продать мне препарат.

Поэтому я переключился на спортсменов. Так было гораздо проще. Или, может, мне везло просто. Так или иначе, я всегда без проблем покупал у них сустанон и покупаю до сих пор.

ШИ. До сих пор? И сколько ты на нём уже сидишь?

ИТ. Почти два года. Эта, как ты выразилась, маслянистая херня и есть сустанон. Благодаря ему у меня нормальный мужской голос и телосложение, щетина и самое главное – у меня больше нет этих ебучих месячных, из-за которых мне хотелось повеситься.

ШИ. Да, в этом я тебе даже завидую чуть-чуть. Меня они тоже заебали уже. А сколько тебе осталось?

ИТ. Что осталось?

ШИ. Гормоны принимать.

ИТ (*после паузы*). Ты чё, дура?

ШИ. Сам долбоёб. Так сколько?

ИТ. Пока не сдохну.

ШИ. Еб...

ИТ. Это на всю жизнь, понимаешь. Назад дороги нет. Сустанон поддерживает организм в тонусе. Если я перестану его принимать, я умру.

ШИ. А когда операция?

ИТ (*после паузы*). Никогда.

ШИ. Что, передумал?

ИТ. Да, блядь, передумал. Шёл к этому всю жизнь, лежал в «Новинках», сел на гормоны, несмотря на риск заболевания раком, посидел и передумал.

ШИ. А что тогда?

ИТ. Отказали. Снова. Суки! Суки!!! (*Хватает Ши за плечи и начинает трясти.*) Не-на-ви-жу!!!

ШИ. Как отказали? Ты же говорил, что стопроцентно должны были...

ИТ. Как-как? А вот так. Потому что я наркоман. Первый же анализ показал... Они меня сразу на хуй послали.

ШИ. А когда первый раз ходил, не был наркоманом?

ИТ. Нет. Я на иглу сел после этой ебучей межведомственной комиссии и Новинок. Знаешь, как мне, блядь, тяжело тогда было?

ШИ. А сейчас полегчало?

ИТ (*после паузы*). Невозможно, живя на Ангарской, да ещё после всего этого, не стать наркоманом.

ШИ. Не стать всегда возможно. Ты слабак просто. У меня вон полшколы наркоманов и треть подъезда. И ничего, как видишь.

ИТ. Во-первых, не сравнивай ситуации, во-вторых – ещё не вечер.

ШИ. Ты что имеешь в виду?

ИТ. Станешь ещё. Для чего я тебя здесь держу?

ШИ. Ты держишь? Посмотри на себя. Я уйду, когда захочу. А на иглу никогда в жизни не сяду. Не хер больше делать.

ИТ. Посмотрим.

ШИ. Блядь, мудака, ты же сам всё похерил. Столько всего наделал и в последний момент... Чмо. Ты же сдохнешь скоро. У тебя уже рак? Сколько тебе осталось?

ИТ. Не знаю. Что, жалко меня?

ШИ. Тебя? Да мне противно просто! Мечту похерить! Чмо, слабак, тварь!

ИТ. Всё равно я тебя на иглу подсажу. Не отвертишься...

ШИ (*подносит палец к губам*). Тссс. Молчи. Мне больше не интересно.

ИТ. Что?

ШИ. Ты.

СЦЕНА 5

Полное затемнение. Слышен скрип ключа в замке и звук открывающейся входной двери. Затем голос Ит.

ИТ (*нараспев*). Факин бёздэй ту ю, факин бёздэй ту ю, факин бёздэй, дия сука, факин бёздэй ту ю.

Зажигает свечи в комнате. Ши сидит на полу спиной к Ит.

ШИ. Какая осведомлённость.

ИТ. Спроси меня.

Ши молчит.

ИТ. Спроси меня.

Молчит.

ИТ. Я сказал, спроси меня, откуда я знаю.

ШИ. Мне похуй.

ИТ. Сука, не беси меня, не порти праздник. Я, может быть, готовился.

ШИ. Так же, как к операции?

ИТ. Сегодня я не буду тебя пиздить. Сегодня твой день. У меня даже есть для тебя подарок, представляешь? Угадай какой.

ШИ. Мне похуй.

ИТ. Я сказал, угадывай.

ШИ. Я сказала, мне похуй.

ИТ. Угадывай, сука. Не заставляй меня бить тебя в такой день.

ШИ. Что, даже в этом не можешь сдержаться, тряпка?

ИТ. Тебе никто никогда не дарил такого подарка. Я уверен, тебе понравится. Угадывай.

ШИ (*орёт*). Отвали от меня, debil. Задрал уже. Я сказала, что мне похуй. Я не хочу ни хера отгадывать.

Ши начинает трясти.

ИТ (*подходит к Ши и обнимает её*). Солнышко, успокойся. Я же хотел как лучше. Ну, не хочешь, не отгадывай. Но я просто уверен, что тебе понравится. Тебе не может не понравиться. Смотри, какая красота.

Ит достаёт из кармана медицинский резиновый жгут, на который прикреплён большой красный бант. Не снимая банта, крепко завязывает жгут на руке Ши. Затем достаёт шприц.

ИТ. Тебе идёт.

Ши молча встаёт и подходит к окну.

ШИ. Я тебе сейчас скажу одну вещь, только ты не обижайся на меня, ладно? (*После паузы.*) Ненавижу красные банты.

Ши берёт табуретку и разбивает ей окно, затем выходит через него на улицу. Разворачивается и, улыбаясь, смотрит на Ит, который неподвижно стоит по другую сторону окна, завороженно глядя на огромный красный бант на руке Ши.

Занавес

Юлия Шевчук

ЖИВОТНОЕ

(вербатим)

Действующие лица:

Сережа, алкоголик с очень грубым голосом, большим опытом и богатым лексиконом. Ему лет чуть за тридцать. Говорят, что «он такой же, как она».

Она, по имени Сережа ее ни разу не называл. Всегда в косынке, грязно-розовых сланцах и с непроходяще-опухшим лицом. Выпрашивает «полторы тысячи на проезд» у ближайшего магазина. Ей не больше тридцати.

Соседка, женщина лет 60-ти.

Я часто открываю щиток и слушаю жизнь, к которой страшно прикоснуться. Из щитка воняет «пиздецом». Это очень специфический запах, похожий на запах в тюрьмах: сладковато-приторная вонь, вызывающая одно желание — выплюнуть наружу внутренности.

Запись первая
ХЛЕБ

Утро.

СЕРЕЖА. Где хлеб, животное? Где хлеб?!!

ОНА. Сейчас...

СЕРЕЖА. Да быстрее давай! Блядь! Подъем!

ОНА. Я сейчас найду хлеб, подожди.

СЕРЕЖА. Быстрее!

ОНА. Сейчас будет быстрее, Сережа

СЕРЕЖА. Подъем! Я считаю до трех: раз...

ОНА. Только не бей, пожалуйста! Подойди, пожалуйста, когда я найду хлеб.

СЕРЕЖА. Подымайся! Быстрее, подъем! Давай, подъем! Раз!

ОНА. Отойди, пожалуйста, я сейчас найду хлеб и тебе принесу.

СЕРЕЖА. Подъем! Блядь, подъем, сука! Я сказал, блядь, хлеб быстрее мне! Бегом!

ОНА. Сейчас найду, подожди.

СЕРЕЖА. Я считаю до трех. Раз...

ОНА. Сейчас я найду хлеб...

СЕРЕЖА. Два, еб твою...

ОНА. Сейчас найду, отойди, пожалуйста!

СЕРЕЖА. Быстрее хлеб!

ОНА. Подожди немного, я найду...

СЕРЕЖА. Быстрее!!! Раз! Два! Три!

ОНА. Не кричи, Сережа, подожди!

Сережа бьет Ону.

ОНА (*воет*). Ааааа! Бо-о-о-о-льно!

СЕРЕЖА. Только не надо мне тут, блядь, про «больно», блядь, тебе, не надо мне тут! Быстрее, блядь, животное, я сказал, хлеб дай мне сюда!

Она всхлипывает.

СЕРЕЖА. Идиотина, блядь! Хлеб дай мне и иди на хуй! Где хлееееб?! Хлеб, блядь, быстрее давай!

ОНА. Сейчас найду хлеб, найду...

СЕРЕЖА. Как дааааа «сейчас найду»! Быстрее!

ОНА. Я скажу родителям, зачем они меня за тебя отдали? Сейчас найду, сейчас, Сережа..

СЕРЕЖА. Я сказал ХЛЕБ! ГДЕ?

ОНА. Нету хлеба дома, Сережа...

СЕРЕЖА. Ты животное, блядь! Умри! От тебя только одни беды!

Сережа хлопает дверью и выходит.

**Запись вторая
ВОДКА, ТРУСЫ И «ВЫКЛЮЧИ, ПОЖАЛУЙСТА»**

00.30 ночи. Сережа стирает в ванной.

ОНА. Сережа, выключи, пожалуйста, свет.

СЕРЕЖА. Ты, слышишь, животное, блядь, я тебе говорю, что я, блядь, стираю!

ОНА. Зачем...

СЕРЕЖА (*перебивает*). Зачем мне свет все время выключать, слышишь, животное?

ОНА. Я выключу, хорошо, и лягу сразу спать.

СЕРЕЖА. Да можешь не ложиться!

ОНА. Я сразу же лягу спать, обещаю тебе, да. Только выключи, пожалуйста, я тебя прошу.

СЕРЕЖА. Я тебя сейчас выключу.

ОНА. Не надо меня пугать, просто выключи свет, и я сразу лягу спать.

СЕРЕЖА. Да не буду я его выключать.

ОНА. Я сразу выключаю свет и иду спать, хорошо, все.

СЕРЕЖА. Да мне похуй!

ОНА. Много на одного натекает...

СЕРЕЖА (*перебивает*). Я тебя, только выключи, блядь, убью на хуй!

ОНА. Не надо меня убивать, я просто лягу спать, и все. Все, буду спать, хорошо. Спасибо.

Она выключает свет в ванной. Сережа бьет Ону, включает свет.

ОНА. Ой... Я буду спать сразу, пожалуйста, только не надо...

(*Плачет.*) Выключи, пожалуйста, я сразу лягу спать.

СЕРЕЖА. Да блядь, я стираю! Ебанный в рот, блядь!

ОНА. Тебе, Сережа, вода в ванной не нужна?

СЕРЕЖА. Да оставь, блядь!

ОНА. Ты через пять минут выключишь, скажи? Только скажи, что все выключишь, и я сразу пойду спать, да?

СЕРЕЖА. ДА! ДА! ДА! Да, блядь!

ОНА. Я поняла...

СЕРЕЖА. Да, блядь! Да, блядь!

ОНА. Через пять минут ты все выключишь, я поняла...

СЕРЕЖА. Блядь, иди на хуй!

ОНА. Ну выключи, пожалуйста, через пять минут.

Она уходит в комнату. Сережа достирывает, заходит в комнату, берет свои джинсы, ищет что-то в кармане.

СЕРЕЖА. Так! Где моя маленькая бутылка водки? Где она?

ОНА. Ты при мне ее уже пил...

СЕРЕЖА. Я спрашиваю, где она?.. Где она?!

ОНА. Да не брала я твою бутылку водки..

СЕРЕЖА (*бьет по щеке*). Ты брала ее!

ОНА. Нет.

СЕРЕЖА. Где она?

ОНА. Да не знаю я, где твоя водка...

СЕРЕЖА. Я спрашиваю: где она? Я тебя убью, где она? (*Бьет.*)

ОНА (*плачет*). А-а-а-а! У меня только минералка, больше ничего нет. Вот бутылка, посмотри..

СЕРЕЖА (*посмотрев*). Я спрашиваю, где она? Где она? Где она?

Убери руки, блядь! Я тебе сейчас их сломаю, сейчас, блядь!

ОНА (*кричит*). А-а-а-ай!..

СЕРЕЖА. Если ты хоть еще раз до меня дотронешься, я тебе их (*бьет*) сломаю (*бьет*), блядь (*бьет*), на хуй! Где она?

ОНА. Да я не брала!

СЕРЕЖА. Уйди, сейчас стукну, животное, блядь! (*Бьет.*) Ты выглядишь, как животное! (*Бьет снова.*)

ОНА (*плачет*). У меня никакой водки нет, я не знаю, где она...

СЕРЕЖА. Я спрашиваю, где водка? (*Бьет.*)

ОНА. А-а-ай! Да не было у меня никакой водки. Я вон уже синяя вся. (*Плачет.*) Ой, помогите кто-нибудь...

СЕРЕЖА. Я тебе сейчас руки сломаю. (*Ломает руки.*)

ОНА. Ой, не надо мне руки ломать! Ты видишь, что никакой водки у меня нет!..

СЕРЕЖА. Где она? У меня стояла, в кармане была маленькая бутылка водки.

ОНА. В каком кармане?

СЕРЕЖА. В джинсах, блядь! (*Выкручивает руку.*) Где она?

ОНА. Ой! Руки мне выламывать перестань! Я когда свет выключала...

СЕРЕЖА (*орет перебивая*). Что выключала? Где, блядь?

ОНА. Только не надо. (*Громко.*) Ааай! Ой!

СЕРЕЖА. Я спрашиваю, где она?.. Тьфу, блядь!

Сережа включает телевизор.

ОНА. Что ты делаешь?

СЕРЕЖА. Телевизор смотрю!

ОНА. Выключай тогда свет. Выключи, пожалуйста!

Сережа включает воду в ванной.

ОНА. Что ты делаешь? Не лей воду.. Где моя косынка?

СЕРЕЖА. Отстань!

ОНА. Тогда воду выключай, Сережа. Ты выключишь? Пожалуйста.

СЕРЕЖА. Нет!

ОНА. У меня есть к тебе просьба, выключи воду, пожалуйста.

СЕРЕЖА (*тянет ее в ванну за волосы, орет*). Я тебя убью, блядь! В ванне утоплю! Что ты кричишь, блядь! Некрасиво, люди спят! Сейчас, блядь, спят люди! Уйди отсюда на хуй!

ОНА. Я тебя прошу, не надо меня обижать.

СЕРЕЖА (*бьет*). Заткни рот, блядь, хватит орать! Иди уже спать, а?

ОНА. Выключи телевизор, пожалуйста. Ну я тебя умоляю!

СЕРЕЖА. Водку!

ОНА. Телевизор выключи, прошу тебя!

Сережа молчит.

ОНА. Я сразу же лягу спать, выключи.

СЕРЕЖА. Сначала водку отдай, а потом телевизор выключу!

ОНА. Выключай тогда телевизор.

СЕРЕЖА. Пошла на хуй!

ОНА. Ну я тебя прошу, и все, я ложусь спать сразу... Все, выключай. Ну, договорились? Хорошо? Я, вот видишь, уже ложусь. Я ни одного слова не скажу.

Сережа молча смотрит телевизор.

ОНА. Где мои трусы, Сережа?

СЕРЕЖА. Я тебя убью, блядь!

ОНА. Не надо снова меня убивать.

СЕРЕЖА. Пока не отдашь мою водку — на трусы не надейся!

ОНА. У меня ведь ничего нету. Ну как я могу так спать? Куда ты дел мои трусы? У меня ведь совсем больше нету ничего.

СЕРЕЖА. На, блядь! Твои трусы, а не, блядь, чужие!

Сережа выключает телевизор.

ОНА. Спасибо большое, Сережа.

Она засыпает.

**Запись третья.
ПРИКУРИТЬ**

Вечер. Сережа в «полное говно».

СЕРЕЖА. ...Блядь, так ты мне скажи, что ты хочешь?

ОНА. Прикурить дай, пожалуйста!

СЕРЕЖА. Пошла на хуй!

ОНА. Ну дай, пожалуйста, прикурить!

СЕРЕЖА. Я – дома! Ты мне дай поесть и дай мне курить.

ОНА. Да, дай, пожалуйста, прикурить! Ты ведь куришь сейчас.

СЕРЕЖА. Да нихуя у меня нету для тебя! Ты, блядь, ходишь, бутылки собираешь, блядь, и ходишь бухаешь..

ОНА. Неправда...

СЕРЕЖА. Ага! Я тебя, блядь, недавно возле мусорок искал!..

ОНА. Сережа, дай, пожалуйста, прикурить, а?

СЕРЕЖА. Нету у меня!

ОНА. Давай тогда прикурю от твоей сигареты...

СЕРЕЖА. Нееет!!!

ОНА. Так ты же куришь сейчас!

СЕРЕЖА. Я курю у себя дома!

ОНА. Ну я тоже хочу покурить, дай, пожалуйста, покурить!

СЕРЕЖА. Нет...

ОНА. Почему?

СЕРЕЖА. Нету! Для тебя нету!

ОНА. Дай тогда докурю за тобой, ну прошу...

СЕРЕЖА. Отстань!

ОНА. Ну дай, пожалуйста, прикурить!.. Ну что, я буду тебя умолять сейчас?

СЕРЕЖА. Нееету!

ОНА. Ну дай тогда, пожалуйста, прикурить!

СЕРЕЖА. Ну нет!

ОНА. Ну почему?

СЕРЕЖА. Блядь! Ну на!

Сережа дает прикурить.

ОНА. Спасибо большое. Покурю пойду в ванну и сразу же лягу спать.

СЕРЕЖА. Я тебя предупреждаю, что если насрешь, то я тебе ввалю!

ОНА. Не надо, я покурю и сразу буду спать. Свет только выключай.

СЕРЕЖА. Да мне похую!..

Она идет в ванную.

Запись четвертая НА ХУЙ

Утро.

СЕРЕЖА. Да иди ты на хуй! Иди на хуй! Иди на хуй! Да иди ты на хуй! На хуй пошла! Пошла, я говорю, на хуй отсюда! Иди ты на хуй! На хуй иди! Я говорю иди на хуй! На хуй! На хуй! На хуй! На хуй пиздуй! Пиздуй говорю на хуй! Пошла!

Запись пятая
ДА СПИ ТЫ, БЛЯДЬ

Суббота. 22.45 вечера.

Сереза смотрит по НТВ «Ты не поверишь!»

ОНА. Выключи свет, я спать хочу уже.

СЕРЕЖА. Да как ты заебала уже. Ты уже шесть часов бегаешь, блядь, туда-сюда свет выключаешь!.. Иди ты на хуй.

*Сереза продолжает смотреть НТВ.
Показывают сюжет про Галкина и Пугачеву.*

ОНА. Хорошо, я буду спать.

СЕРЕЖА. Блядь! Я тебя сейчас убью! Ты шесть часов подряд уже не спишь, блядь, бегаешь туда-сюда! И выключаешь свет! Значит, ты не хочешь спать, блядь!

ОНА. Я спать хочу, просто я...

СЕРЕЖА. Да, блядь, хочешь спать — спи!

ОНА. Я правда хочу спать!

СЕРЕЖА. Нет! Я тебе знаешь что сейчас сделаю!

Звон.

ОНА. Не надо..

СЕРЕЖА. Тогда иди спать!

ОНА. Просто...

СЕРЕЖА. Ты мне мозг колупаешь уже 6 часов! Или ты сейчас будешь спать, или я тебя, на хуй, отпизжу! Раз, два, три!

ОНА. Ясно! Я совсем ложусь спать, хорошо. Ты просто потом не забудь телевизор выключить, хорошо?.. Спасибо.

Она ложится спать. Сережа продолжает смотреть сюжет про Галкина и Пугачеву. Она не выдерживает и приподнимается на диване.

СЕРЕЖА. Блядь, ты так спать будешь?

ОНА. Да, только поставь мне, пожалуйста, под диван водичку.

СЕРЕЖА. Нет!

ОНА. Ну почему?

СЕРЕЖА. Да ты заебала, серьезно! Блядь, как ты заебала!

ОНА. Я просто...

СЕРЕЖА. Нет!

ОНА. Я...

СЕРЕЖА. Нет!

ОНА. Да я...

СЕРЕЖА. Да ты мне уже шесть часов подряд ебешь мозги! Говоришь: буду спать, а сама все не ляжешь никак! Бегаешь, блядь, усравшись, туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда, блядь! То тебе нужно в туалет, блядь, — в туалете нихуя не делаешь, только сидишь, бумагу порвешь, блядь, на клочки, выключишь свет и обратно! А через минуту опять бежишь в туалет, — бумажек, блядь, снова нарвешь, нихуя не сделаешь и обратно! И все твои дела — не насрать, а только, блядь, бумагу порвать! И пиздишь все, и пиздишь, что ты хочешь спать! И так шесть часов подряд, блядь! Все, мне надоело! Захочешь спать — будешь спать под гул моторов, на хуй!

ОНА. Я не могу так.

СЕРЕЖА. Не можешь — не спи!

ОНА. Поставь мне водичку под диван...

СЕРЕЖА. Нет! Нихуя! Все!

ОНА. Ну пожалуйста!

СЕРЕЖА. Все, я сказал! Все бля!

ОНА. Ну я тебя очень прошу!..

СЕРЕЖА. А я тебя тоже прошу очень: отстань от меня и ляг спать! И не ори!

ОНА. Как ты только поставишь, я сразу буду спать.

СЕРЕЖА. Нет, нет, блядь! Если ты не спишь, значит, тебе это не надо.

ОНА. Надо, Сережа!

СЕРЕЖА. Блядь, заебала ты уже невозможно! Договорись сейчас!

Сережа встает.

ОНА. Не надо. Не надо, Сережа, не надо, пожалуйста, не надо! (*Плачет.*)

СЕРЕЖА. Ты договоришься мне тут! Раз не надо, то спи ты, блядь! Ну что ты за человек! Что тебе надо? Ты ж, блядь, не спишь — и все!.. Вот скажи, что тебе надо? Ты захотела пожрать мороженого — я сбегал. Ты сожрала мороженое — и никуда, не спишь, блядь, и все! И только: «Выключи, блядь, спать хочу. Выключи, блядь, спать хочу. Выключи, блядь, спать хочу», — и все, блядь! Я ходил, блядь, и купил тебе мороженого, блядь — ты ж захотела! Ты ж говоришь: купишь мороженое, тогда буду спать. Но ты же, блядь, не хочешь спать никуда! Что ж тебе надо? И как это вынести? Я тебе серьезно говорю, я тебя отпизжу, серьезно отпизжу, если ты сейчас же не ляжешь спать! Я считаю до трех: раз, два...

Она ложится. Сережа продолжает смотреть НТВ.

ОНА: Я подремала сколько времени?

СЕРЕЖА. Иди на хуй! Все!

ОНА. Чего ты, Сережа? Сколько я проспала?

СЕРЕЖА. Терпение мое вышло вон! Все! Я сдам тебя в дурку в срочном порядке!

ОНА. Да?..

СЕРЕЖА. Да!!!

Она засыпает.

Сережа засыпает под работающий телевизор.

Запись шестая ВОСЕМЬ ТЫСЯЧ ПО СПИРАЛИ

Вечер. Сережа зол.

ОНА. А сколько пиво стоит, тысяч восемь, да?

СЕРЕЖА. Во-сем-над-цать!!!!

ОНА. У меня нету восемнадцать...

СЕРЕЖА. Давай все, что есть!

ОНА. Восемь тысяч всего. Столько, да?

СЕРЕЖА. Вот блядь!!! (*Бьет.*)

ОНА. Ну не бей, пожалуйста-а-а?

СЕРЕЖА. Так зачем спрашивать, ебанный в рот!? Зачем? (*Бьет.*)

ОНА. Ааой!.

Сережа, хлопая дверью, выходит из квартиры.

ОНА. Скотина!.. Гм... Ой! Он меня не любит вообще!.. Ну нет у меня больше! (*Всхлипывает*). У меня уже вон, как кусок мяса на лице!.. (*Плачет.*)

Сереза возвращается в квартиру.

СЕРЕЖА. Деньги давай!

ОНА. А тысяч пять не хватит на пиво тебе?

СЕРЕЖА. Нет, тысяч пять не хватит.

ОНА. Тысяч пять — почему нет?

СЕРЕЖА. Потому что!

ОНА. Потому что... А сколько тысяч хватит конкретно?

СЕРЕЖА. Восемнадцать!!!

ОНА. У меня нету восемнадцать.

СЕРЕЖА. Давай сколько есть!

ОНА. Вот, шестнадцать восемьсот...

СЕРЕЖА. Ты можешь своими «пять» жопу себе подтереть!..

ОНА. А у тебя совсем нет денег, да, Сереза?

СЕРЕЖА. Нет совсем.

ОНА. А завтра понедельник, да, Сереза? Скажи ты?

СЕРЕЖА. Нет, среда...

ОНА. Нет, ну вроде понедельник...

СЕРЕЖА (*перебивает*). Слушай, иди на хуй, да? Среда, блядь, среда! Иди, блядь, отсюда! Ну я же знаю твои тупые вопросы и зачем ты специально задаешь эти свои вопросы! Завтра СРЕДА!

Сереза бьет Ону.

ОНА. А-а-а-оооой-й-уууууу! Ооой!

СЕРЕЖА. Скажи мне сейчас, блядь: да! Завтра среда!

ОНА. Да, среда!..

СЕРЕЖА. Все! Тебя устраивает? Да?

ОНА. Уууу! Ааа! Сережа, успокойся! Завтра среда!..ооооой!

СЕРЕЖА. Хорошо!

Сережа делает больно Оне.

СЕРЕЖА. Тебе лечиться надо, падла!

Она плачет. Быстро успокаивается.

ОНА. А почему ты такое пиво всегда дорогое приносишь?

СЕРЕЖА. Какое есть!..

ОНА. А почему ты поискать подешевле не можешь?

СЕРЕЖА. Где я тебе его, блядь, искать буду?

ОНА. Ну там искать, где подешевле...

СЕРЕЖА. Я так понимаю, бухать ты умеешь, да?! Спать, пить, да? И вот хочешь получать по ебалу так же, как ты умеешь, да?

ОНА. Называй, пожалуйста, «по лицу».

СЕРЕЖА. По ебалу! По какому там лицу!

ОНА. Ты скажи, когда вернешься, хорошо?

СЕРЕЖА. Давай деньги!

ОНА. Так ты скажи, через сколько вернешься.

СЕРЕЖА (*выкручивая руки*). Я сказал, давай, блядь, деньги! Ты понимаешь, блядь?

Она орет.

СЕРЕЖА. Ты понимаешь, блядь? На хуй мне это объявлять? Давай деньги! Давай! Да не ори! Не ори, блядь, сука! Блядь, животное, сука, блядь! Уебала, на хуй, отсюда, блядь!..

Она плачет секунд 20. Успокаивается.

ОНА. Так а ты мне тоже купишь на мои деньги?

СЕРЕЖА. Я тебе сказал! Давай, блядь!

ОНА. Ты мне не сказал!

СЕРЕЖА. Я тебе сказал! Вспоминай!

ОНА. А сколько? Десять тысяч или девять?

СЕРЕЖА. Восемнадцать!

ОНА. У меня нету восемнадцать тысяч...

СЕРЕЖА. Давай сколько есть!

ОНА (*считает*). Одиннадцать, двенадцать.. Так столько нету...

СЕРЕЖА. Сколько есть?!

ОНА. Так сколько надо, скажи ты мне!

СЕРЕЖА. Я тебе сказал, сколько есть?

ОНА. Так сколько надо на пиво хотя бы?

СЕРЕЖА. Восемнадцать!!!

ОНА. Так нету восемнадцать!

СЕРЕЖА. Так сколько есть, я сказал!!!! Да, блядь, меня заебал твой базар!!!

ОНА. Так сколько стоит скажи, пожалуйста.

СЕРЕЖА. Я тебе СКАЗАЛ, БЛЯДЬ! ВО-СЕМ-НАД-ЦАТЬ!
ВО-СЕМ-НАД-ЦАТЬ! (*Бьет.*)

ОНА. Ааааооооийй!!! У меня нету восемнадцать!

СЕРЕЖА. Тогда нету пива!

Сереза достает из кармана джинс сигарету, закуривает.

ОНА. Дай покурю. Я покурю и сразу лягу спать. Пожалуйста!

СЕРЕЖА. Иди на хуй!

ОНА. Ну пожалуйста!

СЕРЕЖА. Я сам хочу курить.

ОНА. Одну сигарету! Пожалуйста.

СЕРЕЖА. Мне похуй, я не дам тебе сигарету.

ОНА. Сереж, ну оно не стоит восемнадцать, правильно? Дай сигарету. Хватит девять, да?.. Сережа?! Так ведь одно пиво стоит, правильно?

СЕРЕЖА. Ууух, блядь!

ОНА. Ты мне только скажи, сколько пиво одно стоит и все, хорошо?

СЕРЕЖА. И тогда мне повезет в моей жизни, если я тебе скажу, сколько одно пиво, блядь, стоит?

ОНА. Нет, скажи, сколько стоит. Цену примерную.

СЕРЕЖА. Да иди ты на хуй!

ОНА. Нет, не на хуй.. Ну примерную... Пожалуйста...

СЕРЕЖА. Восемнадцать!

ОНА (*плачет*). У меня нету восемнадцать.

СЕРЕЖА. Тогда нету пива.

ОНА. Почему? Сережа! Ну дай мне тогда покурить.

СЕРЕЖА. Я сказал — нет.

ОНА. Ну я тоже хочу!

СЕРЕЖА. Ну мне похуй! Хочешь, я найду у тебя восемнадцать тысяч? Хочешь? И тогда ты спи, блядь, кури!.. Я найду, хочешь?

ОНА. Я у тебя тоже могу найти... Ну дай покурить!.. Восемнадцать тысяч ты не найдешь у меня. У меня только шестнадцать восемьсот...

СЕРЕЖА. Меня не ебет! Не проси!

ОНА. А я тебе деньги все свои отдам.

СЕРЕЖА. Слушай, мне надоела вся твоя ебатня! Иди на хуй отсюда! Уйди на хуй отсюда! Уйди на хуй отсюда!!!

ОНА: *(после каждого предложения секунды тишины)*. Ну пожалуйста, дай докурю за тобой! Сережа, ты что не слышишь, что ли? Тебе что, все равно, да? Ну скажи, а ты в магазин сходишь? Скажи? Ну скажи, да? Сережа?.. Мммм. Я же тебе все равно отдам все свои деньги. Ты только скажи, ты же все равно в магазин сходишь, да? Да? Ну Сережа! Ты ведь все равно сходишь в магазин? Ну я тебя очень прошу, ну сходи ты, пожалуйста, в магазин как друг! Ну сходи, пожалуйста, в магазин! Ну тебе ведь тоже нужно? Нужно, да? Спасибо! Ты же купишь, да, мне? Купишь? Сережа! Скажи, что ты пиво мне принесешь! Или что купишь мне сигарет! Ну скажи, пожалуйста!

СЕРЕЖА *(очень спокойно)*. Да иди ты на хуй.

Сережа уходит.

Запись седьмая ВО СКОЛЬКО ТЫ ПРИШЛА?

23.30 вечера.

ОНА *(плачет)*. Сережа, помоги мне! Помоги встать, Сережа!

СЕРЕЖА. Я сейчас тебе, блядь, помогу!

ОНА *(плачет)*. Ооой..

СЕРЕЖА. Я тебе помогу! Ноги! Щас я тебе помогу, блядь!

ОНА *(плачет)*. Ну что ты делаешь с ногой?

СЕРЕЖА. Ща я ж тебя помогу!

ОНА. Оооохо!.. Ой, не бей, подожди! Ооой! Помогите! Ааа!

Ты же по тому самому месту ударил! *(Всхлипывает, плачет.)*

Ты сейчас меня по тому же кровоподтеку ударил. *(Всхлипывает.)* Дай докурю, не туши.

Сережа тушит сигарету.

ОНА. Оой, я же многого не прошу! Ну не туши, пожалуйста, не надо. *(Плачет.)* Ты меня опять по тому же самому месту ударил, вот я и стала орать. Ой. Ой. Оой! Ой! Оой!

СЕРЕЖА. Еще скажешь мне, ссука, что ты была у своей мамки?

ОНА. Я испугалась просто сильно.

СЕРЕЖА. А во сколько ты пришла? Скажи, ну во сколько ты пришла?

ОНА. А сейчас сколько время?

СЕРЕЖА. Двадцать пять, блядь, минут!

ОНА. Правда?

СЕРЕЖА *(кричит)*. Не правда!

ОНА. Я тогда к своей матери пойду жить.

СЕРЕЖА. На хуй ты мне нужна! Ой, блядь! На хуй ты мне нужна! Пиздуй! Да за такое говно, как ты!.. Да заебала, блядь! Я тебя в «Новинки» сдам! *(Бьет.)*

ОНА. Ой, больно! Ой. А ты можешь мне только показать, что у тебя в кармане, и я тогда успокоюсь и сразу лягу, да.

СЕРЕЖА. А что у меня должно быть там?

ОНА. У тебя там что-то есть в кармане, да? Ты мне просто покажи, что ничего нету, и я сразу лягу.

СЕРЕЖА. Ничего не покажу!

ОНА: Там же у тебя в джинсах ведь еще что-то лежало?

Сережа достает из кармана джинсов бутылку водки.

СЕРЕЖА *(кричит)*. Пей! Пей! Пей, блядь, ебанный в рот!!!

Сереза протягивает Оне бутылку, Она встает.

СЕРЕЖА. Бери! Блядь, как за бутылкой, так ты идешь!
(Кричит.) На! Бери, блядь!

ОНА. Спасибо, что предложил. (Берет бутылку.) Я немножко еще полежу. Поставь на время телевизор, пожалуйста!

СЕРЕЖА. Нет!

ОНА. Ну почему?

СЕРЕЖА. Нет, я сказал! Блядь, она в одиннадцать приползла домой, а я еще и должен под нее подстраиваться!

ОНА. Ну пожалуйста, поставь на время телевизор!

СЕРЕЖА. Нет!

ОНА. Ну почему?

СЕРЕЖА. Потому что не хочу.

ОНА. А на сколько тебе поставить?

СЕРЕЖА. На «хрена»!

ОНА. А покажи мне, на сколько на «хрена».

СЕРЕЖА. Не хочу я тебе показывать! (Кричит.) Почему ты пришла в одиннадцать?

ОНА. Я не пришла в одиннадцать вечера.

СЕРЕЖА. Ты пришла в одиннадцать вечера! Я Риту завидел без десяти одиннадцать, а тебя еще дома не было!

ОНА. Неправда!

СЕРЕЖА. Блядь! Да мне похуй на это: правда это или не правда! Я сказал не пос-тав-лю! Вот и все! Да иди на хуй отсюда!

ОНА. Тогда ты, Сереза, свет выключай. Да, Сереза?

СЕРЕЖА. (кричит) Да! Блядь! Да! Который час?

ОНА. Свет будешь выключать?

СЕРЕЖА. (кричит). Слушай, иди на хуй, или я сейчас громче сделаю!

ОНА. Тогда ты свет выключай...

Сереза делает громче.

ОНА. Все, ложись спать, ладно.

СЕРЕЖА. Да меня заебали все твои капризы! Телевизор выключи, свет выключи! Не нравится — вали на хуй отсюда! Дверь открыта! Можешь пиздовать! Иди к маме своей!.. В больницу поедем?

ОНА. Мне так сильно болит нога, что я завтра пойду с тобой в больницу, хорошо.

СЕРЕЖА. Нет, ты не завтра пойдешь! Ты сейчас поедешь туда с Ритой, с мамой и с папой!.. Ладно, я за это буду платить деньги!

ОНА. Я не могу ходить даже.

СЕРЕЖА. Не можешь ходить – не ходи!

ОНА. Ты больно по ноге так ударил.

СЕРЕЖА. Так не ходи, блядь! Не ходи!

ОНА. Ну так почему ты не можешь поставить на время?

СЕРЕЖА. Скажи, что ты не в одиннадцать пришла!

ОНА. Так на сколько ставить?

СЕРЕЖА. На двенадцать!

ОНА. А зачем тебе на двенадцать?

СЕРЕЖА. Да пошла ты на хуй! Скажи, что не в одиннадцать пришла! Убери руки от пульта! Руки от пульта убери!

ОНА. Что?

СЕРЕЖА. Руки от пульта убери, я сказал!

ОНА. Ну поставь, пожалуйста, раз сказал.

СЕРЕЖА. Я сказал, руки убери! Во сколько ты пришла?

ОНА. Во сколько ты сказал, во столько и пришла.

СЕРЕЖА. Во сколько ты пришла? *(Кричит.)* Руки от пульта!

ОНА. Ну поставь, пожалуйста, как ты сказал — на двенадцать.

СЕРЕЖА. Руки от пульта! Во сколько ты пришла?

ОНА. Во сколько?

СЕРЕЖА. Ебаный в рот! Я тебя спрашиваю! Во сколько ты пришла? Руки!

ОНА. Ну почему сразу руки?.. Во сколько я пришла?

СЕРЕЖА. Во сколько ты пришла?

ОНА. В одиннадцать. Поставь, пожалуйста...

СЕРЕЖА (*перебивает*). Да пошла ты на хуй отсюда, а то завтра поедешь в «Новинки»! Ложись, блядь, спать!

ОНА. Хорошо, как ты скажешь, я завтра поеду в «Новинки». Только поставь, пожалуйста, на двенадцать.

СЕРЕЖА. Да ты меня так заебала, что поедешь сегодня, блядь! (*Бьет.*)

ОНА. Ой! Оай! Не бей, пожалуйста! Почему ты меня сразу бьешь?

СЕРЕЖА. А что, блядь, тебя целовать, что ли?

ОНА. Ну зачем ты меня сразу бьешь?

СЕРЕЖА. Завали, блядь, ебало свое! Все, я сказал! Или ты сейчас будешь спать, или прямо сейчас поедешь в «Новинки»!

ОНА. Хорошо. Все, Сережа, я буду ложиться спать. Хорошо. Я буду уже спать.

Она ложится спать.

**Запись восьмая
ОТДАЙ ПАКЕТ**

*Утро. В квартиру номер 7 стучится соседка
из квартиры номер 5.*

СОСЕДКА. Откройте! Откройте, я сказала!

ОНА (*из-за двери*). А в чем дело?

СОСЕДКА. Отдайте мне мой пакет!

ОНА. Какой пакет? Вы кто?

СОСЕДКА. Да я слышала все! Как ты сказала, что там бутылки, и забрала! Как дверь открыла и забрала мой пакет! Отдай немедленно!

Она молчит.

СОСЕДКА. Бесстыжая! Какая же ты бесстыжая! Я на юбилей купила! Пошла вниз за другим. Открой! Там не только водка! (*Стучит.*) Немедленно открой, слышишь?! Отдай мой пакет!!!

Она молчит.

СОСЕДКА. Если ты сейчас же не отдашь пакет, то мы будем разговаривать по-другому! Не через дверь! Отдай мой пакет! (*Стучит.*) Что ты молчишь?! Я же знаю, что ты там! Открой дверь! Да что ж это такое, господи! Я с тобой сейчас по-другому разберусь!

*Она молчит, Соседка из 5-й уходит в свою квартиру
и при мне так и не возвращается.*

Запись девятая
ЧТО Я ТЕБЕ СДЕЛАЛА ПЛОХОГО И ЛТП
(ЛЕЧЕБНО-ТРУДОВОЙ ПРОФИЛАКТОРИЙ)

Вечер. Сережа пришел с работы.

СЕРЕЖА. Так, животное, откуда эти мешки опять? Откуда эти мешки? Там же не было уже ничего! Я на балконе все выбросил вчера!

ОНА. Там нету ничего на балконе...

СЕРЕЖА. Вот посмотри!

ОНА. Посмотрю.

СЕРЕЖА. А это что, падла?

ОНА. Что там?

СЕРЕЖА. А что это на балконе? Откуда здесь эти мешки? Я их вчера вечером выкинул. Откуда они здесь?

ОНА. Они тебе не нужны, что ли?

СЕРЕЖА (*кричит*). Мне они не нужны! А тебе они нужны?

ОНА. Пускай будут там.

СЕРЕЖА. Я тебе, блядь, дам «пускай будут»! Откуда они? Тебе все нужно, блядь! Отойди! Я тебе, блядь, дам сейчас! Что ты, блядь, все тащишь? (*Бьет.*)

ОНА. Аой! За что?

*Сережа сдувает, скручивает и собирает
пластиковые бутылки в мешок.*

ОНА. Зачем ты их выбрасываешь, Сергей?

СЕРЕЖА. Да как ты меня заебала, блядь ты конченная. Я только вчера же все выбросил! Ты их завтра снова будешь таскать? Конченная ты тварь!

ОНА. Я их не таскаю!

СЕРЕЖА (*кричит*). А что ты делаешь? Что тогда это такое?

ОНА. Ничего...

СЕРЕЖА. Ничего, блядь! Иди ты на хуй! Я их, блядь, выношу, а она их приносит, я выношу — она их приносит, блядь! Как она меня заебала, на хуй, блядь!

Сереза продолжает сдувать бутылки и класть их в пакеты.

ОНА. Я просто покурить хотела!

СЕРЕЖА. Я выношу, блядь, она их приносит! Какое же ты животное!

ОНА. Почему? Я покурить просто хотела. Можно я покурю?

СЕРЕЖА. Что?

ОНА. Я покурю.

СЕРЕЖА. Нет!

ОНА. Ну почему?

СЕРЕЖА. Почему? Значит так, прочитай! Что вот здесь вот написано? (*Протягивает ей квитанцию.*) Почитай! Что вот здесь написано? Что там написано?

ОНА (*прочитав*). Так что, по-твоему, это так, что ли, или что, Сергей?

СЕРЕЖА. По-моему, это так.

ОНА. Я просто покурить попросила, а они потом пишут всякую фигню...

СЕРЕЖА. Да?

ОНА. Да...

СЕРЕЖА. А выпить ты не хочешь?

ОНА. Выпить — нет, я не буду... Это сто тысяч платить — невозможно! Докажут пусть!.. Сергей...

Сереза складывает стеклянные бутылки в пакет.

ОНА. Зачем ты все выбрасываешь? Ну зачем ты все выбрасываешь, скажи?

СЕРЕЖА. А что мне делать с этим?

ОНА. Пусть останется до весны.

СЕРЕЖА. Я тебе сейчас оставлю! Я ТЕБЯ сейчас оставлю!

ОНА. Ну пожалуйста!

СЕРЕЖА. Я тебя сейчас оставлю! Животное! Я, блядь, каждый вечер таскаю их на мусорку, — она, блядь, каждую ночь их обратно таскает!

ОНА. Неправда!

СЕРЕЖА. Что «неправда»?! Я вчера, блядь, все вынес, сегодня опять полная квартира! Еб твою мать, блядь, как меня это заебало уже!

Сереза складывает бутылки в пакет.

ОНА. Что я тебе сделала плохого, скажи?

СЕРЕЖА. А что ты мне сделала хорошего?

ОНА. А что плохого, скажи?

СЕРЕЖА. А что хорошего? Плохого что ты мне сделала? Натаскала опять полную квартиру бутылок!

ОНА. Ты будешь завтра все выносить, да?

СЕРЕЖА. Сейчас, блядь, я буду выносить, животное! Прочитала?

ОНА. Когда сейчас? Прямо сейчас?

СЕРЕЖА. Прямо сейчас!

ОНА. И завтра ты мне ничего не купишь?

СЕРЕЖА. И завтра я тебе ничего не куплю!

ОНА. Почему?

СЕРЕЖА. Потому что ты — свинья!

ОНА. Телевизор выключи...

СЕРЕЖА. Не буду!

ОНА. Телевизор на сколько поставить?

СЕРЕЖА. Минут на двадцать!

ОНА. Не надо на двадцать, Сережа!

СЕРЕЖА. Могу на тридцать.

ОНА. На двадцать не надо!

СЕРЕЖА. Ты — заткни пасть свою! Пошла вон отсюда!

Ты посмотри в зеркало на себя! Ты же животное! Ты уже как

животное стала! Ты посмотри на себя! Во что ты превратилась?

Ты — полная пьяница! Животное ты конченное! Ты посмотри

на себя, как ты ходишь! Ты посмотри, как ты ходишь!

Ты — грязная, вонючая свинья! Ты ползаешь по мусоркам

и бутылки собираешь! Ходишь, блядь, бомжуешь, по мусоркам

копаешься, а потом это все в дом тащишь! Грязная, вонючая,

немытая свинья!

ОНА. Зачем ты так обзываешься?

СЕРЕЖА. А кто ты? Ну а кто ты? Кто ты, скажи? Свинья!

Ты — свинья! Самая настоящая свинья! Животное! Немытая,

вонючая свинья! Ну а кто?

ОНА. А кто тогда ты, Сергей?

СЕРГЕЙ. Хуй, блядь!

ОНА. Сережа! Ну не надо так на меня говорить.

СЕРЕЖА. А как? Свинья ты редкостная!

ОНА. Зачем ты меня сразу обзываешь?

СЕРЕЖА. Свинья ты редкостная! Ты засрала всю квартиру

за один день, блядь!

ОНА. Я не понимаю, что я тебе сделала плохого?

СЕРЕЖА. А что ты сделала хорошее?

ОНА. А что плохое тебе сделала?

СЕРЕЖА. А что хорошее?

ОНА. У меня даже поесть ничего нету...

СЕРЕЖА. Нету — надо было купить!

ОНА. За что?

СЕРЕЖА. За деньги.

ОНА. У меня нету денег!

СЕРЕЖА. Ну ты ж напилась за что-то!

ОНА: Я не пила ничего вообще!

СЕРЕЖА. Ага! Воздухом надышалась! Надышалась воздухом!

ОНА. Будешь уходить сейчас, да, Сережа?

СЕРЕЖА. Нет. Сейчас будешь уходить ты!

ОНА. Куда?

СЕРЕЖА. В опорный пункт, а потом в ЛТП.

ОНА. Зачем?

СЕРЕЖА. Потому что ты мне надоела.

ОНА. Я же ничего не пила сегодня.

СЕРЕЖА. Нюхала, просто нюхала!

ОНА: Ничего не пила, ничего не нюхала. Перестань!

Сережа завязывает пакеты с бутылками.

ОНА. Может, у тебя хотя бы одна сигаретка есть, Сергей?

СЕРЕЖА. Нет.

ОНА. Ни одной вообще?

СЕРЕЖА. Ни одной вообще.

ОНА. Ну тогда не уходи сегодня никуда, хорошо?

СЕРЕЖА. Я у тебя спрашивать не буду.

ОНА. А можно я пойду мусор вынесу?

СЕРЕЖА. Рот закрой, блядь! Я тебя сейчас вынесу!

ОНА. Меня не надо выносить.

СЕРЕЖА. Тогда ебало завали!

ОНА. Ты мусор пойдешь выносить, да?

СЕРЕЖА. В ЛТП будешь все выносить!

ОНА. Я не могу!

СЕРЕЖА. А бухать ты можешь, блядь!

ОНА. А что я тебе сделала плохого?

СЕРЕЖА. А что хорошего?

ОНА. А плохого что?

СЕРЕЖА. А что хорошего? Засрала всю квартиру. Засрала квартиру — вот и все, что ты мне сделала хорошего!

ОНА. Неправда!

СЕРЕЖА. Ну что «неправда»! Посмотри на этот мусор? Это что? Вчера я вынес из квартиры весь мусор! Я хочу, чтоб у меня в квартире порядок был, и поэтому ты поедешь в ЛТП!

ОНА. Я не хочу в ЛТП!

СЕРЕЖА. Поедешь!

ОНА. Когда?

СЕРЕЖА. В ближайшем будущем, блядь! И знаешь, что самое интересное?

ОНА. Что?

СЕРЕЖА. Самое интересное, что к тебе никто туда не придет. Никто! Ни мама, ни Рита, ни я, ни папа — никто не придет!

ОНА. Что я тебе сделала плохого, Сергей?

СЕРЕЖА. Ты? Насрала в квартире — вот, что ты мне сделала плохого!

Она молчит несколько секунд.

ОНА. А когда ты выключишь свет в туалете?

СЕРЕЖА. Никогда!

ОНА. Через полчаса, да?

СЕРЕЖА. Через два дня, блядь!

ОНА: Почему через два дня?

СЕРЕЖА. А потому что мне так хочется!

Она молчит несколько секунд.

ОНА. Вечером, да? Чуть попозже, да, Сережа?

СЕРЕЖА. Уйди, блядь!

ОНА. Что?

СЕРЕЖА. Иди на хуй отсюда!

Она молчит несколько секунд.

ОНА. Через сколько? (*Проходит еще несколько секунд.*)

Почему ты со мной не разговариваешь? Что я тебе сделала плохого, объясни!

СЕРЕЖА. Срач навела! Посмотри сколько мусора! Ты видишь? (*Кричит.*) Почему столько мусора? Почему столько мусора, блядь? Я спрашиваю, почему столько мусора? Откуда он взялся?

ОНА. Не знаю...

СЕРЕЖА (*кричит*). Не знаешь?

ОНА. Я ничего не сделала...

СЕРЕЖА. Не знаешь? А кто тогда знать будет? Кто притащил сюда этот мусор, пакеты, бутылки? Кто? Кто?

ОНА. Уходишь, да?.. Можно ложиться уже?

СЕРЕЖА. Можно ложиться!

ОНА. Ты только звук не включай громко.

СЕРЕЖА. Ага! Не буду!

ОНА. Хорошо?

СЕРЕЖА. Хорошо.

ОНА. На десять поставить?

СЕРЕЖА. Да.

ОНА. В одиннадцать выключишь, да?

СЕРЕЖА. Да.

ОНА. Обещаешь?

СЕРЕЖА. Обещаю.

ОНА. Хорошо.

Она засыпает.

Запись десятая КЛЮЧИ

*7.30 утра. Сережа собирается выйти из квартиры,
но дверь закрыта на замок.*

СЕРЕЖА. Блядь, ебаный ты в рот! (*Кричит.*) Где ключи?

ОНА. Почему ты так кричишь, Сережа?

СЕРЕЖА (*кричит*). Нахуя, скажи ты мне, нахуя тебе нужно было закрываться?

ОНА. Я не закрывала ничего.

СЕРЕЖА. А кто, блядь? Я, что ли? Я закрывался, по-твоему?

Куда ты дела ключи?

ОНА. Какие ключи, Сережа?

СЕРЕЖА. Ключи! От входной двери! Ключи, я спрашиваю, где? Куда ты дела ключи?

ОНА. У меня нет никаких ключей.

СЕРЕЖА. Нахуя тогда было закрываться, раз нет у тебя? Вот нахуя? (*Бьет по лицу.*) Вспоминай!

ОНА. Ааай! Ну почему, Сережа, ты чуть что — сразу меня бьешь!

СЕРЕЖА. Не было замка в двери — не надо было закрываться! Тут вчера, блядь, поставил замок — надо сразу было закрыться! Блядь! Нахуя, спрашивается? Бухая притащилась ночью и закрылась! Ты что, думаешь, что ночью кто к тебе ломиться будет? Что, блядь, красть тебя, что ли, придут ночью или что? Да нахуя ты кому нужна! Даже задаром никому!

ОНА. Неправда!

СЕРЕЖА (*кричит*). Ключи где? Где, ебаный в рот, ключи? Куда ты дела ключи? Вспоминай, блядь! Я только вечером поставил замок! И что? И нахуя нужно было закрывать дверь?

ОНА. Ну а зачем тогда его ставить нужно, если закрывать не нужно?

СЕРЕЖА. Все, блядь, заебала! Все, блядь! Все, блядь!

Сережа начинает ломать дверь.

ОНА. Что ты делаешь, Сережа? Перестань, пожалуйста! Не надо ломать дверь!

СЕРЕЖА. Уйди, блядь!

*Дверь не поддается. Сережа выламывает замок,
матерится и выходит из квартиры.
Она идет за ним.*

ОНА. Сережа! Ты куда? Ты куда?! Сережа!..

Сережа выходит из подъезда, Она выбегает следом.

Конец.

Минск, 2012

Таня Арцімовіч

ЦВІКІ

(маналогі аднаго акта)

Дзейныя асобы:

Блогер.

Жанчына, якая корміць качак.

Актор, які рэпетуе п'есу «новай хвалі»

Дэманстрант.

Літаратар.

Пацыент у доктара.

Дзяўчына ў сукенцы і ботах.

Аўтар, які чытае маналог замест японскага пажарнага, які ў той момант гасіў атамны рэактар «Фукусіма-1»

БЛОГЕР. Я читаю в блоге у своего виртуального друга... ну, не друга, в смысле, моего, как я их называю, «эд э фрэнд». Ну вот. Он запостил, не знаю, откуда взял: «Христианское: не убий».

Либерально-европейское: не убий, а особенно не убий тех, кого совсем нельзя убивать, потому что они слабее, но некоторых других иногда можно, и тогда надо слегка попереживать по этому поводу.

Советское: убей, но убей стыдливо — чтобы благодаря этому больше никто никого никогда не убивал.

Американское: убей, и убей торжественно — чтобы благодаря этому больше никто никого никогда не убивал.

Нацистское: убей, потому что ты сильный и имеешь на это право. Националистическое: убей, потому что мы свои, а они чужие, и таков закон жизни».

Мне очень понравилось. От себя я приписал про белорусское: «И все-таки не убий, но спрячься». Никто не прокомментировал. Наверное, не понравилось.

ДЭМАНСТРАНТ. Ажыўленне і сапраўднае адчуванне ўздыму адбылося, калі калона рушыла па праспекце. Нарэшце людзі змаглі ўсвядоміць, што іх шмат і іх некуды вядуць. Цуд?... Здзіўленне выклікала адсутнасць людзей у форме... І тут у мяне пачалася першая хваля страху... На плошчы натоўп ізноў рассяўся. Ніякай інфармацыі пра тое, што будзе адбывацца далей. Людзі мерзнуць. Нават лозунгі раптам сталі раздражняць. «Хай жыве! Але зараз што рабіць? Адкажыце!» У гэты момант я зразумеў, што мы прайгралі.

ЖАНЧЫНА, ЯКАЯ КОРМІЦЬ КАЧАК. Я так и знала, что нужно брать с собой солнечные очки. Даже если солнца нет, нужно брать солнечные очки. И оно будет!.. Ну не понимаю я, почему должна сидеть перед телевизором и переживать за весь мир, сочувствовать и скорбеть... Он, конечно, обиделся. Наверное, это была точка... Больше хлеба нет, милые, в следующий раз... Сначала я стала художницей, а потом научилась рисовать... Хорошая мысль. Надо запомнить. Я чувствую это солнце, которое танцует на моей коже, оставляя на ней горячие следы. И не надо больше ничего. Целую зиму я ждала это солнце и теперь не собираюсь пропустить его из-за каких-то там переживаний, особенно про то, что находится за много километров от меня. Я хочу идти по улице и есть мороженое, чувствовать горячие следы на своей коже и одновременно впускать в себя холод. Я хочу чувствовать свое тело здесь, чувствовать свое тело рядом с другим человеком, чувствовать другого человека внутри себя... блять, ну не хочу я переживать за весь мир! Он хлопнул дверью и ушел. Потом я хлопнула дверью и ушла. Но он про это не узнает, потому что ушел первым. Я сказала: «Пойдем кормить уток». А он мне сказал: «Уровень радиации повышается». А я ему: «Я знаю. Пойдем кормить уток». А он сказал, что я мертвая, и ушел. Куда он ушел? А по сути, мне все равно... а ведь мне действительно все равно. Потому что... господи, как долго я ждала это солнце! Спасибо тебе, солнце!

АКТОР, ЯКІ РЭПЕТУЕ П'ЕСУ «НОВАЙ ХВАЛІ»

я трахаюсь с этой реальностью
меня от нее тошнит
я вижу все ее смешные амбиции
и меня от них тошнит

меня выворачивает от этих реальных людей
скручивает от цивилизованного прогресса
я кричу
что не хочу ни реальной жизни
ни
реального искусства
и я продолжаю трахаться с ними
каждый день
открыв глаза
отправляюсь
в адъ
но мое тело еще не мертво
потому что
по ночам
я чувствую боль
и
увидев
осколок неба в стакане
думаю
какая это хуйня
вся эта ваша реальность
с которой я трахаюсь
потому что
я видела
я знаю
сказал смешной человек
и умер
а другой человек сказал
что смотрел на все
сквозь пальцы

а
потом он сжал кулак
и уши его полны слезами
от глаз
которые глядят в потолок
и для реальности
это тоже
хуйня
мы
с ней
на равных

ПАЦЬЕНТ У ДОКТАРА. What do you feel? You know I thought it has ended. Of course, I used to feel the pain. I mean the physical pain. But I tried to think it wasn't true. It was my principle. Because I didn't want to think what my body feels. But last month it has become insufferably. Every night I try to sleep I couldn't do it. All around of me fall in dreams, I listen silence but I hear the pain. Something awful has located in my body. At nights it wakes up and begins to slide along my spine. It picks the spine, scratches, sucks my body. It is insufferably. I used to think I can not think about the body. But last month every night I pray to my body and ask it doesn't suffer... I think you are healthy.

Что вы чувствуете? Вы знаете, я думала, это закончилось. Конечно, я и раньше чувствовала боль, имею в виду физическую боль. Но я старалась не думать об этом. Потому что менее всего меня интересовало, что чувствует мое тело. Но в последний месяц это стало невыносимо. Каждую ночь, когда я стараюсь заснуть, я не могу этого сделать. Все вокруг меня

засыпает, я слушаю тишину, а слышу только боль моего тела. Что-то ужасное поселилось в моем теле. По ночам это «ужасное» просыпается и начинает скользить вдоль моего позвоночника. Оно грызет мой позвоночник, царапается, сосет. Это невыносимо. Раньше я думала, что могу не думать о моем теле. Но теперь каждую ночь я молюсь моему телу, умоляя его не страдать... Я думаю, что вы здоровы.

БЛОГЕР. Я читаю в блоге у своего виртуального друга...ну не друга, в смысле, моего, как я их называю, «эд э фрэнд». Ну вот. Он запостил (даю в сокращении, целиком читать по ссылке):

«Валить хотят все больше и больше... Я всегда очень осторожно отвечаю на письма и комментарии потенциальных эмигрантов. Не потому что «Лондон-не-резиновый», а потому что переезд в другую страну – это дело ответственное. И не всем эмиграция одинаково полезна.

Итак, вам стоит эмигрировать, если...

1. Вам надоело ежедневное хамство.
2. Вы любите играть по правилам.
3. Вам нравится предсказуемость.
4. Вам сложно стать настоящим профессионалом по не зависящим от вас обстоятельствам.
5. Вы не любите бюрократию.
6. Российский климат не для вас.
7. Российская политика сводит вас с ума.
8. Вас напрягает патриотический угар ваших соотечественников.
9. Вы в меньшинстве.

10. Личная безопасность для вас превыше всего!

Мне понравился п. 9. На эту запись моему «эд э фрэнд» оставили 2391 comments. Мне комментарий не оставили.

ДЭМАНСТРАНТ. Людзі расчараваныя канчаткова. Заклікі заставацца ўспрымаюцца са з'едлівымі каментарамі: што значыць «стойце»?

Уздымаецца трэцяя хваля страху, таму што раптам... дык сляпыя ж вядуць сляпых! Людзі блукаюць. У мяне паніка, адчуваю, як трымціць усё ўнутры. Я разумею, што дзіка баюся, і мне праз гэта вельмі сорамна. Мы сыходзім за касцёл. Паміж плотаў бачу войска «касманаўтаў». Яны так блізка, што падкошваюцца ногі. Я жывёліна, так, я жывёліна, і мне так страшна, што цяжка дыхаць. Гэта нават не фізічны страх, а штосьці іншае.

Я разумею, што нічога не зрабіў. Але таксама разумею, што «тым» усё адно. Галоўнае — асмеліўся... А можа, сапраўды я вінаваты?

Мы заходзім у краму. Я купляю цыгарэты. Выходзім і бачым, як на нас рухаецца натоўп. Па размовах разумеем: пачалося. «Касманаўты» пайшлі на людзей.

ЛІТАРАТАР. Я размножаюсь. В смысле, у меня ощущение собственной множественности, как будто меня много. Когда я начал писать стихи, придумал себе псевдоним — Ян Русецкий. Потом я однажды сыграл роль в спектакле и попросил, чтобы на афише написали Артемий Безвинный. Тогда у меня спросили: зачем? Я ответил, что Игнатов — это я, Русецкий — это поэт, а Безвинный будет актером. После этого я начал

фотографировать и рассылать свои работы, подписываясь как Артур Поречный. Мой друг у меня спросил, зачем я это делаю. Я ответил, что Игнатов — это я, Русецкий — это писатель, Безвинный — актер, а Поречный будет фотографом. Потом я начал рисовать, и у меня ничего не получилось. А потом я однажды позвонил и представился Яном Поречным. После чего замолчал и положил трубку. А потом я подумал, что если меня не станет, никто, даже я сам, не сможет собрать меня в единое целое. Фрагменты меня будут безнадежно блуждать в пространстве в поисках меня и никогда не найдут... Хватит, подумал я. Почему Тимофей Игнатов не может быть поэтом, актером, фотографом, если захочет художником? Сегодня же перепишу все фамилии!...

ЖАНЧЫНА, ЯКАЯ КОРМІЦЬ КАЧАК. Сначала я стала художницей, а потом научилась рисовать... Да, я художница, да, я вижу картины на внутренней стороне своих век. Значит, я художница... Плотно сжатые губы, уста в тишине... А дальше? Думай, чувствуй... Я смотрю в воду и бросаю туда остатки мороженого. В эти минуты я есть то, чем хочу быть. Принять тишину как образ существования. Да, нужно замолчать... Я художница... Не поддаваться на соблазны. Страсти разрушают, заставляют забыть то настоящее, что ударяется о непробиваемые стены моего тела. Убежать, исчезнуть в мыслях, грезах. Не дать разрушить мир, созданный и наполненный. Я не хочу, чтобы ты разрушил мой мир, созданный и наполненный!... Как хорошо думаю! Я же не запомню, а значит, не запишу. Не важно. Я вижу картины на внутренней стороне своих век... Ты даешь мне силу, ты наполняешь меня волей. Тело бьется в судорогах, вспоминая вкус пальцев бегущих

по спине. Куда он ушел? Мне все равно... Мне не все равно!
Солнце, спасибо тебе.

Я художник, теряющий глаза и сердце свои, которые бросаются
мною на съедение уткам!

ДЭМАНСТРАНТ. Палова на 12-ю. Мы ідзем да прыяцеля,
які жыве непадалёк. Ён адзін, яго сябар яшчэ адтуль не вярнуўся.
Хутка з'яўляецца Юрась з вар'яцкімі вачыма: «Бляць! Там цэлае
войска!» Ён расказвае, як праводзілася «аперацыя». «Яны
сказалі, што калі арганізатары здадуць апаратуру, не будуць
чапаць людзей. Апаратуру здалі. І тут пачалося!»

Мы сыходзім, каб паспець на апошнюю электрычку
ў метро. У вагонах ціха. Спрабую глядзець на людзей. Ніхто
не падымае вачэй. Даязджаю да сваёй станцыі. Ужо дома
спрабую нарэшце даведацца, што адбылося насамрэч і колькі
нас было. Уваходжу ў інтэрнэт. Тое, што бачу — жах. Спрабую
рабіць «перапосты» — пальцы дранцвеюць. Нешта каментую,
выдаляю, таму што, як мне здаецца, на жалобу не маю права.
Страшна. Кладуся спаць. Не магу. Торгаюся ад любога
шоргату... Я жывёліна.

Раніцай чытаю пра арышты ў офісах. Я плачу. Людзі на вуліцы
не глядзяць адно адному ў вочы.

Я жывёліна.

ДЗЯЎЧЫНА Ў СУКЕНЦЫ І БОТАХ. Я паглядзела ў вакно і,
напэўна, трэба было легчы спаць: прыняць душ, пачысціць
зубы, выпіць вады, прачытаць некалькі абзацаў Гройса і легчы
спаць. Але тут мяне «зносіць з завесаў», я апранаю сваю новую
берлінскую сукенку, боты, фарбую вусны яркай памадай
і сыходжу ў ноч.

Насустрач ідуць мужчыны. Я не хаваю вочы, з выклікам гляджу ім у твары, прымаю іхні запал, але праходжу міма. Саджуся на цягнік і еду ў цэнтр горада. Ноч толькі пачынаецца. За столікамі на вуліцы сядзяць людзі, п'юць, ядуць, размаўляюць і гучна смяюцца. Я іх не чую. У маёй галаве – *балады забойцы* – Кейв разаграе маю свядомасць. Я іду. Я мрою. Я шукаю. На супрацьлеглым баку вуліцы бачу натоўп людзей. Стаўлю «Баладу забойцы» на паўзу і – чую музыку. Не думаю, пераходжу вуліцу, лаўлю погляды разагрэтых алкаголем мужчын. Купляю квіток, мне ставяць пячатку на руцэ, і я іду туды, дзе гучыць музыка. Спускаюся ў сутарэнні. На танцпляцы рухаюцца людзі. Не спыняючыся, уваходжу ў самы цэнтр пляцоўкі і таксама пачынаюць рухацца. Павольна, нібы тая змяя, раскручваюся ад жывата да пятак і пальцаў. Заплюшчваю вочы, хістаюся ў моры гукаў. Адчуваю лёгкі дотык. Але вочы не расплюшчваю, толькі адчуваю гарачыню іншага цела. Яно зусім блізка, прыціскаецца да мяне, дышае. Я аддаюся яму, мы плывем пад лянiвы соўл.

Мяне бяруць за руку: «Let's go». Вочы расплюшчваю і бачу цёмнакурага хлопца. Мы ідзем да століка ў куце бара, дзе сядзіць кампанія. «Hi!» – чую я. Цёмнакуры хлопец садзіць мяне да сябе на калені. Яго сябар дастае пакецік з белым парашком і акуратна насыпае белыя дарожкі. Я адчуваю руку, якая залазіць мне пад сукенку. Разумею, што гэта прыяцель цёмнакурага хлопца, у якога я сяджу на каленях. Мой новы boyfriend бачыць гэта. Ён не супраць. Я ўсміхаюся. Яны ўдыхаюць белы парашок. Цяпер мая чарга ... Катастрофа, бяць! Дадому хачу! Я махаю галавой, кажу, што I'm drunk and I like to smoke. Мы смяемся. Я разумею, што сыходзіць трэба непрыкметна.

Галоўнае – паабяцаць працяг вечарыны. Устаю і кажу, што хачу ў прыбіральню. Сябар майго хлопца хоча пайсці са мной. Па дарозе ён хапае мяне за азадак: «You are sexy!» Усміхаюся, разумеючы, што зараз атрымаю па поўнай. Трэба бегчы. Заходжу ў туалет. Праз круглае шкляное акно бачу, што ён заходзіць у мужчынскі. Выскокваю з прыбіральні і хутка, не падымаючы галавы, праз танцпляц іду да лесвіцы, якая вядзе наверх. Падымаюся па прыступках і выходжу на вуліцу. Па-ранейшаму натоўп людзей. Пераходжу дарогу, праходжу праз тунэль і хуткім крокам іду ў бок метро.

Я стаяла на пустой платформе, чакала электрычку і разглядала ў вітрыне кіёска незнаёмую мне дзяўчыну ў чырвонай сукенцы, ботах на голую нагу і з размазанымі па твары вуснамі. Яна не ўсміхалася. Яна не плакала, і яе не калаціла. Яна мёртвай птушкай глядзела на мяне і прасіла хутчэй давесці яе дадому. Потым, калі мы падыходзілі, ужо ля дзвярэй яна раптам спынілася перад уваходам і прайшла міма. Я бачыла, як яна зайшла за рог, праз некалькі хвілінаў вярнулася і зноў спынілася перад уваходам. Мы выпалілі па цыгарэце і нарэшце зайшлі ў дом.

Я зняла сукенку і боты, прыняла душ, пачысціла зубы, прачытала некалькі абзацаў Гройса і лягла спаць.

Не, я проста зайшла ў пакой, дзе гарэла святло, і ўпала пад стол, дзе сёння і было маё. Месца.

ПАЦЬЕНТ У ДОКТАРА. What do you feel? You know, it's like a dream. I dream that my flight has happened and I'm in another's

body again. The embryo is pushed out. But it desperately stands up. I feel like something important is destroyed inside of me. Possibly it's right way because permanent renewal is possible if you are always ready to lose anything. That's why I lose, I lose, I lose all time... Somebody's hands reach out for me. But it's a mousetrap, I know. I'm a body which is... Which body?.. I feel I'm leaved in a dark room. You know, I'm afraid when I'm leaved. All things around of me become very strange. The ceiling replace with the floor. Desperately I call somebody. Nobody hear me. I cry... Now you can wake up.

Что вы чувствуете? Знаете, это похоже на сон... Мне снится, что мой побег удался и меня опять бросили в обстоятельства какой-то чужой мне жизни... Эмбрион выталкивают в мир, а он отчаянно сопротивляется. Как будто что-то уничтожается внутри меня. Возможно, это правильно, ибо вечное обновление возможно только при условии утраты. Вот я и трачу, трачу, трачу... Руки тянутся со всех сторон. Но это мышеловка, я знаю. Я – тело, которое. Которое тело?.. Меня оставляют в темной комнате, а я, знаете, ужасно боюсь, когда меня оставляют. Окружающие предметы приобретают искаженные черты, потолок и пол меняются местами, я отчаянно кого-то зову. Меня не слышат. Я плачу... Теперь вы можете проснуться.

ЛИТАРАТАР. Хватит, подумал я. Почему Тимофей Игнатов не может быть поэтом, актером, фотографом, если захочет – художником? Сегодня же перепишу все фамилии!... Так я думал и шел по проспекту. Как вдруг меня остановила девушка. Она проводила какой-то опрос по поводу любимых

книг. Я сказал, что люблю Набокова... почему-то. Первым, кто появился в голове, был Набоков. Ну, я и сказал. Она спросила, кто я. Художник, говорю. «А как вас зовут?» Сделав вдох, я ответил: «Русецкий я. Артур Русецкий». Почему я так сказал?

ПАЦИЕНТ У ДОКТАРА. What do you feel? Nothing, I have already felt nothing.

Что вы чувствуете? Ничего, я больше ничего не чувствую.

АЎТАР, ЯКІ ЧЫТАЕ МАНАЛОГ ЗАМЕСТ ЯПОНСКАГА ПАЖАРНАГА, ЯКІ Ё ТОЙ МОМАНТ ГАСІЎ РЭАКТАР «ФУКУСИМА-1». Здысь долён быў быць монолог японскага пожарнага, котры в гэты момант тушыць ядэрны рэактар «Фукусима-1». Тагда в навістях я ўвядела інтэрв'ю с начальнікам японскіх спасатэлей, котры рукаводіў атрадам абрэчэнных на смерць людзей. Он не мог адекватна камэнтаваць тое, што прыходзіць. Ёму задалі пытанне, он замолчаў. Я помню яго каменнае ліца. В той момант я адчуваў, як он барацься са сваімі эмоцыямі, таму што на яго глядзяць мільёны людзей на ўсёй планеце. Як он можа пракамэнтаваць сьвядомы выбар дзясяткаў японцаў пажартаваць сваімі жыццямі? Я вельмі доўга і многа думала аб гэтым японца, так многа, што аднажды задала сабе пытанне: чаму ты так многа аб ім думаеш? Сочувствуеш? Перажываеш? Не абманывай сябе! Усе раўна, табе ўсе раўна, таму што ты больша нічога не адчуваеш.

И вдруг поняла, чем поразил меня тот японец с каменным

лицом. Я смотрела на него, как будто смотрела в зеркало. Я видела в нем себя.

Он стал моими глазами и нервами, которые позволяют мне все еще жить.

КОДА. Some doors ago I saw eine Traum. I hear firecracker explosions and look out of the window. I see people who flying in the sky with parachutes. Яны падаюць у двор майго дома as mushrooms. But... Это не взрывы хлопушек и не фейерверки. I understand. Я, нарэшце, понимаю. Ich gehe ins andere Zimmer und sehe im Fenster. Ich see large wave. Das ist blast wave. Im moment I understand now all is not end, but das ist the beginning. Я бегу куда-то и от кого-то, спотыкаюсь о камни, разбросанные моей рукой, моя голова распухает и вдруг лопается, как мыльный пузырь... My body continues running. Камни, летящие с неба. Удар. I lose consciousness. I fall in the emptiness. I warte einen Start.

Много лет назад я видела сон. Я слышу взрывы хлопушек и смотрю в окно. Я вижу людей, парящих в небе с парашютами. Они падают во двор моего дома. Но... это не взрывы хлопушек и не фейерверки. Я иду в другую комнату и смотрю в окно. Я вижу огромную волну. Это взрывная волна. В этот момент я понимаю, что это не конец, а только начало. Я бегу куда-то и от кого-то, спотыкаюсь о камни, разбросанные моей рукой, моя голова распухает и вдруг лопается, как мыльный пузырь... Мое тело продолжает бежать. Камни, летящие с неба. Удар. Я теряю сознание. Я падаю в пустоту. Я жду начала.

P.S. 1

Дарагая мама,
цяпер я ведаю, што трэба рабіць,
калі прачнуўся зранку, а твар апух

P.S. 2

Трэба засунуць у рот хуй.

P.S. 3

Сур'ёзнай размовы сённа не атрымаецца. Пайдзі ўбіваць цвікі.

Сакавік 2011

Римма Ушкевич

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ МАЛЕНЬКОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ СТРАНЫ

Действующие лица:

Он, водитель, мужчина за 40, подтянутый, с бородой, добродушный.

Она, не больше 25 лет, симпатичная.

Сцена 1.

Действие происходит в кабине фуры.

ОН. Как, ты говоришь, тебя зовут?

ОНА. Анеля. А-не-ля.

ОН. Так вот, Анеля, сейчас мы заправимся, а потом я тебя накормлю. Ты ведь хочешь кушать?

ОНА. Ну-у-у, если честно, то как-то не очень.

ОН. Через пять километров заправка, там можно поесть. Только евро нужно поменять.

Она молчит.

ОН. У меня совсем нет ваших рублей.

Едут молча. Водитель переключает каналы радио.

А-не-ля. И давно ты уехала из своей страны?

ОНА. Полгода назад.

ОН. Я часто тут бываю – всегда через нее проезжаю, когда груз на Восток везу.

Она молчит.

ОН. Чисто у вас, хорошо. Я бы не уезжал. Мужика себе не нашла здесь, или что? Зачем уехала?

ОНА. Много всего.

ОН. Что?

ОНА. Говорю, много причин.

ОН. Я сам родился в Ужгороде, но потом мы переехали в Чехию – отец работу получил на лесопилке.

ОНА. Я родилась в Магдебурге, у меня отец военный, а мы потом сюда переехали. То есть туда, в эту страну. Слава Богу, это не моя страна больше.

ОН. А родители твои там остались?

ОНА. Им там хорошо.

ОН. Да-да, старость надо встречать там, где прошла молодость.

Она молчит. Он берет сигарету, тянется за зажигалкой.

ОН. А ты куришь? Анеля?

ОНА. Нет.

ОН. Правильно.

Закуривает. Едут в тишине.

ОН. А мужчина у тебя есть?

ОНА. Очень личный вопрос.

ОН. Спрашиваю просто. Такая симпатичная девушка, нравишься мне.

ОНА. Спасибо.

Едут молча.

ОН. Я спать уже хочу. Скоро надо будет делать стоянку.

ОНА. Хорошо. Я на стоянке выйду.

ОН. *(смотрит на нее)*. Наверху спать можешь.

ОНА. Спасибо, но мне надо ехать. Надо быстро.

ОН. Зачем так быстро?

ОНА. Работа. Мне работать надо.

Молчат. Она роется в сумке и достает оттуда диск.

Вам нравится «Депеш мод»? Просто супер.

*Протягивает диск, он берет его, не отрываясь от руля, одной рукой ставит его в отверстие. Звучит хит.
Какое-то время едут молча.*

ОН. Сколько ты зарабатываешь, Анеля?

ОНА. Не очень много.

ОН. Я знаю, что не очень много! Откуда такая красавица много заработать может? Если только она не работает, пока едет... *(Смеется со своей шутки.)*

Она морщится, молчит.

ОН. Так вот что, Анеля. Я имею деньги, достаточно денег. У тебя денег нету. Я хочу тебе немного помочь. Дам тебе (*думает*) двести евро?

ОНА. Спасибо, мне деньги не нужны.

ОН (*после долгой паузы*). У меня была женщина, которой я помогал. Эта женщина была моей соседкой. Жила через дом. Звали Мадина. Или Милана – хрен вспомнишь сейчас. Да в общем, неважно, как звали эту бабу. Она была страшной, зубы выпирали, тощая, как перекладина, но у нее вечно водились какие-то мужики. Она почему-то нравилась мужчинам, Анеля. Слышишь меня? Как смерть страшна, а мужики ходили к ней в дом. Не знаю, что они там делали, может, она им массаж какой делала или мастерица по минуте была... У этой Мадины – пусть она будет Мадина – когда-то был муж, который сделал ей ребенка. Девочку. Я хорошо помню этого ребенка, ее назвали Ангелинка. Однажды этот муж повел Ангелинку во двор, катать на карусели. У нас во дворе стоит детская площадка, там несколько каруселей (*закуривает*). Дите малое, годика ей два или три. А он, идиот долговязый, раскатал так, что девочка кричать не могла, под самую верхушку. Кто постарше, те еще могут так лихачить, а тут маленький ребенок. Она со страху к папе потянулась, руки отпустила и полетела с качели этой... Сломал шею себе этот ребенок. Муж Мадины сначала даже не сообразил, что делать, обосрался со страху, наверное. Так и простоял над Ангелинкой полчаса, как мне сосед рассказывал. А потом позвал этого соседа на помощь. Повезли Ангелинку в больницу. Врач говорит – почему так поздно привезли? Если бы на полчаса раньше, еще можно было бы спасти. А так шансов почти нет. Так и померла эта Ангелинка наутро. Косточки тонкие,

что ж ты хочешь. Мадина после этого выгнала мужа своего – или сам он ушел, про это никто не знает. Он на другом конце города живет, у него, сосед рассказывал, семья есть. А Мадина начала худеть, страшнеть, опустилась женщина – несчастье такое. Однажды пришла ко мне на порог – хорошо, жены дома не было (или она так специально рассчитала?) и сказала: сосед, дай немного денег. Я, говорит, знаю, что ты неплохой человек, хоть мы и не дружим, но идти тут больше не к кому. Стоит на пороге, а я смотрю, у нее на лице какие-то точки. Что это за точки, не знаю, может, показалось. Мне стало вдруг ее так жалко и так вдруг захотелось, чтобы она ушла, что я дал ей эти деньги – у меня они тогда уже были. Мадина так смотрела, когда я их считал. На руки и на деньги. Я дал ей немного, но на месяц хватило бы, для одного человека. Она не работала тогда нигде. Поблагодарила, ушла. С тех пор еще два раза приходила, предлагала себя один раз, но мне же противно, я не могу с теми, кто мне не нравится, а Мадина была ой как нехороша уже... Но мне ее стало как-то жалко, понимаешь, как-то по-человечески. И я больше тебе скажу, Анеля, я теперь к женщинам отношусь по-другому. Мне очень жалко женщин. ОНА. Я хочу писать. Остановите, пожалуйста, я очень хочу в туалет.

ОН. Сейчас, Анеля, вон заправку вижу. Там сходишь.

Сцена 2.

Машина, он и она. Только что сели.

ОН. Суки. Денег поменять негде, что за страна. Где я сейчас эти деньги ваши высру? Мудаки, бля.

Она молчит.

Жрать охота, спать охота. Даже кофе не попьешь.

ОНА. У меня есть немного денег, вам хватит перекусить.

Роется в сумке, достает кошелек.

ОН. Положи сумку на место. Не буду я у тебя денег брать.

ОНА. Сейчас нигде здесь не поменяешь денег. У нас в это время ничего не работает. В город ехать надо.

ОН. Ишь как заговорила – у нас.

Она молчит.

ОН. Я бы тоже из такой страны чокнутой съехал. Ты представь, ни один не захотел валюту взять! Где они такой подарок получат еще? Я переплачивал.

ОНА. На этой трассе, кажется, есть заправки, там можно поменять деньги...

ОН. Да в жопу они пошли. Я сейчас на стоянку приеду, там свои будут, не пропаду.

Смотрит на нее внимательно.

А ты, Анеля, куда пойдешь теперь, а?

ОНА. Ночной автостоп – это не так страшно (*смеется*).

ОН. (*После паузы*). Нет, слушай. Я тебе реально предлагаю поспать в этой машине. У меня два места, я внизу буду, ты наверху.

ОНА. Спасибо, но мне надо быстро. Послезавтра первый день на новой работе.

ОН. Ты не успеешь, Анеля, вот что я скажу. Ты не успеешь – еще пятьсот километров, на трассах новый порядок, завтра я буду утром выезжать, довезу тебя до удобной развилки.

ОНА. Спасибо. Я подумала уже. Поеду.

Молчат.

ОН. Анеля.

ОНА. А?

ОН. Расскажи мне что-нибудь, я уже засыпаю.

ОНА. У меня дядя умер недавно. У него пневмония. Все органы отказали, одно сердце работало.

ОН (*помолчав*). Веселые истории любишь?

ОНА. Не знаю.

ОН. Любила ты своего дядю?

ОНА. Я? Да нет, не особо.

ОН. Почему?

ОНА. Что почему?

ОН. Почему ты дядю не любила?

Включает радио.

ОНА. (*повышая голос*). Ну, любила как племянница, наверное.

ОН. Что говоришь?

ОНА. Я вопроса не понимаю.

ОН. Чего тут не понимать. Я спрашиваю, любила ли ты своего дядю?

ОНА (*громко*). Не любила я этого мудака! За что его любить? Он избивал свою жену, а однажды запер меня в шкафу, в восемь лет.

ОН. Хорошо.

ОНА (*гневно*). Что?

ОН. Хорошо.

ОНА (*кричит*). Что хорошо?

ОН. Что честно ответила.

Она молчит.

Знаешь, Анеля, у меня здесь, в твоей стране, тетка была. Она жила и ненавидела своего мужа. Мужик ее на войне побывал и теперь инвалид. Она его ненавидит, и все в доме его ненавидят. Даже дети. Только почему-то все делали вид, особенно, когда я приезжал, что все у них хорошо. Этот мужик, он ведь мой дядя, получается, почти не ходит, только под себя. Иногда специально, как ребенок. Назло. Когда я к ним приезжал, все таки ходили вокруг него, Тимофей Иванович то, Тимофей Иванович сё. Однажды я увидел, как его жена, когда кормила его, начала размазывать кашу по его лицу. Он молчит, значит, привык уже. Живут люди, на пенсию какую-то нищую, оба инвалиды, ненавидят один другого. А потом моя тетка померла, а мужа отправили в государственный дом, никому он уже не был нужен. Я отправил на похороны деньги, потому что приехать не мог. Так и не был там с того времени.

Открывает окно.

О чем думаешь, Анеля?

ОНА. О вас.

ОН. Обо мне? Как приятно...

ОНА. Я думаю, что деньги – это очень удобно. Можно откупаться.

Он закуривает.

ОН. Откупаться, Анеля?

ОНА. Та женщина, потом ваша тетка – самое простое дело, дать им денег и сказать: вот, примите и отъебитесь от меня.

Он невозмутимо смотрит вперед, на дорогу.

Я говорю, все правильно! Как еще можно помочь сумасшедшей матери, которая потеряла ребенка, или тетке, которая только и ждет, чтобы сдох ее муж или чтобы самой помереть, потому что жить за такие деньги, тянуть на себе ветерана, — это же просто невозможно! Мне все понятно, по-другому просто нельзя, вы же не виноваты в этом, правильно? Вы же не могли отвечать за этих людей, за то, что им попадались уроды, кровопийцы, и все, что вы можете для них сделать – это дать немного денег, факт? Почему? Потому, что вам их жалко, потому что вы – до-о-о-обрый. Добрый человек из Европы. Который работает, как ему нравится и получает за это хорошие деньги. И он может себе позволить дать беднякам немного денег. Вот, возьмите, возьми, Анеля. Ты уехала из своей бедной страны, ты – эмигрант, тебе тяжело, эмигрантов в Европе уже выше крыши, они уже осточертели, вы же в курсе этого, да? Вам же не нравится, что к вам так и прут из Восточной Европы? Этот процесс интеграции – вам он вот где сидит! Я слышу это почти каждый день и раздумываю — а не вернуться ли мне домой? Мама страшно скучает. Отец оставляет мне квартиру. В центре, где я работаю, на меня до сих пор смотрят как на тупицу, когда я слово скажу поперек. Платят по придуманному курсу. Все прекрасно, вырвалась, называется. Что? Хочу ли я

обратно? Нет, спасибо, не надо. Еще полгода, я найду другую работу, а может, куда еще подамся. Знаете, что было главным для меня? То, что я вырвалась! А это было ой как нелегко. Так что теперь уже ничего не страшно...

Машина резко тормозит.

ОН. Курва!

Останавливается. Выходят.

ОНА. Это что?

ОН. Заяц. Мы сбили зайца, Анеля.

ОНА (*закрывая рот рукой*). Ужас какой!

ОН. Дурак. Прутся на свет фар, прямо под колеса.

ОНА. Наверное, свет их завораживает.

ОН. Я как-то корову сбил вот так. А сколько было лис, котов, даже один медведь!

ОНА. Ни хрена себе!

ОН. Медведя когда сбил, чуть сам в кювет не вылетел. Такой, сука, мощный был.

Молчат. Смотрят.

Иди в машину.

Она идет в машину, он оттаскивает зайца в сторону, мочится в стороне, заходит в кабину.

Сцена 3.

Молча едут какое-то время.

ОН. Скоро стоянка, Анеля.

ОНА. Да, вон светится.

ОН. Я хочу, чтобы ты приняла один подарок, Анеля. Двести евро.

Она молчит.

ОН. Это подарок.

Она медленно надевает куртку.

Просто потому, что ты сильная женщина. Сильная и умная. И я вижу, что ты хочешь достичь всего сама. Мне нравятся такие женщины.

Она молчит.

Они меня возбуждают, Анеля.

Она молчит.

Но мне не надо, чтобы ты что-то для меня за это делала. Просто прими это. Как дар небес. Как удачу на дороге. Подумай, у тебя еще есть время. Только совсем немного. ОНА (*смотрит вперед, потом поворачивает к нему голову*). Спасибо. Я уже подумала. Я не поеду дальше. Останусь здесь, в этой машине. А завтра вы меня вывезете на трассу, правда?

Занавес.

Павел Пряжко

ЖИЗНЬ УДАЛАСЬ

1.

*Вадим сидит на подлокотнике кресла.
По комнате туда-сюда ходит возбуждённый брат Вадима —
Алексей. Ходит-ходит-ходит. Он не может ничего сказать.
Вадим немного чувствует свою вину, хотя самому ему непо-
нятно, за что.*

2.

*Вадим в комнате целуется с Леной. Он валит девушку на диван.
Они занимаются любовью.*

3.

*Вадим сидит на стуле и стрижёт ногти, иногда помогая
себе зубами. Лежа на кровати, на Вадима смотрит Лена.
Вадим увлечён стрижкой ногтей и на девушку не обращает
внимания.*

ЛЕНА. Вадим, ты такой debil.

ВАДИМ (улыбаясь). Почему?

ЛЕНА. Ой!

Лена, словно ей всё надоело, откидывается на подушки.

ВАДИМ (*улыбаясь*). А когда ты меня на физкультуре видишь?

Лена, не меняя позы, молчит.

ВАДИМ. Лена? А когда ты меня на физкультуре видишь?...
Лена?

*Лена не отвечает. Вадим продолжает стричь ногти,
иногда помогая себе зубами.*

ВАДИМ (*улыбаясь*). Вас с Анжелой посадят за соблазнение.

ЛЕНА. Ой!

ВАДИМ. Да. За то, что вы меня соблазнили... Вы меня сначала напоили, а потом соблазнили. Пьяного. Хули...

Лена приподнимает голову.

ЛЕНА (*раздражённо*). Хули-хули! Дебил. Вадим, дай мне лучше сигарету.

Вадим, улыбаясь, подносит Лене зажигалку.

ЛЕНА. Дебил! Сигарету просила!

ВАДИМ. Лена, я шучу, успокойся.

*Вадим берёт со стола пачку, вынимает сигарету, прикуривает,
протягивает Лене. Лена, взяв сигарету, произносит.*

ЛЕНА. Пепку подай.

Входит Анжела. Как Вадим и Лена, она тоже в нижнем белье.

ВАДИМ (*улыбаясь*). Ну ты, Анжела, и срёшь. Так долго вообще.

Анжела замахивается на Вадима. Вадим прикрывает голову от вообразяемого удара.

ВАДИМ. Ой!

ЛЕНА. Вадим! Принеси пепку, блин! Сейчас на простынь.

*Анжела ложится к Лене под одеяло.
Вадим идёт к пепельнице. Анжела берёт у Лены сигарету, затягивается. Они курят по очереди. Вадим протягивает им пепельницу.*

ВАДИМ. Натё.

Одна из девушек берёт пепельницу. Вадим, глянув на свои ногти и чем-то не довольный, начинает откусывать ноготь.

ЛЕНА. Блядь, Вадим, не грызи ты ногти!

Лена бьёт Вадима в плечо. Он улыбается, ему это всё нравится.

ВАДИМ. Анжела, ты видишь, она меня пиздит!

*Лена замахивается ещё раз,
Вадим успеваёт вскочить с кровати.*

ВАДИМ. А я буду, во, смотри!

Вадим демонстративно грызёт ноготь.

ЛЕНА. Придурок! Как дебил, ты, Вадим, вообще!

ВАДИМ. Анжела, ты тоже считаешь, что я, как дебил?

ЛЕНА. Скажи ему, что он дебил!

*Затянувшись сигаретой, Анжела выдыхает дым,
ничего не отвечая.*

ЛЕНА. Дебил. Дала ножницы, блина! Что ты их грызёшь?!

*Анжела ложится на подушку.
Её мало интересует происходящее.*

ВАДИМ (*улыбаясь*). А ты что, не знала, что учителя физкультуры самые дебилы? Не знала?.. Лена?

ЛЕНА. Отвали, что ты хочешь?

ВАДИМ. Ты что, не знала, что учителя физкультуры самые дебилы?

Лена тушит окурок в пепельнице.

ВАДИМ (*улыбаясь*). Лена?

ЛЕНА. Что ты хочешь? Анжелу доставай вон!

ВАДИМ. Анжела обосралась уже и вон спит, всё. Скажи, Анжела?

*Анжела молчит, не меняя позы. Вадим и Лена,
улыбаясь, ждут её реакции.*

ВАДИМ. Анжела, покажи мне попу. У тебя такая попа красивая.

Анжела выставляет Вадиму попу.

ВАДИМ. Спасибо. У тебя попа красивее, чем у Лены.

ЛЕНА. Что?!

ВАДИМ. Шучу-шучу! У тебя тоже очень красивая попа.

ЛЕНА. Вот так вот! Понял?

Анжела ложится под одеяло.

Вадим садится на стул, надевает носки.

Лена, улыбаясь, смотрит, как Вадим одевается.

ВАДИМ. Что ты, Лена, так смотришь на меня?

ЛЕНА. Дебил.

Лена ставит пепельницу на пол.

ВАДИМ. Анжела, ты слышала из туалета, что я говорил? Вас обеих посадят за соблазнение. За то, что вы меня соблазнили.

ЛЕНА. Ой!

Лена встаёт с кровати, берёт с пола колготы, надевает.

ЛЕНА. Как дебил. (Кривляет.) Посадят за соблазнение, посадят за соблазнение. Вообще.

ВАДИМ (улыбаясь). А что?

Лена, натягивая колготы, произносит.

ЛЕНА. Анжела, пошли уже. Ещё химию надо на завтра делать, контрольную.

ВАДИМ. Идите. Идите, девочки, делайте химию...

*Лена срывается к Вадиму, пытается ударить его.
Вадим, улыбаясь, хватаят Лену за руки и не даёт
себя ударить. Им обоим весело.*

ЛЕНА. Пусти!

ВАДИМ. Да!

*Лена пытается ударить Вадима ногой. Вадим отпускает её,
отскакивает. Анжела встаёт с кровати, одевается,
она не обращает внимания на Вадима и Лену.
Для неё всё происходящее вполне традиционно.*

ЛЕНА. Вообще уже!

ВАДИМ (*улыбаясь*). Ты же сама на меня.

ЛЕНА. Я тебе сказала, всё! Вадим, ты понял?

Вадим, улыбаясь, смотрит на Лену.

ЛЕНА. Ты понял меня, Вадим?

ВАДИМ. А что ты хочешь, чтобы я понял, Лена?

ЛЕНА. Анжела, скажи ему!

АНЖЕЛА. Отстаньте, не могу найти второй носочек мой, где.

Анжела наклонилась под кровать в поисках носочка.

ЛЕНА. Вадим, я тебе сказала!

ВАДИМ (*улыбаясь*). А что мне будет?

ЛЕНА. Я тебе сказала, всё! Дай мне одеваться.

*Лена идёт к своим вещам, разбросанным возле кровати.
Анжела нашла носок, продолжает одеваться.*

ВАДИМ (*улыбаясь*). Лена. А что будет? Ты меня кастрируешь?

ЛЕНА. Я тебе сказала, всё.

ВАДИМ. Кастрируешь меня, да?

ЛЕНА. Дай мне одеваться, я тебе сказала, всё!

ВАДИМ. Пожалуйста, Лена, не кастрируй меня.

ЛЕНА. Отвали, Вадим!

ВАДИМ. Пожалуйста.

Обе девушки одеваются. Вадим издевается над Леной.

ВАДИМ. Ну, пожалуйста... Лена... Лена... Лена... Лена, ну, пожалуйста.

ЛЕНА. Пошёл в жопу.

ВАДИМ. А ты меня не кастрируешь?

ЛЕНА. Дай мне одеваться блин, задрало уже всё, хватит, Вадим, ты, как дебил бываешь себя ведёшь! Скажи ему, Анжела.

ВАДИМ. Ладно.

Все трое молча одеваются.

АНЖЕЛА. Так можно, короче, Вадим, мы завтра на физкультуру не придём?

ВАДИМ. Ладно. Приходите сразу после уроков, купите бутылку водки с Леной, будем бухать. Я возьму полторачку пива, да, Лена? Лена... Лена.

ЛЕНА. Что?

ВАДИМ. «Очаково»? Или какого тебе купить?

ЛЕНА. Какого хочешь! Ты же знаешь, какое я люблю, ну! Анжела, где мои сигареты ты не видела?

АНЖЕЛА. Неа.

ВАДИМ. Лена, вон они лежат. Я их на пол положил. Вон.

ЛЕНА. А, да, вижу.

ВАДИМ. Ладно, я тогда тебе куплю «Оболонь Лагер». А тебе что, Анжела?

АНЖЕЛА. Мне всё равно.

4.

В спортзале школы, Вадим в спортивном костюме, с болтающимся свистком на груди, разливает остатки из бутылки в пластиковые стаканчики. Два стаканчика держит Анжела, один он сам. Лена очень пьяная. Ей стаканчик держать не доверили.

АНЖЕЛА. Хватит ей.

ЛЕНА. Куда, блядь!

ВАДИМ. Чего ты?

ЛЕНА. Что, на хуй, хватит, блядь?!

ВАДИМ. Лена, всё разлили уже, всё.

ЛЕНА. Дай я...

АНЖЕЛА. Всё поровну, чего ты.

Лена заглядывает в два стаканчика, которые держит Анжела, сравнивает количество водки в одном и во втором. Вадим ставит, пустую бутылку к стене.

ЛЕНА. Вадим, на хуй?

ВАДИМ *(улыбаясь)*. Что?

ЛЕНА. Ты что схуел уже?

ВАДИМ *(улыбаясь)*. Ты такая пьяная вообще.

ЛЕНА. Убери бутылку на хуй!

ВАДИМ (*улыбаясь*). Зачем?

ЛЕНА. Быстро, я сказала!

ВАДИМ (*улыбаясь*). Зачем, Лена?

ЛЕНА. Лена, на хуй, Лена! А потом, блядь...

АНЖЕЛА. На.

*Анжела протягивает Лене стаканчик с водкой.
Лена берёт стаканчик, сравнивает количество водки с тем
стаканчиком, который в руках Анжелы.*

АНЖЕЛА. Одинаково, Лена.

ЛЕНА. Дебил.

ВАДИМ. Давайте. За 22 апреля.

ЛЕНА. Дебил, блядь, Вадим...

ВАДИМ (*улыбаясь*). За мумию. Сегодня у неё день рождения.

ЛЕНА. Пошёл на хуй! Вадим! Нормально выпить.

Вадим, улыбаясь, чокается с Леной.

ЛЕНА. Дебил, блядь.

ВАДИМ. Давай, Анжела.

Вадим чокается с Анжелой.

ЛЕНА. Убери бутылку, сказала! Завуч зайдёт!

АНЖЕЛА. Лена, какой завуч? Она уже давно в метро едет.

Вадим поднимает с пола стоящую возле его ног бутылку с напитком, протягивает Лене.

ВАДИМ (*улыбаясь*). На.

*Лена психует, вырывает у него из рук бутылку.
Вадим улыбается. Анжела улыбается тоже.*

ЛЕНА. Вообще, чтобы пила ещё, блядь...

ВАДИМ. Лена, пей, не задерживай.

ЛЕНА. Вообще, я сказала...

ВАДИМ (*улыбаясь*). Такая пьяная, тебя папа из дома выгонит.

Лена не реагирует на эту реплику, пьёт водку.

ВАДИМ (*улыбаясь*). Лена, тебе уже не идёт. Алкоголичка.

*Лена выпивает всю водку, запивает напитком.
Звенит звонок.*

ВАДИМ. Вторая смена. Это сейчас закончился первый урок у них.

АНЖЕЛА. Лена, оставь напиток. Мне ж тоже надо запить.

*Лена протягивает Анжеле бутылку с напитком.
Анжела берёт из рук Лены бутылку, пьёт водку.*

ЛЕНА. Где маты, блядь?

ВАДИМ (*улыбаясь*). Что?

ЛЕНА. Где маты, блядь!

ВАДИМ. Что ты говоришь, вообще не понимаю, Лена.

ЛЕНА. Маты! Маты, блядь!

ВАДИМ. А! Маты! Я думаю, манты. Какие манты?

Анжела, запив напитком, протягивает бутылку Вадиму.

ВАДИМ. А зачем они тебе?

Вадим пьёт водку.

ЛЕНА. Дебил.

Вадим запивает напитком.

ЛЕНА. Анжела, где моя сумочка?

АНЖЕЛА. Вон она, зачем тебе?

Лена, шатаясь, идёт за сумочкой.

АНЖЕЛА. Такая пьяная, вообще, Вадим.

ВАДИМ (*улыбаясь*). Хочу тебя, Анжела, в попу выебать.

Вадим подходит, обнимает Анжелу.

ВАДИМ. Ты ебалась уже так раньше?

АНЖЕЛА. Дурак.

*Вадим и Анжела смотрят на Лену,
которая, подняв сумочку, что-то ищет в ней.*

АНЖЕЛА. Лена, у меня сигареты.

*Вадим отстраняется от Анжелы, ему сильно зачесалось
спина, под лопаткой. Он чешет себе спину.*

ВАДИМ. Майка, блядь, такая колючая.

Лена вынимает из сумочки сотовый.

АНЖЕЛА. Ты что, будешь звонить?

ВАДИМ. Лена, не звони, ты что!

АНЖЕЛА. Прикинь, Вадим, папе звонит.

ВАДИМ. Лена, ты что, папе звонить собралась?

Вадим перестаёт чесать спину. Лена не реагирует на их реплики, ищет нужный ей номер.

ВАДИМ. Лена, ты только папе не звони. Он тебя посадит.

Лена, набрав номер, ждёт ответа.

ЛЕНА. Женья?... Ало?... Ало, это Женья?... Женья, что нам по физике задавали?... Что нам по физике задавали?!... Какой параграф?

ВАДИМ (*улыбаясь*). Лена, ты что будешь ещё сегодня физику делать?

Анжела усмехается.

ЛЕНА. Что?... Подожди!

Лена лезет в свою сумочку.

ВАДИМ. Пиздец.

АНЖЕЛА. Говори, я запомню, Лена!

ЛЕНА. Ало?... Какой ты говоришь параграф?... Сорок семь.

АНЖЕЛА. Хорошо, сорок семь, Лена.

ЛЕНА. Пока.

Лена прерывает связь, кладёт телефон в сумочку.

ВАДИМ. Чего она так опьянела?

АНЖЕЛА. Она же ничего не ела сегодня, Вадим.

*Лена застёгивает молнию на сумочке.
В спортзал входит Алексей. Он, как и Вадим, в спортивной
форме, со свистком на груди, в руках у него сетка с мячами.*

*Вадим, заметив его, сразу идёт за пустой бутылкой,
стоящей у стены и, подхватив её, выходит из спортзала.
Алексей на всё это оценивающе смотрит.*

АНЖЕЛА. А что, у тебя уже закончился урок с третьим классом?

*Не спуская глаз с Лены, которая борется с замком сумочки,
не замечая того, что он вошёл.*

АЛЕКСЕЙ. Он ещё не начинался.

*Алексей с мячами в руках идёт к Лене, останавливается
возле неё. Она его не замечает, пытаясь застегнуть сумочку.
Алексей, чтобы привлечь к себе внимание, громко свистит
в свой свисток, висящий на груди. Анжела улыбается.
Лена обращает внимание на Алексея.*

ЛЕНА. Привет.

Лена, поздоровавшись, продолжает заниматься замком.

АЛЕКСЕЙ. На хуя ты напилась опять?

ЛЕНА. Что?

АЛЕКСЕЙ. На хуя ты напилась опять, я спрашиваю?

Лена не отвечает, застёгивает сумочку.

АНЖЕЛА. Лёша, она просто не ела. Мы не много выпили.

АЛЕКСЕЙ. Сколько?

АНЖЕЛА. Ноль пять и полторачку пива на троих.

ЛЕНА. Отвезёшь меня домой?

АЛЕКСЕЙ. Что? У тебя язык заплетается, Лена!

ЛЕНА (*стараясь, произносит как можно внятней*). Отвезёшь меня домой?!

АЛЕКСЕЙ. Пиздец.

Алексей кладёт на пол сетку с мячами.

АЛЕКСЕЙ. А что вы ещё, Анжела, делали?

АНЖЕЛА. Ничего. Мы с Вадимом были дома, потом...

АЛЕКСЕЙ. Ясно. (*К Лене.*) Почему ты не поднимала, когда я звонил?

ЛЕНА. Когда это?

АЛЕКСЕЙ. Блядь, Лена, я тебе звонил через каждые полчаса!

ЛЕНА. Батарея села.

АЛЕКСЕЙ. Что?

ЛЕНА. У меня батарея села!

АНЖЕЛА. Лёша, не ругай её. Я тоже целый день не могла дозвониться до неё. У неё серьёзно батарея села, ну.

АЛЕКСЕЙ. Какие у тебя проблемы сейчас?

ЛЕНА. Проблемы.

АЛЕКСЕЙ. Какие у тебя проблемы, что? Что сейчас?

ЛЕНА. «Кол» по химии, по контрольной.

АЛЕКСЕЙ. Из-за этого надо напиваться?

АНЖЕЛА. Лёша, серьёзная контрольная, годовая вообще.

Мне тоже «кол» поставили.

АЛЕКСЕЙ. Так что из-за этого надо напиваться?!

ЛЕНА. Я тебя люблю.

АЛЕКСЕЙ. Что?

ЛЕНА (*стараясь как можно внятней*). Я тебя люблю!

АЛЕКСЕЙ. Да, конечно! Если б ты меня любила, ты б не напивалась через день.

АНЖЕЛА. Не ругай её, серьёзно, Лёша, просто не ела ничего сегодня вообще она.

АЛЕКСЕЙ. Чего ты не ела? Я ж тебе даю деньги.

АНЖЕЛА. Она тебя любит, серьёзно. Она мне с Вадимом все уши прожужжала и вообще про тебя только и говорит.

АЛЕКСЕЙ. Если б любила, не напивалась бы через день в говно вообще.

ЛЕНА. Котик.

АЛЕКСЕЙ. Что «котик»?! «Кол» по химии — пиздец конец света вообще?

ЛЕНА. Да.

АНЖЕЛА. Годовая контрольная вообще, Лёша, такая жопа у нас с ней в этом году.

ЛЕНА. Отвези меня домой.

АЛЕКСЕЙ. Что?

ЛЕНА (*стараясь внятнее*). Не бухти, котик, мне хуёво и так.

АЛЕКСЕЙ. Хуёво тебе?

ЛЕНА. Да.

АЛЕКСЕЙ. Пить надо меньше! Тогда хуёво не будет.

ЛЕНА. На душе хуёво.

АЛЕКСЕЙ. Это у меня на душе хуёво. На тебя глядя.

ЛЕНА. Дай сигарету.

АЛЕКСЕЙ. Какую тебе сигарету, блядь, ещё сигарету, блядь.

Ангела улыбается. Ей смешно, как Алексей нервничает.

АЛЕКСЕЙ (к Анжеле). Что тебе смешно?

*Лена вдруг тоже начинает улыбаться.
Ей кажется, что надо улыбаться, потому что
происходит что-то смешное.*

АЛЕКСЕЙ. Лена ты такая пьяная вообще. Пиздец.

Алексей берёт Лену под руку.

ЛЕНА. «Кол» получила, пиздец, прикинь.

АЛЕКСЕЙ. Пошли.

Входит Вадим. Он уже переоделся в повседневную одежду.

ВАДИМ. Всё, пошли, уходим. Закрывай спортзал.

АЛЕКСЕЙ. Какое закрывай! Вторая смена у тебя ещё, три урока, придурок!

ВАДИМ. Блядь! Точно!

АЛЕКСЕЙ. Ты что, домой собрался?

ВАДИМ. Блядь, Леха, точно, пошёл переодеваться!

АЛЕКСЕЙ. Дебил! Нас обоих со школы попрут!

ВАДИМ. Забей!

Вадим выходит из спортзала, чтобы опять переодеться в спортивный костюм и вести уроки.

АНЖЕЛА (*улыбаясь*). Ой, этот мой Вадим.

ЛЕНА (*улыбаясь*). Дебил. Домой собрался?

АЛЕКСЕЙ. Пошли, ты!

*Алексей выводит Лену. Анжела закуривает.
Входит Вадим, он ещё не успел переодеться.*

АНЖЕЛА. Вадим!

ВАДИМ. Ушёл брат?

АНЖЕЛА. Ушёл. Вадим, блядь, если он узнает, что ты спишь с нами обеими.

Вадим обнимает Анжелу.

ВАДИМ. Что будет?

АНЖЕЛА. Не знаю.

Звенит звонок.

АНЖЕЛА. Урок! Давай, иди мячи готовь!

*Вадим пытается поцеловать Анжелу.
Анжела отворачивается.*

АНЖЕЛА. Блин! Сейчас дети придут!

В спортзал вбегают переодетые в спортивную форму школьники. Девочки и мальчики, учащиеся третьего класса.

ВАДИМ. А! Точно! У меня ж сейчас третий «бэ». Самые дебилы. *(Кричит.)* Так! Построились!

АНЖЕЛА. Иди, переоденься вообще ты!

*Вадим выходит из спортзала.
Ангела смотрит на выстраивающихся в ряд детей.
Они собираются построиться и выполнять всё,
что им скажет учитель.*

5.

*Вадим сидит на подлокотнике кресла.
По комнате туда-сюда ходит возбуждённый
брат Вадима Алексей. Ходит-ходит-ходит.
Он не может ничего сказать. Вадим немного чувствует свою
вину, хотя самому ему непонятно, за что.
Алексей останавливается.*

АЛЕКСЕЙ. Хорошо. Ладно. Выгнали, хуй с ним. Сами, в принципе, собирались с этой школы уже уходить.

*Вадим у себя на предплечье усердно
отдирает сукровицу с засохшей царапины.
Алексей смотрит на Вадима.
Он понимает, что Вадиму всё пофиг.*

АЛЕКСЕЙ. Блядь! Вадим, на хуй!

ВАДИМ. Что?

АЛЕКСЕЙ. Слушай! Что.

ВАДИМ. Я слушаю, чего?

Вадим слюнявит пальцы. Водит слюнявыми пальцами по ранке, с которой содрал сукровицу.

АЛЕКСЕЙ. Ты слушай, блядь! А не ковыряйся там!

ВАДИМ. Я слушаю, Лёха. Всё. Слушаю.

АЛЕКСЕЙ. Ты будешь на Анжеле жениться после экзаменов, когда она сдаст?

ВАДИМ. Нет.

АЛЕКСЕЙ. Я буду жениться на Лене, сразу после экзаменов, мы уже договорились.

ВАДИМ. Поздравляю.

АЛЕКСЕЙ. Я люблю её. Вадим, ты мой брат, но я тебя предупреждаю, если я узнаю, что ты её хоть пальцем тронул или тронешь, я тебя убью.

Алексей подходит, прижимает сидящего Вадима к себе.

АЛЕКСЕЙ. Пусть другие не верят, пусть. Я, блядь, так плакал, сука, когда она последний раз пьяная была. Брат, блядь, у меня, кроме неё и тебя, никого больше нет.

*Вадим заинтересованно начинает грызть ноготь.
Алексей отстраняется, видит, что Вадим грызёт ноготь.*

ВАДИМ (*улыбаясь*). Заусенец, ну что?

АЛЕКСЕЙ. Бизнесом будем заниматься. Короче, будешь продавать дивиди-диски.

Вадим согласно кивает.

АЛЕКСЕЙ. А я буду стеклопакетами заниматься. Всё, брат, давай! Всё! Была школа, забыли! Выходим по ходу на новый жизненный этап.

Вадим и Алексей улыбаются друг другу.

6.

Комната невесты в ЗАГСе.

*Лена поправляет спадающую на лицо фату. Она нервничает.
Из зала бракосочетаний доносится музыка.*

ЛЕНА. Ёбаная фата, блядь!

Входит Вадим с бутылкой коньяка.

ВАДИМ. Мешает?

Не дожидаясь ответа, Вадим открывает коньяк.

ЛЕНА. А где Лёша?

ВАДИМ. Срёт. В комнате жениха. Понос, блядь.

ЛЕНА. Пиздец. А что он съел? (Фата упала на лицо.) Блядь!
(Поднимает фату.) Как она меня заебала!

Вадим, зубами пытаясь открыть пробку, произносит.

ВАДИМ. Слушай, я не дорубаю...

Вадим тянет зубами за пробку, Лена морщится.

ЛЕНА. Вадим, блядь, перестань.

ВАДИМ. Всё.

*Сняв пробку, Вадим разливает коньяк
в одноразовые стаканчики.*

ВАДИМ. А как ты женишься вообще, то есть замуж выходишь, я не дорубаю.

ЛЕНА. А что?

ВАДИМ. Тебе ж 16 лет.

ЛЕНА. Вадим, ты дебил?

ВАДИМ. А что?

ЛЕНА. Нет, ты дебил?

ВАДИМ. Нет, Лена.

ЛЕНА. А мне кажется ты дебил. Мне 18, Вадииим. Я, блядь, тебе миллион раз говорила, что в одном классе два года просидела.

ВАДИМ. А, точно.

ЛЕНА. В шестом. Вот так ты слушаешь, когда я тебе что-то говорю.

ВАДИМ. Точно. Котик, я забыл.

*Вадим, улыбаясь, хочет поцеловать Лену.
Лена отворачивается.*

ЛЕНА. Отвали!

Вадим, улыбаясь, протягивает Лене стаканчик с коньяком.

ВАДИМ. На.

Лена берёт стаканчик. Фата падает на лицо.

ЛЕНА. Блядь!

ВАДИМ. Давай я буду держать тебе фату, а ты пей.

ЛЕНА. Отвали!

Лена, придерживая фату, пьёт. Вадим смотрит на неё с улыбкой. Входит Анжела.

АНЖЕЛА. А! Уже без меня бухаете, офигеть.

*Лена выпила, протягивает Вадиму пустой стаканчик.
Вадим протягивает Анжеле стаканчик,
в который наливал себе.*

ВАДИМ. На.

*Лена пытается закрепить фату, чтобы не спадала.
Вадим наливает себе.*

ЛЕНА. Аттестаты принесла?

АНЖЕЛА. Сейчас, подожди, выпью.

*Анжела протягивает Лене аттестаты.
Вадим и Анжела пьют. Лена заглядывает в аттестат.*

ЛЕНА. Пиздец. Одни «колы».

Вадим, улыбаясь, произносит.

ВАДИМ. Покажи.

ЛЕНА. Отвали!

ВАДИМ. Ну, покажи, котик.

ЛЕНА. Отвали, сказала, Вадим... На, смотри, ну!

*Лена демонстрирует Вадиму аттестат.
Вадим хватается за голову, глядя в аттестат.*

ВАДИМ. Ёб твою мать.

*Лена невольно улыбается. Анжела, улыбаясь,
подходит и тоже смотрит в аттестат Лены.
Всем троим прикольно, что у Лены такие оценки.*

ВАДИМ. Ну, видишь, по физкультуре у тебя пятёрка.

ЛЕНА. Да!

Лена закрывает аттестат.

ВАДИМ (улыбаясь). Так ты, Лена, умная.

Лена, размахнувшись, бьёт Вадима рукой по спине.

ВАДИМ. А!

Лена улыбается. Вадим от боли выгибает спину.

АНЖЕЛА. У меня то же самое.

Вадим продолжает от боли выгибать спину.

ВАДИМ. А!

Лена, улыбаясь, размахивается, лупит его ещё раз.

ВАДИМ. А!! Лена, блядь!

Вадим выгибается от боли. Анжела улыбается, глядя на них.

Лена, улыбаясь, замахивается на Вадима ещё раз.

Вадим отскакивает.

ВАДИМ. Пошла отсюда, дурочка вообще!

Лена, улыбаясь, заглядывает в аттестат Анжелы.

Ей эта игра с Вадимом доставляет удовольствие.

Анжела подходит к Лене,

тоже заглядывает в свой аттестат.

Вадим выгибается от боли.

ВАДИМ. А!

Лена обращается к Вадиму.

ЛЕНА. Сигарету дай!

Вадим выпрямляется, запрокидывает голову, разминая шею,

вынимает из кармана сигарету, прикуривает.

Лена изучает аттестат Анжелы.

ЛЕНА. Мы с тобой, конечно, хорошо школу закончили.

Анжела улыбается. Лена отдаёт ей аттестаты.

Вадим протягивает Лене сигарету.

ВАДИМ. На.

*Лена торопливо курит.
Ангела и Вадим, глядя на неё, понимают,
что она волнуется по поводу предстоящей церемонии.*

ЛЕНА. А ну, что эта задротка, блядь, заучка! Ну что, ну кончила она школу с золотой медалью, ни краситься не умеет нормально, ничего толком.

Лена протягивает окурок Ангеле.

АНЖЕЛА. Борсак?

Ангела курит.

ЛЕНА. Да. Что она, эти знания по химии, куда она их применит в нормальной жизни? Она «гуччи» не отличит от «аш эн дэм», блядь! Покупали шампунь. Я беру, как обычно, «Виши» себе. Ой! На фига, ты такой шампунь дорогой берёшь?! Так, что мне, блядь, потом...

АНЖЕЛА. Она так, да?

ЛЕНА. Да. Так ты ж была тогда с нами, когда я этот шампунь покупала.

АНЖЕЛА. А, ну да.

ЛЕНА. Стояла, ты ещё взяла себе эту вафельку мюсли, фу, гадость эту, как ты её ешь вообще?

АНЖЕЛА. О, блин! Ты сказала, я ж тебе конфеты забыла, сейчас!

Анжела тушит окурок.

АНЖЕЛА. А! Только сейчас до меня дошло. А где жених, Лёша?

ВАДИМ. Последний раз был в туалете, в комнате жениха.

Вадим идёт к бутылке коньяка.

ЛЕНА. В комнате жениха. Срёт. У него понос.

Анжела от удивления делает такое смешное лицо.

ЛЕНА. Да. Вообще.

Анжела, словно сдерживая смех, шумно выдыхает.

ЛЕНА. Пиздец.

АНЖЕЛА. Ладно. Пошла за конфетами.

Анжела выходит. Вадим наливает коньяк в стаканчики.

ЛЕНА. Вадим, чуть-чуть!

Вадим протягивает Лене стаканчик.

ЛЕНА. Вадим, а что он ел?

ВАДИМ. Пельмени. На. Бери.

Лена берёт стаканчик.

ВАДИМ (*улыбаясь*). Ты такая красивая в этом платье, вообще.

ЛЕНА. Я тебя убью, Вадим.

ВАДИМ (*улыбаясь*). Офигеть. Оно тебе так идёт.

Лена пытается ударить Вадима. Вадим отскакивает.

ВАДИМ. Осторожно! Разолью ж!

ЛЕНА. Ты, Вадим, debil.

*Лена смотрит, как Вадим пьёт коньяк.
Она любит Вадима. Вадим, выпив, морщится.*

ВАДИМ. Пей. Чего ты.

Лена не пьёт и смотрит на Вадима.

ВАДИМ. Что?

*Вадим понимает, чего Лена хочет.
Он подходит, обнимает её.*

ЛЕНА. Наконец-то дошло.

ВАДИМ (*улыбаясь*). Чего.

Вадим и Лена целуются. Лена отстраняется, хмурится.

ВАДИМ. Лена, я тебе сказал сразу. Я жениться пока не хочу.

ЛЕНА. Всё, короче, Вадим. Это последний раз ты меня поцеловал.

ВАДИМ. Почему?

ЛЕНА. Потому что!

Лена пьёт.

ВАДИМ. Понимаешь, я не могу, как ты, жениться, потому что свадьба красивая приснилась.

*Лена, морщась оттого, что только что принятая порция
алкоголя ещё не улеглась в организме, произносит.*

ЛЕНА. Всё, сказала я, заткнись, Вадим, не беси меня!

*В комнату торопится войти Алексей
в нарядном свадебном костюме.*

ВАДИМ. Леха, они меня тут били вдвоём!

*Алексей поворачивается,
видит входящую Анжелу с коробкой конфет.*

АНЖЕЛА. Готовиться сказали, короче, уже.

*Алексей волнуется. Он хочет, чтобы всё прошло хорошо.
Он бросается сначала к бутылке с коньяком, затем к Лене,
поворачивается к Вадиму.*

АЛЕКСЕЙ. Вадим! Налей, блядь, по-быстрому!

*Вадим берёт у Лены стаканчик, разливает коньяк.
Алексей обращается к Лене.*

АЛЕКСЕЙ. Лена. Я тебя очень люблю. Очень-очень. Котёнок. У нас всё будет хорошо. Сейчас нас попёрли со школы, но мы занялись бизнесом с Вадимом...

Громко звучит музыка.

АЛЕКСЕЙ. Всё, пошли.

ЛЕНА. Подожди!

Вадим спешит раздать стаканчики с коньяком.

ЛЕНА. Анжела, где аттестаты?

АНЖЕЛА. У меня в сумочке.

ЛЕНА. Надо достать.

АЛЕКСЕЙ. Зачем, котёнок?

ЛЕНА. Показать как документ.

АЛЕКСЕЙ. Зачем?

ЛЕНА. Ну как, ну, показать!

АЛЕКСЕЙ. Солнце, аттестаты не нужны, когда женишься.

ЛЕНА. Ответь.

АЛЕКСЕЙ. Отвечаю.

АНЖЕЛА. Фу! Слава Богу, блядь!

ЛЕНА. Ну.

АНЖЕЛА. Хорошо, что хоть эта баба, которая расписывает...

ЛЕНА. Ну.

АНЖЕЛА. Не увидит, как невеста со свидетельницей учились вообще, ну.

Все, чокнувшись, спешат выпить. Пьют.

7.

Зал для бракосочетаний. Звучит музыка. Умиление и счастье на лицах всех присутствующих. Алексей, взяв Лену за руку, ведёт её к тумбе, за которой расписываются. Алексей горд и счастлив. Вадим и Анжела с улыбками наблюдают за ними. Лена и Алексей, по очереди расписавшись, спускаются с тумбы.

8.

Свадьба. Звучит Верка Сердючка. Очень пьяный и счастливый Алексей танцует. Он в центре круга. Тут же танцуют Анжела, Вадим и Лена. Вадим танцует, улыбаясь. Лену бесит, что Алексей такой пьяный. Они танцуют, танцуют, танцуют, танцуют.

9.

Звуки музыки доносятся и в это помещение. Вадим, обняв Лену, пытается её поцеловать.

ЛЕНА. Пусти.

Вадим не отпускает.

ЛЕНА. Пусти, Вадим, блядь. Надо было раньше.

Вадим отпускает Лену.

ВАДИМ (*улыбаясь*). Лена, я тогда буду бухать.

ЛЕНА. Дебил.

ВАДИМ. Каждый день.

Лена хочет уйти.

ВАДИМ. Лена! Котик.

ЛЕНА. Что.

ВАДИМ. Котик.

ЛЕНА. Вадим, блядь, сейчас «горько» кричать будут.

ВАДИМ. Ну, котик.

ЛЕНА. Что, блядь, что?

ВАДИМ. Ну, поцелуй меня.

Вадим хватает Лену за руку, держит.

ВАДИМ. Котик.

Лена молчит.

ВАДИМ. Котик... пожалуйста.

ЛЕНА. Что?

ВАДИМ. Давай поцелуемся.

Лена невольно начинает улыбаться.

ВАДИМ. Видишь, ты не можешь на меня долго злиться.

*Лена хочет сердиться на Вадима,
но всё равно улыбается и вырывает свою руку.*

ЛЕНА. Пусти, сказала!

ВАДИМ. Один поцелуй. На память.

*Лена смотрит на Вадима. Она любит его.
Вадим строит трогательно смешную рожицу.
Он уже тоже выпивший и не понимает,
насколько всё происходящее серьёзно для Лены.*

ВАДИМ. Пожалуйста.

Лена с новой силой хочет вырвать свою руку.

ЛЕНА. Пусти!

ВАДИМ. Ты хочешь, чтобы я бухал каждый день? У нас же с тобой любовь.

ЛЕНА. Блядь! Вадим! Какая это любовь, на хуй!

ВАДИМ. Котёнок, я тебя люблю.

ЛЕНА. Всё! Забудь! Я жена твоего брата!

*По всему видно, что эти слова задели Вадима и с болью они
дались Лене. Он понимает, что Лена сделала свой выбор.
Горько улыбаясь, Вадим произносит.*

ВАДИМ. Хорошо.

ГОЛОСА. Горько! Горько! Горько!

*Пьяный Алексей подходит и целует Лену.
Все кричат, аплодируют.*

10.

Танцы под Верку Сердючку.

Очень пьяный, но счастливый Алексей танцует возле и для Лены.

Лену это бесит. Вадим и Анжела танцую рядом. Вадим никакого внимания не обращает на Лену. Все танцуют, танцуют, танцуют. Фата постоянно падает Лене на лицо, к тому же Вадим совершенно не обращает на неё внимания.

Терпение Лены заканчивается, она решительно выходит.

Анжела смотрит ей вслед.

11.

Звуки музыки доносятся и в это помещение.

Нервничая, Лена прикуривает.

Входит Анжела с рюмками и бутылкой коньяка.

ЛЕНА. Это, короче, самая некрасивая свадьба, на которой я была. И это, блядь, моя собственная свадьба. Так начинать нельзя. Надо, короче, разводиться. А прикинь, этот придурок вообще сказал, что будет бухать каждый день.

Лена плачет.

АНЖЕЛА. Сейчас я его позову, сейчас мы придём с ним.

Анжела выбегает.

12.

*Вадим танцует на свадьбе. Ему нравится музыка.
Ему классно. Входит Анжела с бутылкой коньяка и рюмками.*

АНЖЕЛА. Где Лёша, Вадим?

ВАДИМ. В туалете.

Вадим хочет потанцевать с Анжелой.

АНЖЕЛА. Подожди. Вадим, короче Лена хочет разводиться.

ВАДИМ (*продолжая танцевать*). А мне, что от этого?

АНЖЕЛА. Вадим, она плачет там.

ВАДИМ. А мне что делать?

АНЖЕЛА. Иди её успокой.

Вадим молчит, танцует.

Он не собирается идти и успокаивать Лену.

АНЖЕЛА. Вадим, что ты, как debil, действительно себя ведёшь... Вадим!

ВАДИМ. Что?

АНЖЕЛА. Иди, блядь!

ВАДИМ. Что ты хочешь?

АНЖЕЛА. Иди Лену успокой. Она там плачет одна.

Вадим не реагирует.

АНЖЕЛА. Вадим, ты не слышишь, что ли?

ВАДИМ. Что ты хочешь?

АНЖЕЛА. Ты не слышишь, что я говорю?

ВАДИМ. Слышу.

АНЖЕЛА. Так иди её успокой.

Вадим не реагирует.

АНЖЕЛА. Вадим, блядь!

ВАДИМ. Что ты хочешь?

АНЖЕЛА. Иди Лену успокой.

Вадим не реагирует.

АНЖЕЛА. Вадим.

ВАДИМ. Блядь, как вы меня заебали все. Она меня звала?!

Она меня не звала, всё!

АНЖЕЛА. Она тебя звала.

ВАДИМ. Когда она меня звала?

АНЖЕЛА. Она тебя звала, Вадим... Она тебя звала. Вадим.

ВАДИМ. Всё. Я чисто бухаю на свадьбе. Я мечтал уже об этом давно.

АНЖЕЛА. Вадим.

ВАДИМ. Блядь, Анжела!

АНЖЕЛА. Что, тебе трудно?

ВАДИМ. Я не хочу.

Анжела собирается уходить.

ВАДИМ (*улыбаясь*). Ладно! Пошли.

*Вадим на ходу кладёт руку на попу Анжеле, целует в шею.
Анжеле приятно, она улыбается. Они выходят.*

13.

Заплаканная Лена видит Вадима. Вадим идёт к ней, следом Анжела с бутылкой коньяка, рюмками и мешком, в котором минералка и еда.

ЛЕНА. Иди от меня!

ВАДИМ. Замёрзла, котик?

Вадим надевает на плечи Лене кожаную куртку, которую нёс в руках.

ВАДИМ. Ну, не дуйся, всё.

Вадим, обнимая за плечи Лену, смотрит куда-то, словно ожидает маршрутку. Анжела стоит рядом с бутылкой коньяка и рюмками.

ЛЕНА. Вадим, я больше не хочу. Это не моя свадьба. Это какая-то хуйня... Ты слышишь, что я говорю, Вадим?

ВАДИМ. Да. Выпей. Анжела, налей ей.

АНЖЕЛА. Ты будешь?

ВАДИМ. Да.

АНЖЕЛА. Подержи рюмки.

Вадим держит рюмки, Анжела собирается наливать.

ВАДИМ. Дай я.

Вадим передаёт Анжеле рюмки, берёт у неё бутылку, наливает в рюмки, которые теперь держит Анжела. Лена наблюдает за ними.

ЛЕНА. А где Лёша?

ВАДИМ. Уходим, всё. Сейчас выпьем.

ЛЕНА. А где Лёша я говорю, Вадим?

ВАДИМ. Вот я и думаю. Сейчас. Он в туалете. Сейчас выпьем коньячку, заберём его. Держи.

Анжела протягивает рюмку Лене. Вадим берёт у Анжелы другую рюмку.

ЛЕНА (*возмущённо*). Ну не люблю я тебя, блядь, не люблю, Лёша!

ВАДИМ. Всё. Держи. Пей. Сейчас согреешься.

Все трое выпивают.

АНЖЕЛА. Пусть они уже все танцуют, но уже без нас, ладно, Вадим? Ты ж видишь, в каком она состоянии.

ЛЕНА. Вообще, блядь.

ВАДИМ. Что там у тебя, Анжела, в мешке?

ЛЕНА. Пошли, блядь, Вадим!

ВАДИМ. Анжела?

АНЖЕЛА. Минералка, колбаса.

ЛЕНА. Вадим, блядь, только не жрать сейчас, ну!

Анжела кладёт бутылку и рюмки в мешок.

ВАДИМ. Украду тебя, Лена.

ЛЕНА. Дебил.

ВАДИМ (*улыбаясь*). Хотела бы, чтоб тебя со свадьбы украли, придурок?

ЛЕНА. Да. Придурок вот! Придурок меня украл! Да, Вадим! Ага!

14.

Где-то там бушует и гудит свадьба. Ангела с мешком, в котором минералка, коньяк, колбаса, Вадим, Лена с кожаной курткой Вадима на плечах, идут по туалету к закрытой двери кабинки.

ЛЕНА. Где он, Вадим?

Все остановились возле закрытой двери в кабинку. Вадим стучит в дверь. Ответа нет.

ЛЕНА. Пиздец.

ВАДИМ. Не говори так, Лена. Он твой муж.

ЛЕНА. На хуй мне такой муж. Вообще животное, блядь, Вадим!

ВАДИМ. Откуда ты знаешь? Лёха?.. Лёха? Это я, Вадим, тут и жена твоя, можно мы дверь откроем?

Все ждут, что ответит Алексей за дверью.

ЛЕНА. Ой, блядь, не могу вообще я!

ВАДИМ (*улыбаясь*). Может, ты посмотришь?

ЛЕНА. Пошёл в жопу вообще, дебил!

Лена бьёт Вадима по плечу, Вадим, улыбаясь, вжимает голову в плечи. Анжела вынимает из мешка бутылку минералки, сворачивает пробку.

ЛЕНА. Блядь!

*Лена хочет открыть дверь в кабинку.
Вадим хочет сам открыть.*

ВАДИМ (улыбаясь). Пусти, чего ты!

ЛЕНА. Ты тупой?

Анжела пьёт минералку.

ВАДИМ (улыбаясь). Лена, а что ты злишься?

ЛЕНА. Думаешь, мне прикольно в мужском туалете стоять, блядь, Вадим, блядь!

ВАДИМ. Всё-всё, чего ты, Лена, ты ж невеста.

Анжела, выпив минералки, заворачивает пробку.

ВАДИМ. Лёха?

Вадим открывает дверь в кабинку. Анжела кладёт в мешок бутылку с минералкой, но ей тоже интересно, что делается в кабинке. В кабинке, сидя на унитазе со спущенными штанами, спит Алексей. Галстук съехал, рубашка растёгнута. Анжела улыбается.

ЛЕНА. Пиздец.

Вадим, улыбаясь, касается плеча Алексея.

ВАДИМ. Брат... Лёха... Лёха.

ЛЕНА. Дай сигарету, Анжела, пожалуйста.

ВАДИМ (*улыбаясь*). Чего?

ЛЕНА. Того, Вадим, блядь!

Вадим тормозит Алексея, Анжела протягивает Лене сигарету, зажигалку, Лена прикуривает, отдаёт зажигалку обратно Анжеле.

ВАДИМ (*улыбаясь*). Лёха, просыпайся, блядь.

Алексей открывает один глаз. Это даётся ему с трудом. Лена очень возмущена, всё-таки это её муж, спит пьяный на унитазе. Зрение Алексея фокусируется на Вадиме. Вадим, улыбаясь, шепчет что-то на ухо Алексею.

АНЖЕЛА. Лена, колбасы хочешь ты?

ЛЕНА. Нет, пока, спасибо. Вадим, блядь!

Алексей обращается к переставшему ему шептать на ухо Вадиму, который ждёт ответа. Алексей страдает, но пока непонятно, почему.

АЛЕКСЕЙ. Ну, и потом бля на хуй?

ВАДИМ. Сейчас поедем, разберёмся.

АЛЕКСЕЙ. А ты как ужом? Хороший человек для меня?

ВАДИМ. Что?

АЛЕКСЕЙ (*стараясь внятно*). Хороший человек для меня?

Лену бесит поведение Алексея, сидящего на унитазе со спущенными штанами. Вадим, улыбаясь, смотрит на брата.

АНЖЕЛА. Блядь, так колбасы сухой захотелось, пиздец.

Анжела лезет в мешок за колбасой.

Вадим, улыбаясь, берёт Алексея за волосы на затылке, сжимает их. Он тоже выпивший, как и все в этой компании. У него много эмоций сейчас по отношению к брату. Он понимает, как понимает более трезвый более пьяного, почему сейчас страдает брат. Анжела достала и жуёт нарезанную колбасу, это всё, что её увлекает сейчас. Вадим, сильно надавливая на голову Алексея, ерошит ему волосы на затылке. Это проявление жалости к брату и любви.

ВАДИМ. Пойдём.

АЛЕКСЕЙ. Не хочу я вставать, блядь. Я в полной жопе.

Лена замахивается и бьёт Алексея ладонью по щеке. Алексей согласно кивает головой. Вадим смотрит на Лену.

ЛЕНА. Сейчас и тебе, Вадим, я сказала!

Лена тушит окуроч.

ВАДИМ. Ну, давай ещё.

ЛЕНА. Хочешь? Хочешь, так ты сейчас получишь!

Вадим смотрит на Лену. Лена бьёт его ладонью по щеке.

ЛЕНА. Хватит?

*Вадим, улыбаясь, смотрит на Лену.
Алексей, сидя на унитазе, горестно вертит головой.
Анжеле подобное поведение Вадима и Лены не новость,
она спокойно лезет в мешок, вынимает бутылку
с минералкой, она хочет попить.*

ЛЕНА. Хватит?

*Вадим молчит, улыбаясь, смотрит на Лену.
Анжела пьёт минералку.*

ЛЕНА. Вадим, ты меня знаешь, я могу.

ВАДИМ. А кто мне обещал, что больше не курим?

ЛЕНА. Ой!

ВАДИМ. Подожди.

ЛЕНА. Вадим, блядь!

ВАДИМ. Что Вадим, блядь?

ЛЕНА. Вместе бросали, блядь.

ВАДИМ. Вместе бросали, блядь, признай, что ты первая закурила.

ЛЕНА. Анжела, дай минералки, пожалуйста, пить хочу, не могу.

*Анжела протягивает Лене бутылку с минералкой.
Алексей смотрит на них.*

ВАДИМ. Анжела, скажи, что она первая сама закурила.

АНЖЕЛА. Я не помню. Меня тогда не было.

АЛЕКСЕЙ. Первая. Угу.

*Лена пьёт минералку.
Никто больше не обращает внимания на Алексея.*

ВАДИМ. Дашь мне, Лена, попить потом.

*Лена выпив, протягивает бутылку Вадиму.
Алексей тянется к бутылке.*

АЛЕКСЕЙ. Дай.

Вадим протягивает бутылку Алексею. Алексей берёт бутылку и, перевернув её, начинает выливать минералку на пол туалета. Таким образом, он хочет что-то доказать всем. Вадим улыбается. Ему понятно поведение брата.

ЛЕНА. Я пошла, короче.

*Алексей, перестав выливать минералку, смотрит на Лену,
типа она всё поняла?*

ЛЕНА. Спасибо, блядь.

Алексей согласно кивает головой.

ЛЕНА. Пошли, Анжела.

Лена и Анжела выходят.

ЛЕНА. Подожди. (К Вадиму.) Дай мне на маршрутку.

АЛЕКСЕЙ. Я дам.

ВАДИМ. Сейчас.

Вадим лезет в карман.

АЛЕКСЕЙ. Я дам, сказал, на хуй!

Алексей хочет швырнуть бутылку с остатками минералки, Вадим успевает подхватить её, пьёт минералку, пока Алексей, сидя на унитазе, прощупывает свои карманы.

АЛЕКСЕЙ. Сколько тебе на телефон положить?

ЛЕНА. Мне на маршрутку, дебил!

Алексей прощупывает свои карманы.

АЛЕКСЕЙ. Где мой телефон?.. Ёб твою мать.

ЛЕНА. Вадим, дай мне денег.

ВАДИМ. Сейчас все поедем, подожди.

*Алексей, сидя на унитазе, ищет по карманам телефон.
Вадим ставит пустую бутылку от минералки
возле переполненной урны.*

ЛЕНА. Долго я буду ждать?

ВАДИМ. Сейчас все поедем, я тебе сказал. (К Алексею.) Где ты его оставил?

*Алексей, продолжая искать телефон по карманам,
произносит.*

АЛЕКСЕЙ. Хуй его знает.

*Лена ждёт, но ждать ей в падлу. Рядом стоит Анжела.
Ей ждать не в падлу. Алексей, прощупывая карманы,
произносит.*

АЛЕКСЕЙ. Хуй его знает, блядь, хуй его знает, братушка...

Алексей продолжает искать телефон.

ЛЕНА. Ой! Как меня это всё бесит, блядь! Почему так медленно.

*Вадим смотрит на Алексея. Он ждёт, когда тот найдёт
телефон. Он уже готов ему помочь.*

ВАДИМ. Подожди. Встань.

*Вадим подходит к Алексею берёт его за руку.
Алексей вырывает руку. Он не хочет, чтобы Вадим ему помогал.
Из вещей Алексея выпадает на пол сотовый.*

АНЖЕЛА. Вон он.

ЛЕНА. Всё?

*Вадим наклоняется, поднимает сотовый.
Алексей, глядя на Лену, произносит.*

АЛЕКСЕЙ. Старая горилла моя.

Анжела, Вадим и сама Лена не могут сдержать смеха.

ЛЕНА. Что? Кто, блядь, горилла?

*Алексей, пытаясь нежно улыбаться, смотрит на Лену.
Лена, недоумевая, отворачивается от него. Вадим помогает
Алексею встать с унитаза, поддерживает его,
пока он натягивает штаны.*

ЛЕНА. Какой кошмар, блядь.

15.

*Лена с кожаной курткой Вадима на плечах,
Анжела с мешком, в котором еда и алкоголь, Вадим, которого
Алексей обнимает за плечи, стоят на улице
и ждут маршрутку.
Лена, глядя на дорогу, раздражённо произносит.*

ЛЕНА. Отлично.

АЛЕКСЕЙ. Отлично.

ВАДИМ. Да... Замёрзла, котик?

ЛЕНА. Нет.

ВАДИМ. Анжела, а давайте типа жрать на остановке.
Прикольнo на остановке бухать и пожрать вообще.

Лена тормозит маршрутку. Маршрутка останавливается.

АНЖЕЛА. Садимся всё, поехали.

*Все садятся в маршрутку. Вадим помогает Алексею.
Алексей, сев в маршрутку, угрюмо смотрит в окно.*

ВАДИМ. А давайте бухать в маршрутке.

ЛЕНА. Минералка есть ещё?

АНЖЕЛА. Что?

ЛЕНА. Минералка есть ещё, Анжела?

АНЖЕЛА. Есть ещё одна бутылка маленькая.

ЛЕНА. Дай попить, пожалуйста.

Алексей поворачивается к Лене, произносит.

АЛЕКСЕЙ. А сейчас что?

ЛЕНА. Ты бухой в жопу, блядь, я не хочу с тобой разговаривать вообще.

АЛЕКСЕЙ. А сейчас что?

Лена не реагирует. Анжела роется в мешке.

АНЖЕЛА. А нет, тут уже нет минералки, всё, Лена.

Анжела продолжает рыться в мешке.

АЛЕКСЕЙ. Сейчас что?

Лена не реагирует. Алексей, отворачивается от неё и начинает лупить кулаком в стекло маршрутки.

Вадим берёт его за руки, не даёт ему бить в стекло.

АНЖЕЛА. А не, Лена, нашла. Маленькая точно есть ещё, сейчас.

Анжела вынимает из мешка маленькую бутылку минералки, протягивает Лене. Лена берёт минералку, откручивая пробку, смотрит на Вадима. Вадим, держа Алексея за руки, повернулся к Лене, они встретились взглядами. Вадим

улыбается Лене. В глазах Лены немой укор. Она начинает пить минералку. Алексей поворачивается и пронзительно смотрит на Лену. Лена пьёт минералку, не обращая на него внимания. Алексей ждёт, когда она на него посмотрит. Лена, выпив, закручивает пробку. Алексея бесит игнорирование Лены. Он опять пытается вырваться из рук Вадима, но Вадим, улыбаясь, крепко держит его. Лена передаёт минералку Анжеле. Алексей продолжает вырываться из рук Вадима.

ВОДИТЕЛЬ. А вы что, ребята, со свадьбы?

АНЖЕЛА. Да. А что, видно?

ВОДИТЕЛЬ. Свадьба — это хорошо.

Алексей перестаёт вырываться.

ВАДИМ. Всё?

Вадим отпускает руки Алексея. Лена смотрит в окно.

АЛЕКСЕЙ. Вот и пиздец. И я как парень всё. Братуша, всё, на хуй. Вот так. Пиздец, блядь. Пиздец, блядь, Вадим, блядь, всё, на хуй...

ЛЕНА (*возмущённо кривляется*). Пиздец, блядь, Вадим, блядь...
Ой!

Алексей поворачивается к Лене, произносит.

АЛЕКСЕЙ. А сейчас что?

Лена не смотрит на него.

АЛЕКСЕЙ. Сейчас что?!

Лена игнорирует Алексея.

АЛЕКСЕЙ. Ты не знаешь, что такое любовь, Лена. Ты, наверное, никогда не любила в своей жизни. Да?

Лена молчит, но слова Алексея больно ранят её.

АЛЕКСЕЙ. Да, Лена? Это просто... очень больно, реально. Когда тебя не любят, а ты к человеку со всей душой, ты любишь этого человека, реально, когда... ты просто, тогда бывает, что всё, Лена, пиздец, я вижу, что всё бесполезно. Просто я хочу, чтобы ты знала, что я тебя люблю. Я тебя люблю, Лена, наверное, никто не будет тебя любить так, как я, вообще в этой жизни. Просто что тебе всё пофиг, и от этого мне очень больно, но я смогу, я сильный, я, блядь, переживу это на хуй, и ты потом ещё будешь жалеть реально, когда я на «Рено Меган» к тебя просто подкачу так, знаешь, невзначай, не специально, но ты никогда не узнаешь, Лена, что у меня на сердце реально. Об этом никто не узнает никогда. Жил такой Лёша, блядь, и всем похуй, что он чувствовал, кого любил, блядь, и любил ли он вообще кого-нибудь, это всем похуй, и это никого не должно ебать. Это только моё, моё, на хуй, всё, пиздец. Только, блядь, просто что обидно, на хуй, что тебя за человека не считают, что ты, блядь, дерьмо последнее в этой жизни... блядь, ну хуй его знает, Лена. Дерьмо, значит, дерьмо я. Просто хочу, чтобы ты, блядь, знала и запомнила своими дурными куриными мозгочками, блядь, что я тебя люблю, на хуй. Все вы, как одна, блядь, тупые овцы, овечки, на хуй. Мокрощелка ты малая, Лена, горилла, блядь...

ЛЕНА. У брата своего спроси.

ВАДИМ. Что ему у меня спросить?

ЛЕНА. Вот ты знаешь, что ему спросить.

ВАДИМ. О чём ты, Лена?

Алексей дёргает Вадима за рукав.

АЛЕКСЕЙ. Вадим. Вадим, хуй с ним. Это всё, это клиника уже.

ВАДИМ. Анжела, я к тебе сяду, можно? Пойду с Анжелой сяду.

Вадим встаёт, садится к Анжеле, кладёт ей голову на плечо, закрывает глаза. Алексей пристально смотрит на Лену. Лена игнорирует Алексея, она отворачивается, смотрит в окно, ей обидно за всё, что происходит. Алексей отворачивается от Лены. Ему обидно только лишь за то, что она не обращает на него никакого внимания. Алексей встречается взглядом с водителем. Водитель тут же отводит глаза, смотрит на дорогу.

АЛЕКСЕЙ. Братишка, чек дай, пожалуйста.

Водитель выбивает на кассовом аппарате чек, протягивает Алексею. Привстав, Алексей берёт чек, поворачивается, протягивает его Лене.

АЛЕКСЕЙ. На.

Лена поворачивается, видит чек в руке Алексея.

ЛЕНА. Зачем?

Алексей ждёт, когда Лена возьмёт чек. Лена раздражённо берёт чек, отворачивается от Алексея и смотрит в окно. Алексей обращается к водителю.

АЛЕКСЕЙ. Братишка, на всех чеки выбей.

Водитель начинает раздражаться. Он выбивает чеки на кассовом аппарате. Алексей идёт по салону, чтобы сесть ближе к водителю.

ВОДИТЕЛЬ. Не ходи по салону.

Алексей садится за спиной водителя. Лена обращается к Вадиму.

ЛЕНА. Вадим, смотри за ним.

Вадим смотрит на Алексея. Водитель протягивает Алексею чеки. Алексей берёт чеки, затем, встав, кладёт руку на плечо водителя, что-то шепчет ему на ухо, типа учит жизни. Водитель, чтобы не накалять обстановку, кивает утвердительно головой. Высказывание своё Алексей заканчивает фразой:

АЛЕКСЕЙ. Понял, нет?

Вадим, услышав песню по радио в магнитоле водителя, произносит.

ВАДИМ. О! Кучин. Сделайте громче, пожалуйста.

Водитель делает громче. Алексей, улыбаясь, поворачивается, при этом роняя из рук чеки, смотрит на Вадима. Ему тоже нравится звучащая песня.

АЛЕКСЕЙ. Лена?.. Лена?

ЛЕНА. Что?

АЛЕКСЕЙ. Кучин.

ЛЕНА. Так что мне сделать?

Лена отворачивается, смотрит в окно. Алексей, улыбаясь, смотрит на Лену. Довольный, улыбающийся Вадим берёт Анжелу за руку, затем вытягивает ногу, касается носком своих туфель свадебной туфельки на ноге Лены, он гладит носком туфель её туфельку. Алексей, замечая это, улыбается. Вадим улыбается тоже. Это такая как бы шутка. Лена раздражённо убирает ногу, глядя в окно. Вадим, опять повторяя свои действия, произносит.

ВАДИМ. Лена... Лена... Лена.

Лена невольно улыбается, хотя хочет злиться.

ЛЕНА. Успокойся, Вадим!

*Вадим продолжает. Лена встаёт и пересаживается на другое сидение. Вадим закрывает глаза, опускает голову на плечо Анжеле. Алексей, не спуская глаз с Лены, встаёт с сидения, он хочет идти к ней. Анжела толкает Вадима.
Вадим обращается к Алексею.*

ВАДИМ. Не надо. Не трогай сейчас.

Алексей садится на своё место, но ему очень хочется подойти к Лене, которая смотрит в окно. Он опять встаёт, хочет идти к ней.

ВОДИТЕЛЬ. Не ходи ты по салону, блядь!

Алексей поворачивается к водителю. Ему не нравится вызов, звучащий в словах водителя.

ВАДИМ. Лёха! Лёха!

Водитель резко поворачивает маршрутку, Алексей падает на сидение.

ЛЕНА. Вадим, блядь, смотри за ним.

ВОДИТЕЛЬ. Смотрите за своим женихом.

ВАДИМ. Смотрим, всё, смотрим.

ВОДИТЕЛЬ. Смотрите, чтобы он не вставал.

Алексей возмущён складывающимся положением. Он встаёт с сидения. Вадим тоже встаёт с сидения. Алексей склоняется над водителем. Вадим, спеша убрать Алексея, идёт по салону. Он подходит к Алексею берёт его под локоть.

АЛЕКСЕЙ. Хули, я просто смотрю.

ВАДИМ. Сядь.

Алексей вырывает руку.

ЛЕНА. Вадим, убери его, что он мешает, ну!

ВАДИМ (Лене.) Как я его убери? (Алексею.) Пошли.

Алексею удаётся вырвать руку.

АЛЕКСЕЙ. Я буду.

ВАДИМ. Будешь здесь сидеть?

АЛЕКСЕЙ. Да.

ВАДИМ. Не мешай.

Вадим садится на одиночное сидение возле выхода, чтобы если что, убрать Алексея от водителя. Алексей некоторое время сидит с опущенной головой, затем поднимает голову, поворачивается к водителю и произносит.

АЛЕКСЕЙ. Хули ты выёбываешься?

Водитель резко тормозит маршрутку. Вадим напрягается. Водитель выскакивает из маршрутки, идёт к пассажирским дверям.

ЛЕНА. Пиздец! Я говорила, блядь!

Водитель распахивает дверь, хочет зайти в салон. Вадим преграждает ему путь.

ВАДИМ. Мужик-мужик, всё, мужик...

ВОДИТЕЛЬ. Выходите сами тогда.

АНЖЕЛА. Извините нас, пожалуйста.

АЛЕКСЕЙ. Я, блядь, сука...

Алексей встаёт с сидения, он хочет выйти.

ЛЕНА (Алексею). Сиди, я сказала! (Вадиму.) Вадим!

Водитель хватается Алексея за одежду, вытаскивает из салона. Вадим хватается Алексея с другой стороны.

ВАДИМ. Э, мужик, всё!

АНЖЕЛА. Не надо, пожалуйста!

Сильно потянув на себя, водитель вытащил Алексея из маршрутки, следом выскочил Вадим. Водитель, отпустив Алексея, хочет идти к дверям, ведущим на водительское место. Вадим останавливает его. Анжела, взяв мешок, и Лена спешат вылезти из маршрутки.

ВАДИМ. Мужик мы со свадьбы, мужик, прости.

ЛЕНА. Да он пьяный! Пожалуйста!

АНЖЕЛА. Пожалуйста, водитель.

ВАДИМ. Со свадьбы едем, прости, пожалуйста.

Водитель захлопывает пассажирскую дверь.

АНЖЕЛА. Пожалуйста, мы вас очень просим!

Водитель, не обращая на них внимания, спешит занять своё место.

ЛЕНА. Пожалуйста, ну!

Водитель садится в машину. Наблюдавший за всем Алексей подходит и бьёт ногой по двери машины. Водитель спешит выйти из маршрутки. Вадим оттаскивает Алексея.

ВАДИМ. Извини, мужик, всё, прости.

*Водитель подходит, смотрит на то место,
по которому ударил Алексей.*

ВАДИМ. Мы уходим, всё, извини.

*Водитель подходит к Алексею, смотрит на него.
Вадим стоит между ними.*

ВОДИТЕЛЬ. Тебе что, в рыло дать?!

ВАДИМ. Не надо мужик, всё, извини.

АНЖЕЛА. Не надо, пожалуйста, он пьяный, вы ж видите.

ВОДИТЕЛЬ. Грунтовка, шпатлёвка, покраска, блядь, иди сюда.

ВАДИМ. Где там покраска?

ВОДИТЕЛЬ. Иди, посмотри.

*Водитель указывает на место, по которому ударил Алексей.
Вадим, Анжела, Лена, смотрят на это место. Алексей стоит
в стороне. Он по-своему возмущён всем происходящим.*

ВАДИМ. Слышишь, у тебя так было!

ВОДИТЕЛЬ. Что, блядь?

ВАДИМ. У тебя так было, мужик.

ЛЕНА. У вас так было.

АНЖЕЛА. У вас так было, честно!

Водитель идёт к своему месту.

ЛЕНА. Вообще.

АНЖЕЛА. Ну. У него ж так было с самого начала, как мы садились.

Водитель садится в маршрутку.

АНЖЕЛА. Вообще, скажи, Лена.

Алексей идёт к дверям водителя.

ЛЕНА. Э! Вадим-Вадим!

АНЖЕЛА. Вадим.

Вадим останавливает Алексея. Водитель заводит мотор.

АЛЕКСЕЙ. Сейчас кому-то пизды дам.

ВАДИМ. Не надо, всё, Лёха.

ЛЕНА. Ты уже дал.

Алексей поворачивается, смотрит на Лену.

АНЖЕЛА. Ну, честно, Лёша, ты тут тоже не прав.

Вадим отпускает Алексея, восклицает.

ВАДИМ. Аяаяяяй!

Вадим очень хочет писать, он бежит к дереву.

Алексей обращается к Лене.

АЛЕКСЕЙ. Ты так считаешь?

ЛЕНА. Бухой, блядь, так...

АЛЕКСЕЙ. При чём тут это, Лена?

ЛЕНА. Ай, всё надоело.

АЛЕКСЕЙ. Пью. Так если я пью...

Лена отворачивается от Алексея. Алексей прекращает говорить, потому что Лена его не слушает. Вадим заканчивает справлять под деревом малую нужду. Анжела закуривает.

ЛЕНА. Оставишь, Анжела, целую не хочу.

*Алексей ждёт, когда Лена обратит на него внимание.
Лена поворачивается к нему и произносит.*

ЛЕНА. Хочешь уже бежать, беги. Хочется побегать?
АЛЕКСЕЙ. Ты так считаешь, Лена?

*Лена смотрит, как Вадим, заправляясь, спешит к ним.
Он останавливается рядом с ними. У него очень хорошее
настроение опять.*

ВАДИМ. Анжела, оставишь.

АНЖЕЛА. Я Лене оставляю.

ВАДИМ (Лене). Дашь затынуться.

АЛЕКСЕЙ. Лена.

ВАДИМ. Анжела, давай коньяк пить, доставай.

Анжела протягивает окурок Лене. Алексей ждёт, когда Лена обратит на него внимание. Довольный улыбающийся Вадим начинает пританцовывать на месте, переминаясь с ноги на ногу. Он рад, что сейчас будет пить коньяк. Анжела лезет в мешок, вынимает по очереди бутылку, рюмки. Вадим, продолжая свой танец, радостно возбуждённый произносит.

ВАДИМ. Эсэнэсэнэсэнэсэнэсэнэсэнэ...

Протягивая рюмки Лене, Анжела, улыбаясь, произносит.

АНЖЕЛА. Что с тобой, Вадим?

ВАДИМ (*улыбаясь*). Поссал. Так пиздато вообще стало. Ну, наливайте. Эсэнэсэнэсэнэсэнэсэнэсэнэ...

АЛЕКСЕЙ. Дай.

Алексей хочет взять из рук Лены рюмки.

ЛЕНА. Не надо.

*Анжела, вынимает из мешка еду,
кладёт мешок на асфальт, наверх на мешок кладёт еду.
Лена ставит рюмки рядом с едой.*

ВАДИМ. Лена, дай.

*Лена протягивает Вадиму окуроч. Вадим курит.
Анжела разливает коньяк в рюмки. Вадим выбрасывает окуроч.*

ЛЕНА. Берите.

*Алексей первым склоняется, берёт рюмку, следом все
остальные. Вадим выпивает первым.*

ЛЕНА. Вадим, как обычно ты.

АЛЕКСЕЙ. Ну. Как дал бы раз по этой голове лысой.

*Улыбаясь, Алексей с нежностью смотрит на Вадима.
Вадим, не обращая на него внимания, наклоняется, чтобы
взять еду, ест. Анжела берёт маленькую бутылку минералки.*

ЛЕНА (Анжеле). Дашь мне потом.

*Алексей переводит взгляд,
с такой же нежностью и улыбкой смотрит на Лену. Анжела
пьёт, запивает минералкой, протягивает минералку Лене.
Лена пьёт, запивает минералкой.*

ВАДИМ. А! Колбаска, класс.

*Алексей с такой же нежностью и улыбкой переводит взгляд
на жующего Вадима. Алексей не пьёт, рюмка в его руке чуть
наклоняется, коньяк выливается.*

АЛЕКСЕЙ. Вадим.

Вадим, не глядя на Алексея и продолжая есть, произносит.

ВАДИМ. У? Ешь, бери.

*Алексей подходит, обнимает за талию Лену. Лена уходит
из под его руки, приседает, чтобы поесть. Алексей чувствует
обиду. Он пьёт коньяк, но идёт ему плохо. Анжела, Лена,
Вадим едят. Выпив, Алексей смотрит, как они едят.
Вадим обращается к Алексею.*

ВАДИМ. Ешь бери.

АЛЕКСЕЙ. Лена, можно с тобой поговорить?

Лена не реагирует, жуёт.

АЛЕКСЕЙ. Котик.

Алексей приседает рядом с Леной, касается её плеча.

АЛЕКСЕЙ. Устала, да?

Лена, взяв бутылку, пьёт минералку.

АНЖЕЛА. Лёша, бери колбаску.

Алексей берёт колбасу, жуёт.

ЛЕНА. Вадим, я хочу в туалет.

Лена встаёт, следом встаёт Вадим.

Лена идёт, следом идёт Вадим.

Жуя колбасу, Алексей смотрит им вслед.

АНЖЕЛА. Лёша, бери огурчик.

16.

*Вадим и Лена останавливаются возле дерева
под окнами многоэтажки.*

ВАДИМ. Всё. Садись здесь.

*Лена, задрав свадебное платье, приседает,
справляет малую нужду.*

17.

*Алексей, жуя колбасу, хочет идти следом за ней и Вадимом.
Анжела останавливает его.*

АНЖЕЛА. Чего ты, он твой брат, там всё нормально будет.

Алексей ждёт, когда придёт Лена.

18.

*Лена, справив малую нужду, выпрямляется,
натягивает нижнее бельё. Вадим обнимает её. Лена
не против. Они целуются. В поцелуе Лены очень много любви.
Она отстраняется от Вадима и начинает плакать. Вадим,
прижимая её к себе, гладит по голове.*

ВАДИМ. Ну, что мне с тобой делать?

*Вадим целует Лену в губы.
Лена отвечает на поцелуй. Они целуются.
Вадим поворачивает Лену спиной к себе,
задирает свадебное платье, прижимается к ней,
растёгивает себе брюки.
Лена одной рукой берётся за дерево, чуть наклоняется.
Вадим, стащив с себя брюки, стаскивает нижнее бельё с
Лены. Вадим и Лена занимаются любовью.
Занимаются, занимаются, занимаются, занимаются.
Они занимаются любовью,
занимаются, занимаются, занимаются. Вадим кончает.
Лена не кончает вообще никогда. Вадим спешит выйти, чтобы
Лена не забеременела.*

ЛЕНА. Вадим, на платье, блядь!

*Вадим отворачивается, смотрит на свой член.
Лена натягивает нижнее бельё.*

ВАДИМ. Лена у меня спермы, как у кабана, всегда.

ЛЕНА. Люди, Вадим!

*Вадим спешит застегнуть брюки. Мимо идёт бабушка,
которая выгуливает собачку. Бабушка обращается к собачке.*

БАБУШКА. Смотри, Найда, смотри свадьба какая.

ЛЕНА. Здравствуйте!

Собака повизгивает, виляет хвостом. Она радуется.

БАБУШКА. Дай Бог вам здоровья, счастья, какая красивая пара.

ВАДИМ. Спасибо, бабушка! А как вашу собачку зовут?

Лена хочет уйти, она одёргивает Вадима.

ЛЕНА. Вадим.

БАБУШКА. Дети чтоб тоже. Дети надо, дай вам Бог всего. Живите дружно.

ВАДИМ. Спасибо. Мы пойдём уже.

БАБУШКА. Не обижайте друг друга. Цените друг друга, берегите друг друга, уважайте.

ВАДИМ. Хорошо! Мы пойдём уже!

БАБУШКА. Всего доброго. Ещё раз крепкого здоровья вам.

ЛЕНА. Спасибо.

БАБУШКА. И большой любви. Не изменяйте друг другу. Любите друг друга, цените, уважайте, прислушивайтесь.

ВАДИМ. Спасибо.

БАБУШКА. Ты чтоб, парень, её не бил.

ВАДИМ. Да. До свидания!

БАБУШКА. Всего доброго. Здоровья вам. Цените друг друга, уважайте...

ВАДИМ. Хорошо, бабушка, мы уже пойдём. Нам идти надо, нас машина ждёт!

БАБУШКА. Что ты говоришь?

ВАДИМ. Я говорю, нам идти надо, машина ждёт!.. Я говорю идти надо, машина ждёт!

БАБУШКА. А! Ну, всего доброго.

ВАДИМ. Спасибо.

БАБУШКА. Дай Бог вам здоровья, счастья, всего хорошего. Охохохох.

Бабушка с собачкой уходит. Вадим вслед.

ВАДИМ. А как собачку зовут?

ЛЕНА. Перестань!

Лена бьёт Вадима по плечу.

ВАДИМ. Прикольно, скажи? Прикольно, если нас кто-то видел.

Вадим берёт Лену за руку.

ВАДИМ. Пошли, брат будет психовать.

ЛЕНА. Чешется там всё, не могу, аж зудит.

*Лена освобождает свою руку из руки Вадима,
берётся за низ живота, наклоняется.*

ЛЕНА. Ой.

ВАДИМ. Что?

Лена молчит, держится за живот.

ВАДИМ. Болит?

ЛЕНА. Да.

ВАДИМ. Это потому что ты не кончаешь.

ЛЕНА. При чём тут... гинеколог. Умм...

*Лена стоит, наклонившись, держась за живот, она ждёт,
когда пройдёт боль. Вадим стоит рядом.*

ВАДИМ. Пошли.

ЛЕНА. Мы можем ещё минуту постоять хотя бы?!

ВАДИМ. Конечно... А от молочницы так болеть будет?

ЛЕНА. Нет.

ВАДИМ. У меня тоже молочница, если у тебя есть?

*Лена не отвечает, борется с болью. Вадим ждёт,
когда у Лены отпустит живот. На сочувствие он не способен.
Лена выпрямляется.*

ВАДИМ. Ну, что?

ЛЕНА. Пошли.

ВАДИМ. Болит?

ЛЕНА. Пошли, сказала, идём, котик, меньше вопросов будешь задавать, дай мне руку, пожалуйста.

Лена берёт Вадима за руку.

ВАДИМ. Болит, Лена?

ЛЕНА. Нет.

Хотя по всему её внешнему виду, понятно, что ей болит.

ЛЕНА. Ой!

*Лена убирает свою руку из руки Вадима,
берётся за низ живота, наклоняется.*

ВАДИМ. Болит опять?

ЛЕНА. Ой.

ВАДИМ. Тебе схватками или что?

ЛЕНА. Я сама не знаю, чем.

ВАДИМ. Давай «скорую» вызову... Лена!

ЛЕНА. Что?

ВАДИМ. Давай «скорую» вызову.

ЛЕНА. Котик, какая «скорая». Всё. Сейчас пройдёт. Сейчас я постою так немного. Ой.

ВАДИМ. Не отпускает, болит?... Лена.

Лена выпрямляется.

ЛЕНА. Дай руку, пожалуйста.

ВАДИМ. Тебе надо к врачу идти.

Лена, пытаюсь собраться с силами, выдыхает.

ВАДИМ. Прошло? А почему у меня не чешется всё?

ЛЕНА. Да всё, пошли.

ВАДИМ. Лен, а чего у меня не чешется?

ЛЕНА. Не знаю.

ВАДИМ. Хочешь, пива купим в ларьке, Лена?

*Лена не отвечает. Вадим и Лена идут.
Лена останавливается.*

ЛЕНА. Подожди.

Вадим останавливается, ждёт.

ЛЕНА. Всё, пошли, ладно. Прикури мне.

ВАДИМ. Не надо тебе сейчас курить.

ЛЕНА. Прикури мне, Вадим!

*Вадим обижается, что Лена не слушается его, улыбаясь,
протягивает ей сигарету. Лена вставляет сигарету в рот,
Вадим подносит зажженную зажигалку, Лена прикуривает,
Вадим тушит зажигалку. Лена курит.*

ВАДИМ. Пошли.

ЛЕНА. Покурю, пойдём.

*Лена курит, Вадим ждёт её, вынимает из кармана ключи
с брелоком-ножницами, ровняет ноготь.*

ЛЕНА. Кажется, кто-то обещал, что будет меня жалеть...

Да, Вадим?

Вадим не обращает внимания, сунет палец в рот, чтобы откусить ноготь. Лена бьёт его по руке. Вадим, улыбаясь, опускает руку. Лена, выпуская дым, выкидывает окурок, уходит. Вадим идёт следом.

ВАДИМ. Ты тоже кое-что мне обещала, Лена, последние слова свои помнишь?

Лена идёт, Вадим идёт следом.

ВАДИМ. Когда вы с Анжелой в субботу пришли ко мне на рынок, после того, как у Стаса были.

ЛЕНА. Я к Стасу не ходила вообще.

ВАДИМ. Ты была тогда у Стаса.

ЛЕНА. Вадим! Я к Стасу не ходила вообще! Я вообще ни разу у него дома не была!

ВАДИМ. Что ты мне будешь говорить? Ты ещё сказала тогда, что Стас к тебе приставал пробовал.

ЛЕНА. Вадим! Это у тебя на рынке было! Стас пришёл в пятницу с Оксаной. Оксана пошла себе шмотки выбирать. Стас принёс полторачку пива...

ВАДИМ. Ага. Принёс он.

ЛЕНА. Принёс полторачку пива, я пошла, чипсы купила за свои деньги.

Вадим и Лена останавливаются возле мешка, на котором разложена еда. Ни Анжелы, ни Алексея нет.

ВАДИМ. И что себе Оксана тогда купила?

ЛЕНА. Туфли!

ВАДИМ. Туфли.

ЛЕНА. Да, туфли!

ВАДИМ. Она вообще никаких туфель не покупала себе. Они смотрели племяннику его велосипед.

ЛЕНА. Туфли она покупала! Велосипед, блядь!

Вадим улыбается. Лена невольно улыбается вслед за ним.

ЛЕНА. Тормоз.

ВАДИМ. Сама ты, Лена, тормоз, знаешь что!

Лена, улыбаясь, замахивается на Вадима. Вадим, вжимая голову в плечи, улыбаясь, произносит.

ВАДИМ. И что ты хочешь сказать, Лена, что Стаса до этого ни разу не видела, а кто рассказывал мне...

ЛЕНА. Я видела Стаса, Вадим! Придурок какой-то!

Входят Анжела и Алексей. Алексей очень недоволен. Вадим и Лена замечают их, но продолжают, улыбаясь, свой спор, глядя друг на друга.

ЛЕНА. Я просто дома ни разу у него не была. Это тебе приснилось!

ВАДИМ. Стас жид. Он Оксане ничего не покупает. Какие туфли, Лена!

ЛЕНА. Заткнись!

Анжела подходит к мешку, на котором разложена еда, ест. Алексей, глядя на Вадима и Лену, начинает испытывать нежность к ним. Это два самых близких для него человека.

ВАДИМ. Сама заткнись, дурочка.

Лена замахивается на Вадима.

ВАДИМ. Вы со Стасом в его машине познакомились!

ЛЕНА. Вадим! Ты debil! Я даже не знала, какая у него машина!

ВАДИМ. «Мицубиси».

ЛЕНА. Я на рынке его первый раз увидела, когда он к тебе за дисками приходил!

АНЖЕЛА (*жуя еду*). Мы их с Лёшей ещё ищем везде, ищем.

ЛЕНА. Вадим! Вспомни!

ВАДИМ. «Мицубиси», кожаный салон чёрный.

ЛЕНА. Я знаю, какой у него салон!

ВАДИМ. А говоришь, не видела его машину.

ЛЕНА. Я видела его машину! Но не тогда! А потом уже! Что ты, Вадим, будешь мне говорить! Ты меня, наверное, с Анжелой перепутал!

ВАДИМ. Мне так нравится, когда ты злишься, скажи, Лена?

ЛЕНА. Скажи, Анжела?

АНЖЕЛА. У?

ЛЕНА. Кто со Стасом первый познакомился, ты или я?

ВАДИМ (*улыбаясь*). Анжела, скажи, она.

ЛЕНА. Вадим, блядь! Я первый раз Стаса увидела на рынке у тебя, когда он диски покупал!

Алексей приближается к Вадиму и Лене.

Вадим смотрит на Алексея.

ВАДИМ. А! Лёха! Слушай, пошли, короче...

ЛЕНА. Я курила просто. Ты знаешь, что я на ходу не могу курить.

*Алексей кладёт руки Лене и Вадиму на плечи.
У него много нежности и любви сейчас к ним.
Анжела, жуя еду, произносит.*

АНЖЕЛА. А мы вас ищем, ходим, ищем.

АЛЕКСЕЙ. Лена, блядь, Вадимыч... я вас... я за вас, блядь.

*Алексей хватается Вадима и Лену за головы,
прижимает к своей голове.*

ЛЕНА. Больно, Лёша!

АЛЕКСЕЙ. Я, блядь, любому глотки перегрызу, на хуй!

Алексей плачет.

АЛЕКСЕЙ. Я, блядь...

ЛЕНА. Пусти.

*Лена уходит из-под руки Алексея. Алексей закрывает ладонями
глаза, шмыгает носом, пытается перестать плакать.*

ВАДИМ. Брат, блядь, всё будет заебись, что ты, на хуй.

АЛЕКСЕЙ. Всё, да... Всё нормально, Вадим. Куда она пошла, блядь. Вот куда она пошла, овца эта.

*Алексей вытирает глаза. Вадим поворачивается, смотрит
на Лену. Лена вертит головой в знак того, что Алексей типа
вообще уже. Вадим, улыбаясь, хочет обнять Лену за плечи,
Лена отстраняется.*

ЛЕНА. Потому что высаживаешь реально. Вадим, ты вообще,

как дебил, вы, блядь, оба, как дебилы ебанутые вообще
(Кривляет.) Блядь-блядь-блядь-блядь...

ВАДИМ. А коньяк ещё остался, Анжела?

АНЖЕЛА. Да.

Алексей обращается к Лене.

АЛЕКСЕЙ. Извини, можно тебя на минуту.

ЛЕНА. Говори здесь.

Алексей провожает взглядом идущего к мешку с едой Вадима.

*Вадим приседает над мешком, берёт бутылку с коньяком
в руки. Алексей обращается к Лене.*

АЛЕКСЕЙ. Котик, всё будет заебись.

ЛЕНА. Да! Угу, да! Ты мне уже один раз пообещал тоже самое, угу.

Вадим разливает коньяк по стаканчикам.

ВАДИМ. А?

ЛЕНА. Вадим, тебе сколько лет?

ВАДИМ (улыбаясь). Честно, да, ну пей бери.

Лена берёт стаканчик.

ЛЕНА. Так устала, не могу.

Вадим спешит выпить. Следом Анжела и Лена.

ВАДИМ. А! Колбаска.

Вадим берёт нарезанную колбасу и ест. К нему присоединяются Анжела. Лена, выпив, хочет идти к ним. Алексей берёт её за руку.

АЛЕКСЕЙ. Лена.

ЛЕНА. Что? Мне болит живот, всё.

Лена идёт к мешку с едой. Алексей смотрит ей вслед.

ВАДИМ. А! Люблю свадьбы. Пиздец вообще хавчик, заебись, хавч. Пожрать.

*Лена присаживается над мешком, берёт еду.
Анжела и Вадим едят.*

АЛЕКСЕЙ. Лена.

Лена не обращает внимания на Алексея, ест.

АЛЕКСЕЙ. Я сейчас руку себе порежу на хуй.

ЛЕНА. А мне что?

АЛЕКСЕЙ. Лена.

Вадим, Лена, Анжела продолжают есть.

АЛЕКСЕЙ. Овца ты.

Лена продолжает есть.

АЛЕКСЕЙ. Ты помнишь, как тогда себе надфилем, когда ты не пришла, когда я с температурой под сорок свалился... Ты ещё

сама не понимаешь, что теряешь сейчас... Лена!

ЛЕНА. Что?

АЛЕКСЕЙ. Можно с тобой поговорить?

Лена встаёт, идёт к Алексею.

Они отходят в сторону. Алексей что-то говорит Лене.

Вадим и Анжела продолжают есть.

ВАДИМ. Когда твои родители на дачу едут, Анжела?

АНЖЕЛА. Сегодня собирались. Что он, побежит сейчас?

ВАДИМ. Он меня уже заебал.

ЛЕНА (*громко*). Вадим, иди сюда!

Алексей хватается Лену за руку, не пускает. Вадим встаёт, идёт к Лене и Алексею.

ЛЕНА. Объясни ему!

ВАДИМ. Что?

ЛЕНА. Он сейчас хочет разделить деньги, которые нам подарили. Я ему говорю, что все деньги у вашей мамы, он мне не верит.

ВАДИМ. Зачем тебе?

АЛЕКСЕЙ. Иди, поговорим.

Алексей отпускает Лену, берёт Вадима под локоть.

ВАДИМ. Говори здесь!

Алексей смотрит на Вадима с обидой. Он хочет отойти и поговорить.

ВАДИМ. Ты видишь, что ей живот болит? Чё ты лезешь?

АЛЕКСЕЙ. Она не даёт мне денег.

ВАДИМ. Деньги у матери все.

АЛЕКСЕЙ. Они у неё, Вадим.

ВАДИМ. Лена, у тебя деньги?

ЛЕНА. Какие у меня? Ваша мама забрала у меня все деньги сразу!

Алексей вынимает мобильный, набирает номер, ждёт ответа. Ему никто не отвечает.

ВАДИМ. Покажи.

Вадим берёт из рук Алексея телефон.

ВАДИМ. У тебя же батарея отключена.

Вадим отдаёт телефон Алексею.

Алексей опять набирает номер, прикладывает телефон к уху.

Он думает, что телефон работает.

ВАДИМ. Блядь!

Вадим берёт из рук Алексея телефон.

ВАДИМ. Он у тебя не работает. Там батарея села?! Села батарея.

АЛЕКСЕЙ. Вадим.

ВАДИМ. А?

АЛЕКСЕЙ. Прости меня.

ВАДИМ. Перестань.

АЛЕКСЕЙ. Прости.

ВАДИМ. Хорошо.

АЛЕКСЕЙ. Береги её.

ВАДИМ. Кого?

АЛЕКСЕЙ. Ты знаешь. (К Лене.) Лена! Прости меня.

ЛЕНА. Хорошо.

АЛЕКСЕЙ. Анжела!

Анжела, жуя еду, сидя возле мешка, произносит.

АНЖЕЛА. У?

АЛЕКСЕЙ (улыбаясь). Вот, кого я люблю.

Алексей идёт к Анжеле.

АЛЕКСЕЙ. Вот, с кем я хочу выпить.

Алексей берёт бутылку с коньяком, наливает в стаканчик.

*Вадим идёт к нему. Алексей берёт стаканчик с коньяком
в руку, Вадим забирает у него стаканчик.*

Алексей не хочет отдавать.

ВАДИМ. Хватит, ты и так не трезвеешь вообще.

АЛЕКСЕЙ. Я хочу с Анжелой выпить.

ВАДИМ. Хватит, пусти.

Вадим отнимает стаканчик. Алексей недоволен.

АЛЕКСЕЙ. Анжела, прости меня.

АНЖЕЛА. Угу.

*Алексей смотрит на Вадима,
который ставит стаканчик на мешок.*

АЛЕКСЕЙ. Ну, брат, ты и говно.

ВАДИМ. Да. Будет кто-нибудь ещё есть?

ЛЕНА. Нет.

АНЖЕЛА. Нет.

*Алексей смотрит, как Вадим и Анжела сворачивают
остатки еды. К ним идёт Лена. Алексей склоняется,
хочет помочь.*

ВАДИМ. Отойди.

Алексей не отходит, хочет помочь.

ВАДИМ. Отойди, ну. Не надо тут.

ЛЕНА. Вадим.

ВАДИМ. Мы уже всё убрали с Анжелой.

*Вадим и Анжела выпрямляются, кладут остатки еды в мешок.
Алексей за всем наблюдает.*

ЛЕНА. Дай сигарету, Анжела.

*Анжела протягивает Лене зажигалку и сигарету. Лена прикуривает.
Алексей подходит и бьёт Лену по лицу. Сигарета
выпадает у неё изо рта.*

АЛЕКСЕЙ. Я тебе говорил, не кури.

Вадим набрасывается на Алексея. Они оба падают, дерутся, катаются по тротуару.

ЛЕНА. Анжела, дай ещё сигарету, пожалуйста.

*Анжела протягивает Лене зажигалку и сигарету.
Лена прикуривает.*

АНЖЕЛА. Оставишь, Лена, целую не хочу.

*Вадим и Алексей дерутся, дерутся, дерутся, дерутся.
Лена курит.*

АНЖЕЛА. За три месяца мы пропили все деньги, которые им подарили на свадьбе, а потом они пошли в ЗАГС и развелись. Алексей так и не узнал, что Лена изменяла ему с Вадимом и со мной. Наверное, это настоящая любовь, потому что настоящая любовь всегда незаметна. Вадим работает на рынке, продаёт компьютерные и дивиди-диски. Мы с Леной каждый день тусуемся у него. А Лёша ставит стеклопакеты в квартирах... Скажем прямо, и правда, жизнь удалась.

ЛЕНА. Вадим! Вадим, быстрее!

*Лена смотрит на котёнка.
Вадим и Алексей перестают драться.*

АНЖЕЛА. Что там?

ЛЕНА. Смотри, какой котёнок.

АНЖЕЛА. Ой, какой котёнок.

Лена и Анжела приседают рядом с котёнком.

АНЖЕЛА. Ой, какая лапочка. Маленький.

Вадим идёт к ним.

ЛЕНА. Вадим, быстрее.

*Алексей садится, касается рта. Ему кажется,
что изо рта идёт кровь. Котёнок его не интересует.
Вадим смотрит на котёнка.*

ЛЕНА. Беленький, Вадим.

ВАДИМ. Ну.

АНЖЕЛА. Лапочка маленький.

*Котёнок хочет баловаться. Он выгибает спину,
отскакивает. Анжела от умиления восклицает.*

АНЖЕЛА. Ой!

*Анжела подскакивает к Вадиму, обнимает его, смотрит
на котёнка. Вадим обнимает Анжелу. Лена, не меняя позы,
присев, смотрит на Вадима. Анжела, умиляясь котёнком,
произносит.*

АНЖЕЛА. Вадим! Смотри, смотри, смотри!

*Вадим и Лена не смотрят на котёнка,
они смотрят друг на друга.*

19.

В туалете Алексей, присев возле унитаза, вылавливает из него деньги и кладёт их на пол. Рядом стоят мама Алексея и Вадима, Вадим, Лена, Анжела. Музыка из зала, где проходит свадьба, доносится и сюда.

МАМА. Как они у тебя выпали?

АЛЕКСЕЙ. Из кармана.

АНЖЕЛА. А вообще, представляете, Наталья Витальевна, говорил, что все деньги у Лены.

МАМА. Да?

АНЖЕЛА. Ну.

МАМА. Я не понимаю вообще, Лёша, это же все свадебные деньги ваши, как ты мог их уронить?

ЛЕНА. Вот так, Наталья Витальевна.

МАМА. Это хорошо ещё, что никто какать сюда не зашёл, Лёша, ну, я не знаю. Надо было мне, как я и хотела сразу, забрать их у тебя, и всё... И пьяный какой, кошмар. Мама старалась, тебе свадьбу сделала, в долги чуть не влезла. Тебе не стыдно перед братом, перед девочками, перед Леной, что она о тебе подумает, зачем ей муж такой пьяница, а? Молодая девочка, на десять лет тебя младше.

АНЖЕЛА. Вы бы знали, что он вытворял.

ЛЕНА. Да, Наталья Витальевна. Это же всё время, что нас не было, это же мы по городу бегали, его искали.

АНЖЕЛА. Такая мама у тебя хорошая, интеллигентная.

МАМА. Мы их ищем, ищем их ходим. Бабушка Лены хотела тост сказать им, а ты вот что делаешь. Так ты вот нас всех благодаришь.

*Мама смотрит на Алексея,
который вылавливает деньги из унитаза.*

МАМА. И как ты теперь будешь их сушить, мне интересно? Ну, суши теперь их, что теперь делать. Не стыдно тебе, Алексей? Рубашку вон порвал. Я не знаю, Лёша, это дура будет Лена после этого, если ещё останется с тобой после этого жить. Ты представляешь, как ты девочку подвёл? Напился, заснул в туалете на унитаза, какой кошмар, мне так стыдно, ты хоть извинился перед девочкой? Ты извинился, Лёша? Такую крупную сумму вам подарили. Старались гости, чтоб всё хорошо было. Тамада такой хороший попался. Бабушка такая хорошая у Лены. Тётя Тоня специально из Орши приехала. Это ты так Лёша начинаешь свою новую жизнь? Пойдёмте, ребята. Сейчас свадебный торт принесут, пусть он тут один в унитаза сидит и ковыряется. Пойдём, Леночка, пошлите, ребята, пойдём, Лена. Мне так стыдно, Господи!

ЛЕНА. Ничего, Наталья Витальевна.

МАМА. И ведь он хорошим мальчиком у меня рос. Не пил, не курит, кошмар.

*Все стоят и смотрят, как Алексей вылавливает из унитаза
деньги и кладёт их перед собой.*

Конец.

Май 2008 г.